

попаданец
ПОПЫШЕН

Skif300

РУССКИЙ КОРСАР

Skif300

Русский корсар

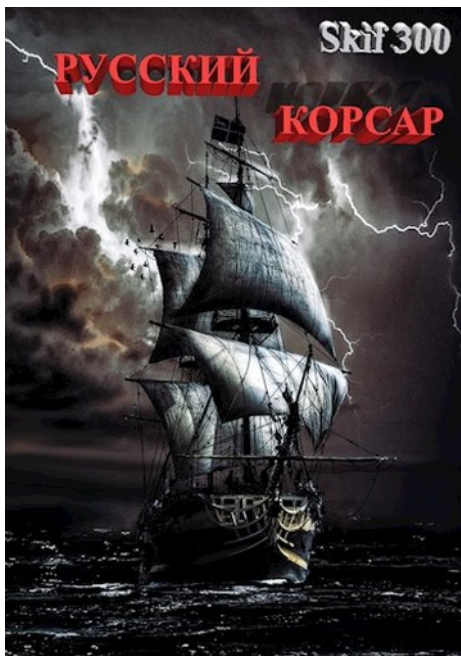
Сознание нашего современника во время сеанса регрессивного гипноза перемещается в тело предка — опричника Ивана Грозного. Казалось бы всё путём — живи и развивайся!

Увы — Жестокий век! Жестокие сердца! Служить бы рад, прислуживаться тошно!

Потому в планах — Карибы и Русская Америка! Остались мелочи — найти соратников, заработать денег и получить титул.

Содержание

Пролог.....	0005
Глава 1.....	0008
Глава 2.....	0013
Глава 3.....	0020
Глава 4.....	0025
Глава 5.....	0030
Глава 6.....	0036
Глава 7.....	0043
Интерлюдия 1.....	0046
Глава 8.....	0049
Интерлюдия 2.....	0053
Глава 9.....	0055
Глава 10.....	0063
Интерлюдия 3.....	0068
Глава 11.....	0069
Глава 12.....	0075
Глава 13.....	0081
Глава 14.....	0087
Интерлюдия 4.....	0091
Глава 15.....	0093
Глава 16.....	0098
Глава 17.....	0104
Глава 18.....	0113
Глава 19.....	0121
Глава 20.....	0128
Глава 21.....	0138
Глава 22.....	0146
Глава 23.....	0152
Глава 24.....	0157
Глава 25.....	0163
Глава 26.....	0168
Эпилог.....	0173

Skif300
Русский корсар

Пролог

Быстро подписав бумаги, я осмотрел обновленный прикид Панкратия Ивановича. Впечатляет. В новом платье, он смотрелся ещё более представительно. Приосанившись под моим одобрительным взглядом, сей господин с места пустил лошадей в карьер. Ни мало не смущаясь, предложив посетить на одной из московских квартир спиритический сеанс. Мотивировав тем, что вживаться в общество можно по-разному.

Уже решив отказаться, я переменял своё мнение, услышав, что на сеансе будет известный литератор Валерий Брюсов.

Ехать было не так далеко, но времени вполне хватило, чтобы быстренько пробежаться в памяти по моим приключениям в этом времени. Погибнув насильственной смертью в далёком 2021 году, моё сознание не растворилось в каком-нибудь слое вселенского эфира, а переместилось в тело молодого парнишки в одном из сёл Томской губернии. При переносе, новая личность приобрела ряд бонусов. Все мои навыки и умения, которые я приобрёл за более чем полвека жизненного пути, получили значительный прирост, выйдя на более качественный уровень. Далее, жизнь занесла меня в Томск, а теперь в Москву. Да, сейчас 1908 год от Рождества Христова. Цели я для себя поставил немалые, а в местных реалиях на бытовом уровне пока ещё плаваю. Один знакомый репортёр познакомил меня с городской достопримечательностью — Панкратием Ивановичем, по прозвищу Данилушка. Данный типус подрабатывал тем, что помогал таким, как я, неопытным провинциалам внедриться в московское общество. Сегодня, мне в первый раз представилась возможность увидеть его таланты в деле.

По дороге на квартиру некой Соколовской, исследовательницы одного из направлений оккультизма — теософии, Панкратий Иванович, дал мне все необходимые пояснения.

Впрочем, и без него я знал, что спиритизм увлечение для императорской России давнее и привычное. Что, ещё с прошлого века «погонять тарелочку» не гнушаются и в царской семье, и в простой крестьянской избе. А в 1906 году в Москве был проведён съезд спиритуалистов. В котором, приняли участие девяносто семь делегатов. Тираж журнала «Спиритуалист» достиг рекордной цифры тридцать тысяч экземпляров, а количество спиритических кружков сто шестьдесят. Через несколько лет их число возрастет до трёх с половиной тысяч. Правда, научного объяснения в это время уже не искали. Людям требовалось шоу, им оно и было предоставлено в потребном количестве.

Спиритическая зараза оказалась чрезвычайно живучей. Интерес к подобным сеансам не угас и в советское время. Правда, во времена Сталина, за вызов духа Льва Троцкого можно было легко отправиться на нары. Сам же припомнил, что подростком, со старшей двоюродной сестрой, увлекся на пару недель этим явлением.

Нынешний сеанс, по словам моего гида, будет проводить не какой-нибудь шарлатан, а серьёзный оккультист со стажем и репутацией. Прибыв в Москву, для организации местного отделения теософского общества, он просил звать себя коротко — брат Иоанн. Настоящее имя брата было Иван Сергеевич Тульский. Сбежав от родителей ещё подростком, ему удалось устроиться юнгой на один из кораблей торгового флота. После нескольких лет мытарств, он сошёл

с корабля в одном из английских портов в Индии. Там он будто бы постиг тайные практики индийских йогов. В Америке познакомился с Блаватской, в Петербурге сдружился с Рерихом. В общем, человек заслуженный и интересный. Ну-ну, посмотрим.

Немного удивило присутствие на сеансе Брюсова. Вроде он разочаровался в спиритизме ещё три года назад. Сейчас его литературная карьера сделала очередной крен, выйдя из редакции журнала «Вехи», Валерий в этом году возглавил Московский литературно-художественный кружок.

Антураж комнаты, где должен был проводиться сеанс, особого внимания не привлекал. Стол, накрытый чёрной скатертью, деревянная тарелка с буквами, свечи в старинных канделябрах по углам, что в этом особенного? А вот, сама личность медиума невольно приковывала внимание. Надменное лицо, с тонкими недовольно поджатыми губами, нос с горбинкой, холодный взгляд, уверенные властные манеры — честно сказать, производили впечатление. Смуглая, загоревшая под южным солнцем кожа, оттенялась белоснежным тюрбаном, с ярким красным камнем чуть выше лба.

Из гостей, после торопливого представления, запомнил только Владимира Павловича Быкова, издателя журнала «Спиритуалист», да удалось перекинуться парой фраз с Брюсовым. Валерий Яковлевич, ещё крепкий мужчина тридцати пяти лет отроду, с обвислыми усами и немного неопрятной чёрной бородкой, быстро потерял ко мне интерес. Узнав, что я не являюсь литератором, он вяло спросил, как я отношусь к спиритизму. Выслушав, что, по моему мнению, в мире ещё много непознанного и необъяснимого, покивав головой, добавил что-то в духе: мол, спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству. После чего, извинившись, покинул моё общество. Отметив, явно угнетённый вид поэта, подумал, что слухи, что он из-за личных переживаний пристрастился к морфию, не так уж и беспочвенны.

Между тем сеанс набирал силу. Только никакого «стоноверчения» сегодняшняя программа не предусматривала. По сути, наблюдаемое действие в моём будущем называлось «регрессивный гипноз». Когда человека вводят в транс, чтобы он вспомнил свои прошлые жизни. Хотя, Брат Иоанн, внёс в процесс свои коррективы, объявив, что помещает на недолгое время сознание пациента в тело одного из предков.

В данный момент, очнувшись женщина с придыханием рассказывала о том, как она жила когда-то в средневековой Франции. Смущённо опустив глаза, она тихим голосом поведала, что подверглась сексуальному насилию. Отец, французский граф, сначала нежно утешал, потерявшую невинность дочь, а потом приказал посадить её в бочку, забить крышку и утопить в море. Печально добавив напоследок, что честь рода дороже всего.

Вспомнил, что читал похожую историю в одной из дореволюционных книг. Интересно, она тоже читала или сама всё выдумала?

Заметив скептическую улыбку, брат Иоанн, переключил своё внимание на меня. Не желает ли господин, попробовать сам?

— Господин желает, — неожиданно вырвалось из моего рта. — А что? Проверю себя на внушаемость. Говорят, люди с развитым воображением поддаются гипнозу достаточно легко.

— Смотрите мне прямо в глаза. Вы совершенно спокойны. У вас полностью

расслаблены руки и ноги. Вы... неожиданно мне показалось, что камень в тюрбане брата Иоанна начал пульсировать в такт с его обволакивающими сознание фразами. А потом, будто резко выключили свет.

Открыв глаза, я обнаружил себя верхом на низкорослой лошади в странном чёрном одеянии. На левом боку висела тяжёлая сабля. С правой стороны седла, простой верёвкой был привязан собачий череп, с остатками протухшей плоти.

От автора: Не знаю, насколько оригинальным является подобный авторский финт, сделать из главного героя одной книги, ГГ в другой. Так, получилось. Захотелось отдохнуть от политики. На сюжет это никак не повлияет. О предыдущих приключениях основного персонажа можно не читать. Более того, если вы страдаете ностальгией о СССР и являетесь поклонником Иосифа Виссарионовича — туда даже не заглядывайте. Не надо).

Если же кто (после ознакомления с отрывком из данного романа) всё же заинтересуется. То, первая книга называется «Сибирский вояж» #142029, вторая «Московские гастроли» #153974. Удачи!

Глава 1

Открыв глаза, я обнаружил себя верхом на низкорослой лошади, облачённым в странное чёрное одеяние. На левом боку висела тяжёлая сабля. С правой стороны седла, простой верёвкой был привязан собачий череп, с остатками протухшей плоти.

Опять глюки? — поднял левую руку вверх, чтобы вытереть пот с разгорячённого лица. Ошибкой было, что с непривычки не обратил внимание, именно эта рука крепко держалась за поводья, которые, как известно, служат для управления лошадью. Естественно, последняя, повинуясь команде, произвольно отданной хозяином, резко затормозила, и я, дернувшись вперёд, больно прикусил язык.

Но, нет худа без добра, данная оплошность позволила мне более адекватно оценить ситуацию. Огляделся вокруг. Зима. Снег кое-где уже подтаивает, возможно, скоро весна. По времени, поздний вечер или раннее утро. Вокруг деревянные избы, огороженные хлипкой оградой, или вовсе без неё. Узкие, кривые улочки, украшенные многочисленными мусорными кучами с вкраплениями смердящих человеческих экскрементов. Кавалькада верховых, я еду замыкающим. Впереди три всадника на вороных лошадях, все поголовно одетые в тёмное. Через конский круп одного из них, был перекинут длинный свёрток. Судя по тому, что он время от времени шевелился, свёрток содержал в себе нечто живое, скорее всего даже одушевлённое.

Сняв рукавицу, ощупал свое новое лицо. На этот раз, предусмотрительно сделал это левой рукой. Ощутил под пальцами усы и бороду. Что ж, ожидаемо. На голове была надета мохнатая шапка с длинным суконным верхом. Тело от холода прикрывал овчинный тулуп, сверху покрытый грубой чёрной материей. Подпоясан он был широким длинным кушаком. Под тулупом нащупал, что-то вроде кафтана. Просторные суконные порты, доходящие до середины голенищ. На ногах, в стремяна упирались сафьяновые сапоги с высокими каблуками.

В голове стал складываться какой-то знакомый образ. Собачья голова на седле, ошметки прутьев на верхушке плётки, засунутой за пояс. Чёрное одеяние, средневековый антураж вокруг — в совокупности это показывало, что у гребаного экстрасенса, всё же что-то получилось. И, как бы, вокруг, вполне возможно Москва времён Ивана Грозного. Вспомнив, что какой-то из моих далёких предков по материнской линии, был одним из опричников этого сурового правителя, недовольно скривился. Вот же, блин угораздило!

Тут, моё средство передвижения неожиданно дёрнулось, и я, задумавшись, едва не сверзился с лошади. В голове щёлкнуло, память реципиента стала более доступной, и, я, наконец, в полной мере ощутил всю глубину ж... ситуации, в которой оказался.

Захар Боков, плотного телосложения мужчина 37 лет отроду, мой далёкий пращур, действительно был царским опричником. Входил в ближний круг Ивана 4, так как был сподручником его фаворитов, отца и сына Басмановых. Будучи «из детей боярских», Захар, ещё «вьюношей» отличившись при осаде Казани, был замечен и приближен к себе Алексеем Басмановым. Позже была битва при Судбицах, Ливонская война и участие в нескончаемых стычках с татарами. Боков заматерел, фанатично стремясь достичь мастерства во

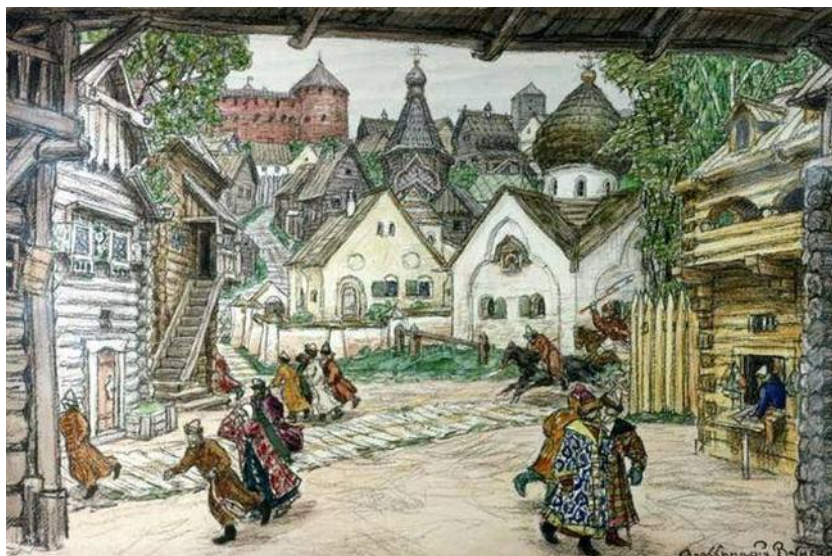
всех видах воинских умений. Сабельный бой, палочные и кулачные потехи, новомодное искусство пальбы из огнестрела — везде он входил в первую десятку из числа лучших умельцев. Всё это, а также богатый опыт практических схваток, сделало из него опасного для любого врага противника. Но, не только за воинские умения ценили его покровители.

Будучи, может быть, человеком и недалёкого ума, но хитрым и расчётливым, Захар стал прекрасным исполнителем, участником всех тайных дел царских любимцев — братьев и отца Басмановых. Не рассуждая, он выполнял любые распоряжения, причём использовал малейшую возможность получить от этого свой маленький гешефт.

Вот и сейчас, со своими старыми подельниками, он проворачивал одну хитрую комбинацию, целью которой было пополнить собственный кошелёк на энную сумму нынешних дензнаков.

Святых среди опричной братии не было. Как не было их и среди ущемляемых оными представителей земщины. Просто первые были на коне, имея за собой поддержку царя, а значит и нехилые ресурсы государства. В такой ситуации, надо было быть глупцом или юродивым, чтобы не половить рыбку в мутной воде, в целях повышения личного благосостояния.

Братья и отец Басмановы, например, как сказали бы в моём времени, «крышевали» несколько знатных земских семейств. На земли этих предусмотрительных людей не совершались лихие рейды новых царёвых слуг, с целью проверки благонадёжности. Набеги «разбойников» обычно обходили их стороной, кляузы и доносы от завистников не доходили до царского уха. За это семья Басмановых регулярно получала щедрые «подарки». Следить за этим процессом, как раз и входило в обязанности Захара. Также он, с несколькими дружками по царской службе, занимался охраной подопечных от нападков различных конкурентов. Нередко ему поручали и наказание строптивых. Для этой цели, он имел связь со сборным отрядом отчаянных людишек, из своих бывших сослуживцев, опытных воинов, набранных из отъявленных отмороzków. Под видом разбойников, они опустошали земли строптивного боярина, не щадя ни слабого, ни малого.

Иметь подобного человека в недоброжелателях было опасно, поэтому ему часто накидывали небольшой бакшиш сверх оговорённой суммы, прекрасно понимая, в чей карман, попадёт этот излишек.

Но предку хотелось большего, поэтому его изворотливый ум придумал хитроумный и циничный план по набиванию своего кошелька.

Московский царь Иван 4, не зря носил прозвище Грозного. Много разных дел натворил этот суровый товарищ, беспощадно выжигая крамолу, сурово «зажимая» своевольную боярскую оппозицию. Ущемил он интересы и соседних государств, русская экспансия вызывало у них нешуточную тревогу.

Посему, о Грозном ходило много нехороших слухов. Откровенное враньё чередовалось с правдой, но поданной под самым неприглядным соусом и значительными преувеличениями.

Недоброжелатели не обошли стороной и царскую личную жизнь. Сплетни на эту тему распускались самые витиеватые.

Захар Боков, не утруждая себя мыслями о моральной стороне вопроса, цинично воспользовался этим в своих корыстных целях. По московским посадам тишком были запущены слухи, что царь приказал своим верным слугам провести перепись всех красивых девиц, лучшие из которых будто бы будут насильно свезены в Александровскую слободу на блуд и поругание. Для подтверждения, верные люди Захара, переодетые в чёрные опричные одежды, ездили по посадским улицам и опрашивали зажиточных жителей на предмет наличия у них хорошеньких девок. После чего напуганных отцов семейства посещал автор идеи и тонко намекал, что за определённую мзду готов, вычеркнуть девицу из перечня, ввиду недостаточной смазливости. Те рады были расстаться с толикой денег, лишь бы спасти кровиночку от поругания. До поры до времени схема работала безотказно, принося ощутимое пополнение заветной кубышки.

Сбой произошёл на семье боярина Юрьева. Так-то со знатными семьями, Захар старался не связываться. Здесь же глава семейства сгинул во время татарского набега, а малолетние сыновья попали в рабство. От них давно не было ни слуху, ни духу. Тем не менее, гордая матушка — боярыня на угрозы не повелась, и платить доброхотам — защитникам отказалась. Пришлось, изобразив нападение разбойников, увезти девицу силой.

После чего строптивой мамаше направили гонца с требованием о выкупе. И вот теперь, Захар ехал, чтобы забрать отступные. Разумеется, честно выполнять свою часть сделки он не собирался. Все жители усадьбы, должны пойти под нож. Опасные свидетели ему не нужны. Главное — забрать деньги. Конечно, придётся делиться с «братьями», как по воле государя называли друг — друга сослуживцы по опричному войску.

Братья! Как волки эти самые братья относились друг к другу. Стремясь выслужиться перед царём, они использовали малейшую оплошность товарища, чтобы беззастенчиво очернить его перед государем. Сделав тем самым маленький шагок для собственного возвышения.

Тем временем, кривые посадские улочки сменились заснеженным полем, с еле угадывающейся между сугробами узкой колеёй-тропинкой, по недосмотру именуемой дорогой. Видно, пользовались ей не часто.

Вдали показались массивные деревянные ворота, встроенные посреди остроконечного тына, огораживающего немалых размеров усадьбу. Дорогу Захар помнил ещё по-вчерашнему, когда именно он и увозил отсюда неудачливую девицу. Пытавшихся было помешать произволу, нескольких боевых холопов с ржавыми сабелями, порубили без всякой жалости. И теперь, распахнутые

настежь ворота, неубранные трупы, говорили о том, что жизнь покинула это место.

Странно! Судя по сведениям из памяти Захара, их должны были ждать с выкупом. Непонятно.

Но, такие мелочи моих товарищей, интересовали мало. Взойдя на высокое крыльцо, они, пройдя вдоль террасы, через тёмные сени, проникли на второй — жилой ярус здания. Протиснувшись через узкие двери, я со спутниками оказался в просторной зале с невысоким потолком, обшитым крашеными досками. Было холодно, печи не топили минимум сутки.

Где хозяйка-то — громогласно спросил один из моих спутников, Гаврила Васильев.

— Что-то не видно никого.

— Ну, так иди, поищи, — посоветовал я, с надеждой уменьшить количество противников. Так как, безучастно смотреть, как убивают невинных людей в мои планы не входило. У меня не такая закалённая психика, как у настоящего хозяина этого тела. К тому же, дни Захара были практически сочтены, скоро его покровители лишатся царской милости. Вроде бы Федька собственноручно, желая угодить царю, убьёт в темнице собственного отца, а потом сам отправится в ссылку.

Насупившись, Гаврила недовольно крякнул, но перечить не посмел, бормоча что-то себе под нос, он, громко хлопнув дверью, покинул помещение.

Двое моих оставшихся товарищей, не обращая на нас внимания, занимались более увлекательным делом. Развернув, некое подобие ковровой дорожки, в которую была завёрнута злосчастная девица, они с понятным интересом уставились на жертву. Одета в длинную льняную рубашку, та очевидно сомлев дорогой, практически не подавала признаков жизни.

Братья Вахромеевы, Семён и Михайло. Один садист, другой простой «бык», ещё тупее моего предка — по своему интерпретировал я информацию из его памяти.

Семен, склонившись над девицей, задрал ей рубашку до колен, обнажив пухлые белые ноги с густо заросшим рыжеватыми волосами лобком.

— Брат, давай попользуемся девкой? Чего добру пропадать? — прошепелявил он, оглянувшись на меня.

Не дождавшись ответа, принялся расстегивать кафтан. Приспустив портки, он, опустившись на колени, грубо развёл девичьи ноги в стороны. Михайло, жадными глазами, не отрываясь, следил за действиями родственника.

— Пора, — как-то отстраненно подумал я. Заученным движением сабля покинула ножны. Подшаг, удар — и голова несостоявшегося насильника покати-лась по грязному полу. Туловище, постояв пару секунд, тяжело рухнуло вниз, орошая девичье тело горячей кровью. Видимо, последняя попал девице на лицо, закупорила дыхательные отверстия, от чего та внезапно очнулась, зайдясь в судорожном кашле.

Но, мне пока было не до неё. Выхватив оружие, на меня с рёвом накинулся Михайло Вахромеев. Что-то яростно крича, он разродился тучей беспорядочных размашистых сабельных ударов. Скупыми точными движениями, отбивая атаки агрессора, я плавно переместился к центру комнаты. Заметив массивный деревянный табурет, примостившейся с торца обеденного стола, перевернул его резким толчком ступни, прямо под ноги противнику. Успешно раз-

минувшись с неожиданным препятствием, Михайло невольно сбавил темп. Не упустив свой шанс, я в длинном выпаде, чиркнул по его горлу кончиком сабли.

Не обращая внимания, на дергающийся в конвульсиях будущий труп, подошёл к девице, и скинул с неё тело старшего Вахромеева. Приподняв девушку за плечи, помог ей отдышаться. Выплёвывая, попавшую в рот красную жидкость, она уставилась на меня взором испуганной лани. Взъерошенные волосы, размазанные по лицу кровавые разводы, дрожащие губы — на красавицу она явно не тянула.

Посторонние мысли, едва не сыграли со мной злую шутку. Услышав шорох за спиной, я на автомате ушёл в бок перекатом. Нанесённый со страшной силой удар, обрушившийся на то место, где ещё секунду назад была моя голова, едва не развалил её надвое.

Не вовремя появившейся, Михайлов излишними рефлексиями не страдал. Но, вот, тренировкам с холодным оружием, он видимо, уделял мало внимания. Легко отбив первые выпады, посредством лёгкого финта достал его правую руку, тем самым лишив оружия, затем резким ударом рубанул поперёк лица. Помедлив, кольнул в область сердца, милосердие нам не чуждо.

Устало опустившись на лавку у стены, задумался, что делать дальше. Долго ли ещё пробуду в этом теле? Мысль отсидеться в тихом уголке, отбросил как неконструктивную. Сколько сидеть и чего ждать? А тут такой шанс — увидеть древнюю Москву! Да ещё, без санкции соответствующих органов. Какой советский школьник, после очередного просмотра знаменитого фильма, отказался бы от подобной возможности? Вот только, девка эта. Надо её куда-то пристроить. Мы ж в ответе, за тех, кого спасли или приручили.

Похлопав горемычную по щекам, окончательно привёл её в чувство.

— Слышишь меня? Всё понимаешь? — дождавшись, когда она кивнёт головой, продолжил:

— Нужно, место, где можно привести себя в порядок. Ну, умыться, поесть, поняла?

— Поняла, тогда веди.

Спустившись вниз, судя по наличию печи, в кухню, мы быстренько перекусили остатками какого-то варева, сохранившегося на дне большого глиняного горшка.

После чего прошёлся по комнатам, проверяя на наличие живых душ. Везде было пусто, лишь в хозяйской опочивальне на полу лежало женское тело. Вот и хозяйка нашлась. Видать удар хватил, не выдержало сердце последних неприятностей. Посмотрев на пустые сундуки с распахнутыми крышками, предположил, что дворня разбежалась по окрестностям, приватизировав часть хозяйского добра. Решил девушке пока об этом не говорить.

Найдя на улице вязанку хвороста, затащил внутрь, чем счёл свою задачу выполненной. Растопить печь, нагреть воды, приготовить еду — здесь это женское занятие. Потому, сбросив дальнейшие дела на хрупкие девичьи плечи, блаженно растянулся на широкой лавке. Пусть девочка работает, ей полезно будет для психотерапии. Усталость и стресс скоро взяли своё — сам не заметил, как погрузился в беспокойный сон.

Глава 2

Пробуждение было внезапным, как удар грома. Как то так получилось, что за время короткого сна перед глазами, словно на ленте кинохроники, пролетела вся жизнь человека, чьё нынешнее тело заняло моё сознание. И некоторые подсмотренные поневоле события, я предпочёл бы забыть и не вспоминать никогда. Но, память вновь и вновь возвращала меня к одному и тому же месту.

Желая покарать Новгород за измену, в начале 1570 года Иван 4 двинул своё опричное войско к городу. Второго января он был полностью окружён. Восьмого царь направился к обедне в храм Святой Софии. Казалось, вроде ничего не предвещало беды, государь со смиренным выражением лица, спокойно отстоял службу.

Но вдруг, после литургии, выйдя на улицу, Иван Васильевич закричал «гойда!». И Новгород подвергся многодневному разорению. Досталось всем: пострадали, и знать, и духовенство, и простые горожане. Историки до сих пор спорят о количестве пострадавших. Однако, есть свидетельство от самого царя. В поминальном синодике, где он кается перед своими жертвами, имеется красноречивая надпись, относящаяся к этому времени: «По Малютиной сказке (по словам Малюты Скуратова) отдал 1490 человек».

Девятого января на Городище доставили схваченных опричниками людей из разных сословий, подозреваемых в измене. Тащили целыми семьями, не брезгуя слугами и престарелыми приживалами. После пыток, главы семей были облиты какой-то особой горючей смесью. Опалённых их за ноги привязывали к саням и тащили по направлению к Волхову. Там сбрасывали с моста на лёд и топили в полыньях. Вместе с ними в воду заталкивали и семьи. Маленьких детей привязывали к матерям.

Мой предок, Захар Боков, принимал в этом непосредственное участие. Может быть, время было такое или душа его очерствела за долгие годы, проведённые в боях и походах, но ни малейших сомнений или жалости он не испытывал. Один эпизод, из его «подвигов» запомнился мне больше всего. Когда, спустившись на лёд, он за волосы отволол к полынье молодую девушку лет шестнадцати. Как скинул её полубессознательное тело в воду, а потом багром толкал его вниз под ледовую корку. Добившись своего, он невольно кинул

взгляд на кусочек ледовой поверхности, очищенной от снега. Две девичью ладони упёрлись в лёд со стороны реки, а между ними белое пятно лица — и глаз, который не мигая смотрел на Захара... А потом всё исчезло. Предок только плюнул, тут же забыв про увиденное. А вот на меня это произвело впечатление. Проснувшись в холодном поту, я долго не мог прийти в себя. Не уверен, что вообще смогу выкинуть подобное из памяти.

Немного отойдя от подсмотренного в памяти предка, задумался, что делать дальше. Решил съездить посмотреть на нынешнюю «царскую Москву», заодно забрав нажитый Захаром хабар, который он хранил у своего родственника дьяка Ивана Бокова. Кто знает, выкинет меня из этого тела или нет, делать то что-то надо.

Девушка, малость отмывшаяся и приодевшаяся выглядела уже не так непрезентабельно. Ну, или мои понятия женской красоты двадцать первого века, были далеки от эталонов шестнадцатого. В принципе, всё равно. Не до этого сейчас. Так как виноват во всех её бедах был бывший владелец моего нового тела, я чувствовал за неё ответственность. Поэтому, смотря ей прямо в глаза, твёрдо обещал вернуться. Велел сидеть тихо, не отсвечивая. Если меня не будет через пару дней, пусть спрячется у крестьян, в ближайшей деревне. А там или родственники объявятся, или еще, какая оказия приключится. Бог не выдаст, свинья не съест. Вроде поверила, немного успокоилась.

В Александровскую слободу, я попал примерно в полдень. Расписание, по которому жил царь и его ближайшее окружение было мне прекрасно известно. Память предка досталась мне в полном объёме. Вопросом, куда же тогда девалась его личность? — я не задавался. Было бы о ком жалеть. Не мешает — и ладно.

К духовному окормлению своей опричной братии царь приступал с четырёх часов утра. Иногда не гнушался лично залезть на колокольню, чтобы от души позвенеть в колокола. С четырёх до семи, вместе с церковными служителями Иван 4 поёт со своими братьями — опричными слугами различные псалмы. Затем перерыв на час, после которого снова пение и молитвы в храме, продолжающиеся до десяти часов. Не прийти на службу нельзя, это допустимо только по причине телесной немощи. За прогул — восемь дней епитимьи, за «злостное пренебрежение», могут побить палками. Далее начинается трапеза, во время которой царь стоит, пока братия принимает пищу. Часто, воображая себя в роли настоятеля, а опричное войско в качестве монахов, во время обеда, он читает им вслух назидательные книги. Кушанья подают далеко не постные, хватает и хмельного.

Одеты царские слуги в тёмные одежды: монашьи куколки, крестьянские овчины. Однако под простыми одеждami у них были поддеты другие одеяния — из дорогих тканей со вставками куньего и собольего меха. На взгляд человека будущего — двойные стандарты, лицемерие и лживое морализаторство в действиях и поступках русского царя прослеживались невооружённым глазом. Однако, нельзя судить человека из прошлого по современным меркам, оторванным от понятий и мировоззрения, господствующих в его действительности. Лица, стоящие у власти, тогда искренне верили, что богатые подарки на благо церкви, поминки по загубленным жертвам, смогут спасти их души от расплаты за содеянное при жизни. «Богу богово, а кесарю кесарево. Вся власть от бога». А раз так, то повинные в измене против власти, повинны и перед бо-

гом. Значит, зачем церемониться с грешниками? Можно их отправить под лёд, как в Новгороде. Что интересно, в памяти Захара, я нашёл этому вполне логичное объяснение. Дно реки, озера и т. д. у людей того времени ассоциировалось с преисподней. Поэтому, отправить человека на дно водоёма, значило поместить его прямо в ад. С точки зрения, предка — простое, всем понятное действие. На взгляд человека будущего — излишняя жестокость.

Захар и монашеские закидоны Ивана 4, считал за нормальное явление. А как иначе? Согрешил — покаялся. А что грех немалый, так с царей и спрашивается больше. Они за всю державу в ответе. Даже нынешние историки, оправдывая действия Грозного, приводят следующие примеры.

«Подсчитано, что за 50 лет правления Ивана Грозного было казнено общим числом 3,7 тыс. человек. За 17 лет правления английского короля Генриха VIII, старшего современника царя, казнили 79 тыс. человек, причем многих сварили живьем в котле. Во время (и после) Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г. во Франции с согласия короля Карла IX было убито в среднем 15 тыс. человек».

То есть, лить кровь как водицу, в этом времени не крайность, а данность. Действия Ивана отличаются только присутствием особой театральной жестокости. Да и то, может излишне преувеличенной иностранными очевидцами. К тому же, человека можно понять: тяжёлое детство, игрушки, прибитые к потолку.

Да уж... Только, я то не Захар, мне такое в падлу. Служить этим упырям-королям-царям, какими бы они не были замечательными реформаторами, я не

готов. Потому, ноги в руки — и на Карибы, или в Америку. А там, я сам себе хозяин. Обладая же сознанием человека из будущего, его обширными знаниями, а так же тренированным телом профессионального вояки — натворить я могу много, а подняться ещё выше.

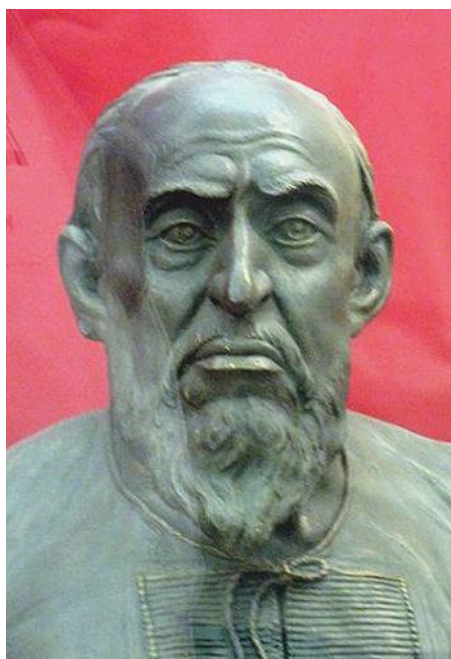
Рассуждая, таким образом, с интересом наблюдал за царской трапезой. Ибо, сегодня мне повезло, штатный распорядок дня у русского государя изменился. Сейчас, он закатил пир по другому поводу — принимал послов. Откуда гости, я толком не понял, да это и не важно. Интересен сам процесс, когда ещё увижу такое собственными глазами.

Иван Васильевич сидит в центре, рядом чуть поменьше и пониже — столы его сыновей Ивана и Фёдора. Далее — приближённые, согласно знатности и положению. Напротив царского стола посадили послов. Говорят, на таких пирах подавали до полутысячи разных кушаний и выпивали более ста пятидесяти вёдер спиртных напитков.

Я с интересом наблюдал за происходящим. Глаза фиксировали, прежде всего, то, что было необычно для моего времени.

Жидкие кушанья наливали в мисы, из них варево потребляли сразу три-четыре человека со своими ложками. Мясо подавали резанное на куски, его брали руками. Нет, были и тарелки, но на них не накладывали еду, а кидали обглоданные кости.

Отравить царя было сложно. Сначала повар, что приготовил блюдо, пробовал его в присутствии дворцового слуги — стряпчего. Затем другой слуга — ключник, под охраной стряпчего нёс блюдо из кухни через весь двор во дворец. Во дворце кушанье отведал дворецкий, затем передавая его стольнику. Стольник держал блюдо на руках, возле царского стола. От стольника его принимал крайничей. В свою очередь, испробовав кушанье, он ставил его непосредственно на стол. Подобным образом поступали и с винами. Их пробовали несколько раз, прежде чем вино доходило до царского чашника.

Если судить по воспоминаниям Захара, Иван 4 очень сдал после введения опричного беспредела. Из статного привлекательного мужчины, он превратился почти в старика с сутулой спиной и большими залысинами. Его крючковатый нос, издали напоминал орлиный клюв. Вместе с тем, показное смире-

ние, которое он демонстрировал по утрам в церкви, сменилась на непомерную гордыню перед иноземными посланниками. Этого у него хватало, из памяти предка всплыл эпизод, когда присланный ему из Персии слон, не пожелал стать перед царём на колени. Иван приказал охране изрубить его саблями. Я поморщился, Захар был одним их тех, кто убивал несчастное животное. Бедный слон, по сути, подросток, он так жалобно трубил, пытаясь уклониться от острых жал, который непонятно за что всаживали в его тело жестокие хозяева.

Каюсь, после таких воспоминаний, воспринимать этого человека на троне, как-то положительно — у меня уже не получалось. Да, будь я трижды не прав, но смотрел на него с неприязнью. Да, какой ты орёл, — мелькало в голове — твои достижения в прошлом. После своей опричнины, ты просрал все войны, татары дошли до самой Москвы. Скорее ты стал грифоном, клюющим падаль, упивающимся человеческими страданиями. С головой у тебя, явно стало, что-то не так.

Внезапно, словно почувствовав мой неприязненный взгляд, царь поднял на меня свой тяжёлый взор. Я отвёл глаза, харизма у русского государя определённо присутствовала. Может, я слишком пристрастен в своих суждениях? И мои понятия о нынешних порядках искажены мировоззрением человека другой эпохи?

Заметив, как Иван, знаком поманив одного из приближённых, кивком указав ему в мою сторону, что-то шепнул на ухо, понял — надо уходить.

Уже почти добравшись до коновязи у ворот, где оставил своего основного и заводного коней, почувствовал чужое внимание. Обернувшись на гневный окрик, я узнал государева ближника Малюту Скуратова. Решение, как поступить созрело ментально. Приложив палец к губам, поманил его в сторону конюшни. Зайдя внутрь, просто развернулся и приложил с правой. Добавив упавшему человеку ногой в живот, пробил пару раз ещё и в голову. Ничего, мужик крепкий, очухается. Убивать не хотел, считая себя не вправе менять русскую историю. Мне необходимо было, всего лишь пару часов форы. Ругать себя за то, что вообще попёрся на царский пир, причём только из-за того, чтобы удовлетворить своё любопытство — не стал. Всего не предусмотритишь. Мой путь лежал в Москву, нужно было навестить родственника.

Иван Боков, дьяк одного из царских приказов, двоюродный брат по отцу, встретил меня настороженно. Посмотрев на недовольное, заплывшее жиром лицо одного из типичных представителей чернильного племени, я с неким злорадством предупредил о возможных неприятностях, связанных с моей личностью. После чего его отношение ко мне изменилось радикальным образом. Куда подевалось прежнее подобострастие. Он даже не пригласил на обед, позволив только быстро перекусить на кухне холодными щами из кислой капусты. Так, надо отсюда побыстрее сваливать. Под предлогом справить малую нужду, отлучившись во двор, поспешил в заброшенную конюшню, где у меня был сделан тайник. Быстро расчистив угол у правой стены, под тонким слоем земли нащупал старую полугнилую доску. Отбросив её в сторону, достал небольшой деревянный сундучок со своими накопленными непосильным трудом сбережениями. То есть, результатом, полученным от военных трофеев, грабежей и насилия. Запихав всё в мешок, не прощаясь с братом, прошёл к воротам. Послал бог пращуров — урод уродом погоняет. Привязав мешок к седлу

заводного коня, тронул поводья. Прощай Москва! Вряд ли больше увидимся.

До усадьбы добрался без проблем, пребывая в эдакой глубокой задумчивости. Причина задумчивости заключалась в случайной встрече на дороге. Уже выезжая из центра, на одном из перекрёстков моё внимание привлёк небольшой костёр, у которого грелся одинокий человек в тулупе, вооружённый бердышом и саблей, заткнутой за кушак с левого бока. Подъехав ближе, оторопел. Недалеко от костра из мёрзлой земли торчали две женские головы, с колтунами волос, припорошенных снежным покровом.

— За что их так?

— Мужей порезали, злыдни... — караульный подул на озябшие ладони.

Это ж надо, — удивился я. Какие мучения терпели эти несчастные, что пошли на такое. Желание освободить закопанных, задавил в зародыше. Холодно, если отойти не успели, то ждать недолго.

Направив коней на нужную улицу, я задумался.

Жестокий век. Жестокие сердца. Ну, да. Садист Ваня Грозный казнил, замутил почти четыре тысячи человек. Правители из грядущего... Там счёт уже на миллионы. Особенно, отличился один неудавшийся художник, дослужившийся до ефрейтора... Так, где правда? И нам ли судить этих дилетантов из прошлого? Учитывая порядок цифр погибших и замученных людей будущего из-за чьих-то идеологических и иных амбиций? Я думаю, ответа на этот вопрос нет, и не будет. Пусть решают потомки.

В ворота заехал с опаской, но вроде всё спокойно. Заведя коней в конюшню, снял седло и задал им корма. Прихватив мешок с личными накоплениями, решил припрятать на всякий пожарный. Внимание ещё с прошлого раза привлекло недостроенное кирпичное здание с подвалом. Зайдя в подвал, зажёг припасённый факел. Нашёл небольшую нишу в стене, зачем-то оставленную нерадивыми строителями. Спрятал туда своё богатство. Затем заложил валявшимися у входа кирпичами. На всякий случай кончиком ножа сверху процарапал жирный крест.

Вернувшись во двор — понял, что всякое везение когда-нибудь заканчивается. Ну что ж умирать, так с музыкой. Как там, у Владимира Семёновича?

В тот вечер я не пил, не пел -
Я на нее всю глядел...
Как смотрят дети, как смотрят дети...

Иду с дружкой, гляжу — стоят,
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
Их было восемь.

Они стояли, мои бывшие коллеги из опричного царского войска — и ехидно улыбались. Их было восемь. Надо было прирезать этого Малюту, не взирая на последствия... Но, что это меняло? Душа предка вырвавшись на волю, радостно запела. Наконец-то, настоящее дело.

Резко рванув вперёд, я воткнул кончик клинка в первую жертву. Выхватив из его, враз ослабшей руки, саблю, широко улыбнулся. Вот теперь — повоюем. Я ж обоерукий.

Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь, —

Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

И понеслось. На кого напали, недоумки? Выстроив врагов цепочкой, я гасил их одного за другим. Нечего было жрать заморские вина вместо тренировок. Пара минут — и против меня всего четверо. Только эффект неожиданности пропал — и за меня принялись всерьёз. Отбив — удар — финт — и ещё один враг упал с распоротым животом. Но, досталось и мне. Кровь сочилась из ран на правом бедре и левом плече. Ещё немного — и мне каюк.

Зафиксировав саблю одного из нападавших, пнул его в колено. Не нравится? Затем рукояткой оружия, зажатого в левой руке, ударил в висок. Добиваю супостата уколом в горло. Осталось трое. Из последних сил сделал длинный выпад вперёд. Минус ещё один. Осталось двое.

Сил не было, сказала потеря крови — это конец. Противники, медленно заходили на меня с боков, стараясь не мешать друг другу. Нет, так просто не дамся. Бросив саблю из левой руки в лицо одного из оставшихся противников, я рванул ему навстречу. Тот замешкался. Этого мне хватило, чтобы рубануть его по голове моей правой. Всё — я пас. Устало опустив руки, молча наблюдал, как последний враг поднимает оружие, чтобы добить меня завершающим красивым ударом. Последнюю энергию я отдал, чтобы позорно не упасть на колени. Последнее, что запомнил, было блеснувшее над головой лезвие клинка.

Тело Захара Бокова, упавшее на заснеженную землю, уже не увидело, как в спину его торжествующего врага вошло старинное копьё, заставив опуститься руку с занесённым для удара оружием. Как напрягая все силы, невысокая девушка с рыжеватыми волосами тащила его тяжёлую тушку по направлению к такой же цвета лошади, запряженной в неказистые крестьянские сани.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Глава 3

Пробуждение было тяжёлым. С трудом разлепив веки, попробовал оглядеться, но вокруг была только мутная серая пелена. Попытавшись протереть глаза левой рукой, почувствовал резкую боль в плече. С трудом сдержав стон, с упорством, достойным лучшего применения, попробовал проделать эту же операцию правой. Ничего не изменилось — серая муть никуда не исчезла. Слеп что-ли? Эта мысль мне не понравилась, о подобном лучше не думать. Ха, думать. Мозги отказывались это делать: в голове был полный туман, в котором временами всплывали какие-то обрывочные мысли. В таком хаосе, я провёл несколько часов, возможно, в реале гораздо меньше, время в том полубессознательном состоянии, в котором находилась моё брненное тело, ощущалось совсем по-другому.

Наконец, в очередной раз, открыв глаза, с радостью отметил, что окружающая серость исчезла. В голове немного прояснилось, и до меня дошло — наступил рассвет. Ура! Гипотеза о потере зрения оказалась ложной. Ещё бы выяснить, где я? Задавать вопрос: кто я? — посчитал преждевременным, надеюсь память вскоре вернётся. Кряхтя, опираясь на правый локоть, слегка приподнялся, с целью осмотреть окружающее меня пространство.

Что, нахожусь внутри деревянного дома, сложенного из брёвен — понял сразу. Что дом старинный — тоже. Ибо, большая русская печь, занимающая чуть не четвертую часть помещения, была сбита из глины — и не имела трубы. Курная изба, подумал я, топят по чёрному. Нормальных окон — не было. Их заменяли небольшие вырезанные в стене продолговатые дыры, в высоту венца. Дыры были затянуты мутной плёнкой: бычий пузырь? Широкие лавки у стен, на одной из которых находилось моё лежбище, были выстланы сеном вперемешку с соломой, сверху это убожество было прикрыто дерюгой — грубой тканью из толстой льняной пряжи. Больше всего меня удивил потолок — смутило его полное отсутствие. Просто, с двух противоположных сторон венцы постепенно уменьшаясь в длине, сводились на нет, образуя тем самым основу для двухскатной крыши. Такие же по виду бревна, только тоньше в диаметре, заменяли собой привычные нам доски перекрытия. На них были уложены широкие полосы вываренной бересты, укрытой сверху плотным слоем соломы.

В углу на стене разместились две небольшие закопченные иконы, вместо привычной металлической лампы под иконами висела небольшая глиняная чашка, наверняка с маслом. На полках под потолком стояла какая-то деревянная посуда: блюда, чашки, глиняные горшки и плоски. За печкой виднелся край грубо сколоченного длинного деревянного стола.

Дверь внезапно распахнулась, впуская холодный воздух с улицы. В избу ввалилась бесформенная фигура, по самые уши упакованная в большой не по размеру тулуп из овчины. Сбросив свою неприхотливую одежду, передо мной предстала молодая девушка со светлыми рыжеватыми волосами. Сверху сарафана с деревянными подобиями пуговиц по всей длине, на ней была одета душегрея, тёплая кофта без рукавов.

Повесив тулуп на колышек у двери, девица, наконец, повернулась в мою сторону. Испуганно ойкнув, она смешно, прижав их ко рту, вскинула руки. Мы, молча уставились друг на друга. Сил на разговоры у меня не было, зато

остро проявилось желание замочить червячка. Я знаками показал, что дико хочу кушать.

Понятливо кивнув, девица шустро нырнула за печку, вернувшись с небольшим кувшином молока и куском чёрного хлеба. Молоко было кислым, а хлеб чёрствым, но в тот момент, это волновало меня меньше всего. Умяв угощение, я почувствовал, как выпитое просится наружу. Попытался встать, но ноги были словно чужие. Плюнув на условности, постарался знаками объяснить, что мне нужно сделать пи-пи. В результате мне предоставили странное ведёрко: сплетённое из прутьев, внутри оно было обмазано глиной. Долго готовиться было не нужно. На мне была надета просторная рубаха с широкими рукавами длиной до середины бёдер. Взявшись за подол с удивлением заметил, что девка любезно предоставившая мне срамную посудину, всё также стоит, уставившись на меня немигающими глазами.

Что так и будет смотреть? А пофиг.... И только, в последний момент она отвернулась.

Сделав свои дела, почувствовал упадок сил. Их хватило только на то, что закинув ноги на лавку, вырубиться в беспокойном сне.

Следующие несколько дней прошли в щадящем режиме. Я только ел и спал: не хотелось даже думать, накатила полная апатия. Но, нет ничего вечного, меньше чем через седмицу мне такое растительное существование наскучило. Появилось желание разобраться с окружающей действительностью. За всё это время, меня посещали только два живых существа: рыжая девка, исправно приносящая неприхотливую еду и убирающая отходы моей жизнедеятельности, а так же горбоносая бабка, как понял, местная знахарка.

Последние, что я помнил — занесённую саблю над своей головой, и торжествующий взгляд её хозяина — Васьки Рябого. Почему, выжил, как оказался в этой избе — не имел об этом ни малейшего понятия. Так же пока не представлял вариантов ответа на два главных русских вопроса: кто в этом виноват? — и, что мне делать дальше?

Не рыжая, ни бабка со мной не разговаривали. Сам тоже держал рот на замке — желание общаться не возникало. Бабка периодически применяла на мне приёмы и методы народного лечения: прикладывала к ранам какие-то травы и поила горькими, противными на вкус отварами. При этом она периодически подозрительно на меня поглядывала, время от времени, когда думала, что я не замечаю, торопливо осеняя мою болезную тушку крестным знаменем. В чём дело, открылось гораздо позже — оказывается бабулю сильно удивило быстрое заживление моих ран.

Последних было две: от колющего удара в плечо и от рубящего — в бедро. Ногу мне поместили знатно: хотя до кости сабля не дошла, но крови потерял прилично. Отсюда и причина общей слабости организма, сами раны затянулись удивительно быстро.

Именно скоротечное исцеление и стало причиной отчуждённого молчаливого отношения ко мне со стороны рыжей. Чую, старая карга поделилась с ней своими подозрениями: не от бесов ли такое чудо? Хотя, чему тут удивляться? Время такое — мракобесие и суеверия в народе: цветут и пахнут.

Сегодня, решил, наконец, прояснить ситуацию:

— Что, малая, долго ещё молчать будем? Скажи хотя бы, как тебя звать-величать то?

Девушка, в это момент, подававшая мне кринку с водой, испуганно замерев, дёрнулась было к спасительной двери, но я крепко ухватил её за руку. Замерев на несколько секунд, она, с укором посмотрев мне в глаза, мягко попробовала освободить конечность. Не препятствуя, повторил вопрос.

Немного подумав, девушка, в которой узнал, похищенную по моему приказу, боярышню Юрьеву, сняла с полки икону и, подойдя, поднесла к моим устам.

Внутренне усмехнувшись, осторожно перехватил священную доску, прикоснувшись к почерневшей поверхности губами. Затем истово перекрестился, вовремя вспомнив, что сейчас крестятся двумя перстами.

Увидев, что я не корчусь от боли и даже не исхожу дымом, боярышня облегчённо вздохнула — и мы, наконец-то, смогли нормально поговорить.

Коротко упомянув, как спасла мне жизнь, кольнув врага в спину боевой рогатиной, Марфа, как звали девушку, рассказала о дальнейшем развитии событий.

Добравшись до ближайшей деревеньки, она позвала на помощь местных мужиков. Отказать хозяйской дочери, даже не имеющей мужчин-защитников — крестьяне не решились. Правда, за помощь запросили половину добычи: коней, оружие и личное имущество, павших от моей руки бывших товарищей-опричников. Затем, погрузив мою тушку в сани, они привезли её в жилище старой кормилицы молодой боярышни, с которой у той сохранились хорошие отношения. Кормилица перебралась в избу к сыну, а меня принялась выхаживать старая знахарка Агафья. Всё бы ничего, вот только раны на мне заживали неправдоподобно быстро — и Марфа боялась, что Агафья разболтает об этом жителям деревни.

Я присвистнул: это серьёзно. Прислужника дьявола, колдуна — сам бог велел приголубить до смерти, или отдать в ближайший монастырь на проверку. Тем более, у меня есть чем поживиться. Подопрут дверь поленом, да подожгут. Или стукнут по темечку, ограбят, спустив в полынью под лёд. Уходить надо. Причём причин, сменить местоположение на более дальнее — хватает и без этого. Пропавшего отряда скоро хватятся, а поиски легко могут привести и сюда. Смотря, с каким тщанием искать будут. Но несколько дней у нас есть, так что, оклемаюсь ещё чуток — и двинем. Почему — у нас? Так, куда я её брошу — сироту рыжую? Совесть не позволит, спасла меня, подышать не оставила. Да, и не хочу — в компании веселее. О чём девушке — и озвучил. Сразу повеселела: тревога в глазах прошла, видно тоже про свою судьбу маялась. А что думать? Не прибьёшься к мужику — будешь законной добычей для первого встречного. А со мной она уже огонь и воду прошла. Остались только медные трубы. Жизнь друг другу спасли, было? Было. О моём же участие в своём похищении, она, вроде, не сном, ни духом. Вот пусть так и будет. Формально, за грехи предка, я не в ответе.

Теперь надо решить куда податься? Оставаться в родных местах не получится — отношения с властью, я испортил окончательно. Да, и предок здесь покуролесил знатно. Без царской поддержки долго не протяну. Найдутся мстители, грохнут где-нибудь в подворотне — и закопают. Да, и не глянулся мне царь-батюшка: Иоанн Васильевич, да так, что аж с души воротит. Вот честно, пытался найти в его царствовании положительные черты. А таких немало набралось. И территориями земля русская многократно приросла (в тридцать

раз), и местное самоуправление (выборное) ввёл. Отменил рабский труд, учредил бесплатное начальное образование (церковные школы), впервые создал регулярную армию... Да, много чего хорошего сделал. Так, посмотришь — прямо герой, настоящий Великий Государь. А грехи? Говорят, что иностранцы оболгали, да Романовы руку к его очернению приложили — ревновали к предыдущей династии. Всё так, только чую — и на солнце бывают пятна. В общем, спишем моё неприятие личности царя на личную субъективную антипатию. Может, сказалось, что в принципе не хочу прогибаться под какого-нибудь породистого властного ублюдка. Не обучен-с! В моё время служили государству, а не личности. А в этой эпохе святых властителей нет — по понятиям морали будущего — все они именно ублюдки: жестокие, хитрые и коварные. Скажете, сейчас другие не выживут? Соглашусь, но что это меняет?

В общем, служить и прогибаться под кого-нибудь не хочу. Пусть прогибаются под меня. По-другому никак: тихо-мирно долго не проживу, характер не тот, да и скучно. Вот, как этого добиться другой вопрос. Будем думать. А пока план простой: забрать золотишко из усадьбы — и в Польшу. Там у Захара дружок есть, воевали вместе в молодости. Дальше в Германию, домик в свободном городе арендовать или прикупить, осмотреться, вникнуть в местные реалии. Почему, в свободный город? А там горожане у власти, кто побогаче. Пускай только внутри городской территории, но всё же. Не надо знатным щеглам прислуживать. Вопросы можно решить не длинной родословной, а банальными — серебром и золотом.

С происхождением у Захара не срослось. Пусть и из свободных воинов — детей боярских, но по меркам средневековья несерьёзно. Это, как шевалье во Франции, только без земли и замка. Мелкий вояка-рыцарь на подхвате у власть держащих. Пример д, Артаньяна из романа Дюма, конечно, заразителен — из простого мушкетёра в маршалы Франции! Карьера! Но, меня подобное не вдохновляет. Всю жизнь подчиняться всяким королькам, выполняя их взбалмошные повеления. Так, что программа максимум — самому стать на вершине пищевой цепочки. Европа и Азия отпадает — остаётся только Америка. Высадиться на месте будущего Манхэттена поперёд наглов, устроив там своё государство. Помочь тем самым родной стране в будущем. Не будет США, возможно, мир вздохнёт спокойнее. О, как завернул! Мотив наметился! Теперь только вперёд — и с песней!

Вперёд скоро двинемся, тексты песен тоже помню, а вот с исполнением затык. Не выйдет из меня певца, как в 1908 году — не голоса, ни слуха. Печалька, однако. С другой стороны, а где здесь петь и кому? В придорожных харчевнях или боевым товарищам у походного костра? И что это изменит в моём положении? Так, что пофиг. А вот, от других бонусов, я бы не отказался. Только, так и так крутился — лишнего не нашёл. Вот, регенерация оказалась повышена, болячки быстро заживают. Надеюсь, иммунитет к инфекциям тоже появится. Вроде, помолодел немного. Седины на бороде меньше стало. И то, ладно. Небольшой бонус к статусу попаданца, но важный, можно сказать минимально необходимый. А то телу Захара — тридцать семь лет. По местным меркам не хило — старость не за горами. А так, омоложусь хотя бы до тридцатника — и мы ещё повоюем. Поэтому, доволен — и этим. Память, знания и умения тоже никуда не делись. Всё путём.

Раскрутиться будет не просто, но мысли есть, по этому поводу. Что нужно,

чтобы пробиться в этом мире наверх — и тебя бы не схарчили на начальном этапе? Титул и деньги. Причём, с помощью последних можно купить и первое. А кто у нас был самым богатым человеком в мире? Не... Не король, даже ни император. Банкир, бывший торговец родом из крестьян — Якоб Фуггер. Якоб Богатый, ко дню своей смерти сконцентрировавший в своих руках два процента от всех богатств цивилизованного мира.

В 1367 году деревенский ткач Ганс Фуггер перебирается на новое место жительства: имперский город Аугсбург, заплатив за право пополнить ряды горожан сорок четыре пфеннига. Его потомки успешно занялись торговлей, позже дополнив её выдачей займов и ссуд сильным мира сего под хорошие проценты. Проценты Фуггеры стали брать долями в горнорудном производстве. Вскоре рынок металлов в Европе переходит под их контроль. Якоб Фуггер увеличивает богатство семьи от 20 000 до 2 132 000 гульденов. Он выдаёт займы королям, императору и даже Ватикану.

Его богатство позволяет влиять на выборы императоров Священной Римской империи. Система выборов проста: кто предложит избирателям больше денег, тот и станет императором. Король Франции пообещал триста тысяч гульденов. Испанский Карлос, спонсируемый Якобом Богатым — невероятные восемьсот пятьдесят тысяч. Новый император Карл 5, никогда не забывал, кому он обязан своим могуществом. Но, это ещё не всё — племянник Якоба — Антон Фуггер доводит капитал семьи до семи миллионов гульденов. Он нанимает целую армию наёмников — и южные земли Германии сохраняют католичество. Протестанты во главе с Лютером, только бессильно скребут зубами от злости. Фуггеры финансируют Магеллана и Писарро. Эти вложения приносят им более, чем 300 процентную прибыль.

Но, не всё гладко в семействе первых олигархов. В 1560 году Антон умирает, а его племянники и сыновья отказываются заниматься семейным бизнесом. Выросшие в богатстве и роскоши, они имеют свои дела и заботы. В настоящий момент, практически силой выдвинутый на пост руководителя, племянник Антона — Ганс-Иоганн успешно ведёт империю Фуггеров к упадку. Пройдёт немного времени — и она растворится в паутине времени. Причиной послужит не только плохое руководство, но и изменившиеся реалии в экономических процессах того времени.

В этой мутной воде, я и захотел половить рыбку. Мысль о банальном ограблении одного из банков Фуггеров, отбросил сразу. И сумма в итоге не такая уж большая, и, учитывая, что эта семейка банкиров приторговывает также информацией, риск разоблачения очень высок. Информаторов Фуггеры имеют практически повсюду. Узнают, кто посмел обнести их контору — можно смело заказывать по себе панихиду. Не, тут нужно будет действовать тоньше.

Время есть. Ганс-Якоб умрёт в 1575 году, а сейчас ранняя весна 1570 — го.

Глава 4

Такой бонус от непонятной силы, который я заковыристо обозвал пространственно-временным континуумом, как повышенная регенерация — это весьма неплохо. Однако, с внешностью у моего нового тела, в данном варианте «попаданства», дело обстояло не так радужно. Не, с физическими данными всё было в порядке — пивного живота и дистрофии не наблюдалось. Не атлет, но все положенные мышцы развиты неплохо. Боевые навыки и опыт, так вообще выше всяких похвал. Только, вот внешность. Рост средний, ноги кривоваты (верхом много ездил?), грудь волосатая. На морду точно не Ален Делон. Ну да, ну да... с лица воду не пить. Но, обидно. Привык уже, что выгляжу настоящим красавчиком. Одно утешает, в данной реальности мужчину оценивают не по смазливой физиономии, а по количеству благородных предков и величине кошелька. По крайней мере, сейчас это выражается ярче и откровенней, чем в будущем. Ладно, будем работать с тем, что есть.

Начали со стрижки. С помощью остро заточенного ножа укоротили бороду, облагородили усы. Получилось не очень, но где в деревне найти цирюльника? Волосы Марфа постригла мне под горшок. То есть, надев на голову керамический сосуд, обкорнала всё, что торчало наружу. С одеждой вышло получше — выбор был. Моё — плюс трофеи, да и от семьи Юрьевых кое-что осталось. Не всё селяне растащили. Марфа к процессу подошла основательно. Я не спорил — встречают по одежке.

После полного облачения почувствовал себя капустным кочаном, одежду одевали в три — четыре слоя. Рубаху из некрашеного холста, с шёлковыми треугольными вставками под мышками, красные сермяжные штаны до колен с накладными карманами. Далее зипун: узкое короткое одеяние, вроде камзола. Затем кафтан, с полами чуть ниже колен и, наконец, шуба из овчины, покрытая зелёным сукном, с воротником из какого-то меха. Была ещё с жёлтой попугайской расцветкой, но мне не зашло. Рукава у кафтана были длинные, их заворачивали в несколько слоёв чуть выше запястья. Использовались они вместо рукавиц, согревая руки в зимние холода. Завершала всё это великолепие — шапка с меховой опушкой и синим суконным верхом. Сапоги достигали колен, используя вместо штанов для нижней части тела. Внутри, для тепла, была подложена холстина, снизу красовались железные подковы, сдобренные множеством серебряных гвоздей по всей подошве. Вместо портянок, мне подсунули шелковые чулки, подбитые волчьим мехом. И это я ещё облачился по минимуму. Так как предлагали ещё всякие армяки, чаги, тегиляи, ферязи, епанчи и всякую другую хрень, запомнить которую даже не пытался. Зачем насиловать свой мозг, если в Европе в ходу совсем другие одежды?

Марфа же моей умеренностью не страдала, нацепив на себя всё, что можно и нельзя, она напоминала по виду рождественскую ёлку. Особо поразили меня башмаки, они имели такие высокие подборы, что если стать на каблук, то передняя часть ступни практически не касалась земли. Подозреваю, что всё это она нацепила из-за желания не бросать красивые тряпки. Ибо вес личного имущества, которые мы собирались взять с собой в дорогу, я основательно урезал — оружие и снаряжение важнее. Ничего в жизни не меняется: возьми любое столетие — женщины, как сороки, всё блестящее тащат себе в гнездо. То ли дело мужики: сабля есть, пистоль в кармане — уже, вроде, и не голый. А

уж если найдётся выпить-закусить — что тебе ёще надо, хороняка? Живи и радуйся!

Посетив усадьбу, забрал своё припрятанное добро, заодно с Марфой прошлись по боярским захоронкам. Нашли чуток припасов из долго непортящегося съестного, ворох разнообразной одежды. Особо порадовали парадные доспехи восточного типа, прибранные в оружейной. Думаю, боевой трофеем кого-нибудь из Юрьевых. Доспех был хорошо спрятан в специальном тайнике, потому сохранился. Остальному оружию сделали ноги. Осталась только громадная поджига крупного калибра. К ней прилагалась массивная рогатка-подставка, ибо Ильи Муромцы, чтобы стрелять из этой бандуры с рук, на Руси давно перевелись. Подумав, к этому оружию для охоты на слонов и великанов, не стал даже подходить. Ибо, хоботные в Европе не водятся — холодно, а циклопы жили только в Греции, да и то это было слишком давно и неправда.

Нашли ещё немного денег и украшений, явно спрятанных на чёрный день. Матушку Марфы крестьяне схоронили уже давно, больше в родительском доме её ничего не удерживало. Найденный запас хмельного, на удивление оставил меня равнодушным — предок спиртное почти не употреблял. На удивление вёл здоровый образ жизни. Бабами тоже не увлекался — была у него татарочка из полонянок, осталась у двоюродного брата на подворье. Нет грабить и крышевать то, он не стеснялся — жить на что-то ведь надо? А так, все силы и свободное время тратил на постижение различных боевых искусств, фанатея от самого процесса. Что-то общее между нами всё-таки имелось. Практики у него было, правда, гораздо больше. Сотни за две убиённых — не хило ли? Причём мирняка не больше десяти процентов. Остальные воины. Настоящий головорез. По огнестрелу он снайпером не стал, так, где его взять — точный огнестрел? В белый свет сейчас палили наобум, по направлениям, авось кого и зацепит. Зато, лучником Захар был от бога. Ещё бы — сам Ахмет учил. Абсолютный чемпион среди крымских татар, легенда степи. Единственный басурман кому предок поклонился в пояс, в благодарность за науку. Бил без промаха, почти как муху на лету. Вот без шуток, лук в умелых руках — это калаш средневековья, настоящая машина смерти. Поэтому, найденный в той же захоронке составной лук восточного типа — пришёлся в пору. Настроение прибавил запасной колчан, до упора заполненный бронебойными стрелами. Бинго! Теперь повоюем.

На конюшне нашлись и пара саней, пригодных для зимнего путешествия. Мужские дорожные сани были четырёхугольной формы, напоминая собой гроб, сзади шире, спереди уже. По большей части они были сделаны из древесной коры и лубья. Были достаточно длинны, чтобы можно было свободно лечь человеку, а иногда и двум рядом. Сзади были обиты рогожей, на боках кожей, сверху ездок накрывался мехами, обычно медвежьей шкурой. Женские сани были такой же формы. Чтобы хватило места для госпожи и пары служанок. По сторонам они были окаймлены перпендикулярно поставленными жердями, на которое навешивалось суконное покрытие. На одной стороне оставалась задёрнутая узкая пола — для выхода. Такие сани обычно везли две лошади.

На мою долю от дележа боевых трофеев досталось четыре гривастых животных, не считая моей собственной. Для путешествия в Польшу, я нанял двух мужиков — из бобылей. Пообещав им кроме денег, отдать сани с одной лошади

дью в упряжке. Ехать решили вместе с Марфой в мужских санях, женские, я до упора нагрузил оружием, военной амуницией и припасами. С собой в сани взял только лук со спущенной тетивой, колчан со стрелами и саблю. Боярыш не вручил боевой обоюдоострый нож и короткое копьё с листовидным широким наконечником. Подобным девайсом можно было не только колоть, но, при большой нужде, и рубить противника.

Тронулись, с раннего утра, перед самым рассветом. Путь был не близкий, до намеченного постоянного двора успевали только к сумеркам.

Где-то в полдень солнце разогрелось не на шутку, пришлось сбросить меховой полог и расстегнуть тулуп. Марфа, притулившись к моему плечу, смешно сопела носом. Возница на передке, что-то тихо напевал про себя на незнакомом языке. Из инородцев что ли, или нехристей?

Сани въехали в лес, дремучие деревья встали по бокам непроходимой стеной, вплотную прижимаясь к дороге заснеженными ветвями. Вот тут то, я их и увидел. Они стояли нестройным рядом, десяток пешцев в кольчугах и шеломах, четверо держали в руках снаряжённые луки. Слава богу, до прицельного выстрела ещё далековато. Остановив возницу, я сноровисто согнув свою стреляющую вундервафлю, нацепил тетиву.

— Лежи тихо. Не шарохайся, — негромко сказал проснувшейся Марфе.

— Кажись, разбойники.

Сзади послышался топот копыт, похоже, нас поймали в классическую вилку. Развернувшись, быстро сделал несколько прицельных выстрелов. Четверо противников скатились с коней, один или два, похоже, с летальным исходом. В отличие от первой группы, «задники» почти не имели защитного снаряжения, лишь на одном или двух нападавших блеснули отблески кольчуги или панциря. Атака врагов захлебнулась не на долго. Укрывшись за тушами лошадей, они продолжали медленно, но неуклонно приближаться. Стрелять по бедным животинам, было стрёмно, да и не нужно. Асы мы, или погулять вышли? Раз за разом мои стальные жала находили цель: рука, нога, плечо или кусочек задницы — полностью укрыться за брыкающимися животными было невозможно. Лесная чаща огласилась жалобным человеческим воем. Переменяемым примитивным средневековым матом и проклятьями. Однако, дело табак, число относительно целых и здоровых супостатов вдвое превышало оставшееся количество стрел. До запасного колчана во второй повозке, мне уже не добраться. Положение осложнил особо меткий стрелок из первой группы. Его выстрел чуть не пробил мне меховую опушку на шапке. Моя ответка ждать себя не заставила. Получай фашист гранату.

Кузьма Ослаблев оторопело уставился на свой лук. Ответный выстрел, зажатой в узкой лесной просеке добычи, расцепив его стрелу, практически перерезал тетиву. Он встречал только двух воинов способных на такое, старого сморщенного от времени татарина Ахметку и своего старого боевого товарища, под чьим началом ещё совсем недавно они вместе сражались под Полоцком. Неужели?

— Эй там, — заорал он, сложив руки в виде примитивного рупора.

— Захар, это ты что ли?

Через минуту услышав ответный возглас, его сердце радостно забилося. Живой чертяка!

— Погоди, не стреляй. Я иду!

Подойдя ближе, он встал миролюбиво раскинув руки в стороны. Поиграв в гляделки, оба воина, одновременно сделав шаг вперёд, сдавили друг друга в дружеских объятиях.

— Захарка, дьявол тебя задери, мы думали ты уже в аду, чертей считаешь!

— Ослабля, старый пень, не дождётесь!

— Сам ты старый. Я на пять лет тебя моложе!

Подтянувшиеся вои из отряда Ослаблева, одобрительно загомонили. Весть о том, что их атаман и одновременно боевой товарищ, Захар Боков оказался жив и здоров, пришлась им явно по душе. Жёсткий к врагам, но справедливый к подчинённым, он пользовался у них заслуженным уважением.

— Вот и нашлась моя банда! — хотя и знал я этих бойцов только из памяти предка, на душе потеплело.

Переглянувшись с Кузьмой, кивнул в сторону «задцев». Тот, понимающе усмехнувшись, отдал своим несколько коротких команд. Сделав вид, что ничего не происходит, те незаметно рассредоточились. Лучники достали стрелы, остальные и так держали сабли и топоры наготове.

Чуть позже, краем уха слушая, как Ослабля что-то горячо рассказывает вожаку разбойников, показывая попеременно, то на себя, то на своих людей, я просто ждал его знака. Переговоры, как и ожидалось, успехом не увенчались. Слишком много было между нами крови, да и алчность, которая так и сквозила в глазах предводителя разбойников, никто не отменял. Наконец, исчерпав своё красноречие, Кузьма показательно вздохнул, затем слитным движением достав нож, несколько раз ударив собеседника в живот. Прямо под нижний край пластинчатого доспеха.

Вжик! Сабля выскочила у меня из ножен, запев победную песню смерти. Первого врага я разрубил до середины груди. Второй потерял голову, а третий, лишившись руки, скоро затих от потери крови. Оглянувшись на четвёртого, понял, что рубить больше некого. С остальными без потерь справились бойцы моей старой команды.

Нужно было решать, что делать дальше. Кузьма тактично предложил отправиться на тайную разбойничью стоянку, чтобы не торопясь покалякать о делах наших скорбных.

Быстро обобрав трупы, собрали в кучу лошадей. Прорубив среди кустарника на обочине небольшую просеку перетащили разбойничьи останки на поляну в лесу — пусть волки кушают спокойно, не смущая случайных путников.

До разбойничьего лагеря добирались практически два часа, дорога была извилистая и изобиловала рукотворными ловушками, на их обезвреживание и перенастройку требовалось время. В самом лагере вопрос о переходе власти решился мгновенно: двух прихлебателей старого атамана тихо удавили; трое перешли на сторону победителей. Пленники были не против, а обслуга из нескольких потрёпанных баб и старого конюха — возразить не посмела.

Вечером, подслащённым кружкой слабенькой медовухи, мы обстоятельно обсудили наше общее будущее, придя к положительному результату.

Эти, так вовремя возникшие на пути вои, были частью моего отряда, с помощью которого Басмановы расправлялись с неудобными и строптивыми земцами. Сами царские ближники с ними не встречались, непосредственно, отряд подчинялся только моим приказам. После моего неожиданного исчезновения и слухов об опале их нанимателей, отряд распался на две части. Боль-

шая разбрелась по домам, а кому некуда было идти, подалась в разбойники, под крылышко атамана Берёзы. Дальше они повстречали меня, вновь оказавшись без хозяина.

Не мудрствуя лукаво, предложил своё покровительство. Суровые мужчины, собравшиеся за столом, задумались. Кроме Кузьмы, до разговора были допущены ещё пятеро. Все они были из детей боярских, давних знакомцев предка, его проверенных боевых товарищей. По разным причинам, невзирая на боевые заслуги, они не смогли выбиться в люди. Но, их опыт, умение управлять людьми, личные боевые качества от этого нисколько не уменьшились. Терять таких бойцов не хотелось — и я пошёл ва-банк. Предки они же, как дети. Им чего-нибудь наплетёшь, поедешь по ушам — и делай с ними, что хошь. Прямо, как в песни поётся.

Сделав строгое и значительное лицо, я под большим секретом, поведал о тайной миссии, которую поручил мне сам государь. О поиске обетованной землицы на краю света, о создание там царства божьего на земле, где не будет зла и подлости между истинными христианскими душами. А молочные реки будут обрамлены не иначе, как кисельными берегами. Видя, как загорелись глаза у моих слушателей, недоверие который постепенно растворялось от упования извечных славянских грёз о загадочном Беловодье, решил добить их неубиваемым доводом.

— Благословив на сей нелёгкий труд, Господь отметил меня особой милостью.

Взяв нож, я провёл по предплечью острым лезвием. Длинная царапина стала набухать капельками крови. Перекрестив рану, поднёся к ней правую ладонь, сосредоточился. Спустя пару секунд она засветилась желтоватым чуть видимым сиянием. Кто-то ахнул.

— Чудо, чудное...

Через минуту, убрав руку, я показал чистое предплечье — царапина исчезла. Всё. Эти люди стали моими самыми преданными соратниками, одномоментно — и навсегда.

Эту свою новую способность: исцеление небольших повреждений организма, типа царапин и головной боли, я обнаружил только вчера, совершенно случайно. Способность, больше похожая на фокус, сопровождалось неярким свечением лечащей руки, продолжительностью не больше пары минут. Практического эффекта почти никакого, а вот психологический... В это время, подобное явление встречалось только в церковных книгах, где описывался жизненный путь христианских святых. Так что... Светить направо и налево этим не стоит, но вот в исключительных случаях подобная способность поможет повлиять на любого собеседника.

Глава 5

По итогу все двенадцать человек из моего старого отряда решили остаться со мной. Будем считать — повезло. Найти верных людей, на которых можно положиться всегда было весьма не просто. Костяк моей будущей армии заложен.

До места добирались почти две недели — путь не близкий. Хорошо, что весна задержалась, снег почти не таял — успели до распутицы. Вымотался до предела. Дело даже не в ранах, они затянулись — с непривычки. Весь день в санных, ночь — в лучшем случае на постоялом дворе, представляющем собой такую же курную крестьянскую избу, только больше по площади. Дорожных неприятностей мы избежали. Вид мой отряд представлял собой достаточно грозный, чтобы возможные вороги сочли его опасной добычей. Не жалея поделился со своими спутниками воинской справой, доставшейся мне в наследство от Юрьевых, так что на грабителей и оборванцев они не походили.

Усадьба Кирилла Яворского, моего старого товарища встретила нас тишиной и забвением. Не мычали коровы, не кудахтали куры на скотном дворе. Не перекликались прачки полоская бельё на берегу речки.

— Вымерли все что ли?

Въехав во двор, мы не встретили ни одной человеческой души. Сама усадьба представляла собой большой деревянный дом прямоугольной формы. Крыша была покрыта красной черепицей, небольшие окна укреплены массивными коваными решётками. Лохматый белый пёс, высунув морду из-под крыльца, поприветствовал гостей неуверенным лаем.

— Куда все подевались то?

Поднявшись на крыльцо, я постучал в массивную обитую железными полосами дверь. Долго никто не открывал, затем за дверью послышались шаркающие шаги. Старик, тяжело опирающийся на клюку, со сморщенным от возраста лицом, по-польски осведомился о цели нашего визита.

— Я друг пана Кирилла Яворского, мы вместе сражались с татарами. Приехал повидаться, — ответил я, с трудом подбирая подходящие слова.

— Пан Кирилл, погиб. Неделю как похоронили, — перешёл дед на понятный мне западнорусский диалект.

Я молчал, немного ошеломлённый печальным известием, прокручивая в голове одну и ту же мысль: и что теперь делать?

Слава богу, старик решил за меня:

— Пойду, доложу о вас хозяину. Он болеет, но может и примет вас.

— Отцу пана Кирилла, — пояснил он, заметив мой вопросительный взгляд.

Я с грустной улыбкой смотрел на отца своего друга — последний раз, когда мы виделись, он запомнился мне совсем другим. Пан Тадеуш лежал на широкой кровати с откинутым балдахинном, его заросшее многодневной щетиной лицо давно не знало бритвы. Насколько помнил, он всегда тщательно следил за своей внешностью, следуя европейскому обычаю, аккуратно сбривал бороду, оставляя только маленький клинышек на подбородке.

— Ясновельможный пан...,- склонился я в приветственном поклоне.

— Здравствуй, Захар...,- печально посмотрел на меня отец Кирилла.

— Не уберёг я сына, нет у тебя больше друга.

История оказалась стара как мир. Зависть, жадность и предательство.

Невеликие земли, согласно наследственному праву издавна принадлежащие шляхтичам Яворским приглянулись местному магнату князю Чарторыйскому. Большинство окрестных территорий принадлежали его многочисленному семейству или прямым вассалам. Относительно небольшой удел Яворских был для князя, как кость в горле. Помешало ли это планам Чарторыйского или просто у него заговорила уязвлённое самолюбие, оскорблённое резким отказом пана Тадеуша продать свои владения, но он решился пойти на крайние меры. Под надуманным предлогом, нанятый в германских землях известный бретер барон фон Шульц вызвал его на поединок. Получив смертельную рану в живот, Кирилл умер через три дня в страшных муках. После его кончины пан Тадеуш сильно сдал — и вряд ли уже оправится.

— Вам надо уходить, — грустно сказал он.

— Вассалы Чарторыйских дали мне три дня на размышление, чтобы покинуть усадьбу. Завтра утром срок закончится. Они нападут на рассвете.

— Пусть приходят, — криво усмехнулся я в ответ на увещевания Тадеуша.

— Мы окажем им достойный приём.

Оставить без помощи отца товарища, посчитал для себя неприемлемым. Хотя формально, я не Захар и его долги, не мои проблемы, но внутренне мы слились памятью и частично характерами. Я уже давно не отделял наши личности друг от друга. Надеюсь только, что унаследовал его лучшую сторону — и вторая, тёмная половина его души, во мне никогда не проявится.

Утром мы ждали гостей во всеоружии. В арсенале пана Тадеуша я удачно обнаружил десяток аркебуз, немного устаревшей, но вполне работоспособной конструкции. Длинной примерно 1,3 метра, они имели калибр 16 мм и весили около четырёх килограмм. Если коротко: увесистое фитильное ружьё с прямоугольным, немного скошенным вниз прикладом. В отличие от более тяжелого мушкета аркебуза использовалась без подставки, этим прообразом винтовки стреляли с рук.

План отражения нападения возможных агрессоров был прост и понятен. Когда враги въедут во двор их встретит дружный залп из огнестрела, а после того, как рассеется дым, уцелевших добьют лучники. До рукопашной, надеюсь, не дойдёт, вряд ли Чарторыйские направят на захват поместья, слуги из которого давно разбежались, большой отряд.

План сработал, но не на сто процентов. Когда, два десятка всадников со свистом и гиканьем миновали распахнутые настежь ворота, свинцовая коса prošлась по ним беспощадным замахом. Закричали люди, жалобно заржали раненые кони. Через пару минут, потребовавшихся для рассеивания дыма от выстрелов, мы с Осляблевым, вскинув луки, милосердно добились вяло шевелившихся раненых. Они всё равно были обречены: пуля шестнадцатого калибра оставляет страшные, практически несовместимые с жизнью раны. Но, погибли не все, мой опыт подсказывал, что часть наших незваных гостей просто притаилась, лишь изображая убиённых.

— Эй, есть кто живой? Кто сейчас не встанет — умрёт! Подходить не будем — стрелами, как ежей утыкаем! А так может, поживёте ещё!

Почему я не удивлён? Выжил только один, но это был главарь банды — барон фон Шульц. Тот самый наёмник, профессиональный бретер-поединщик, который убил моего товарища Кирилла. Вот так сюрприз! Однако, мастерство не пропьешь. При первом же выстреле, Шульц заставил своего коня лечь на

землю, используя его туловище, как укрытие от пуль. Ушлый! Жаль, что мы по разные стороны баррикад. Примирение невозможно, смерть близких — не прощаю никому.

— Кто есть тут главный? Хачу с ним гаварить! — русский немчуры остав- лял желать лучшего.

Предусмотрительно не подходя ближе, я помахал ему рукой.

— Вызываю тебя на поединок, — немец, вытащив массивный обоюдоост- рый полумеч-полушпагу, изобразил им что-то вроде салюта-приветствия.

— А зачем мне с тобой сражаться? Не проще ли просто прострелить голову?

— Это не есть поступок льцаря! Убить вот как — замарать свою честь!

Я задумался. Стоит ли рисковать, ради мифической чести? На кону стоят такие планы, под стать Наполеону, а тут какой-то продажный скот-наёмник? Кирилла, говорят, он разделал без шансов, в чистую. Справлюсь ли? У друга я выигрывал всего два тренировочных боя из трёх.

Надо сказать, дуэль один на один, по практике, достаточно сильно отлича- ется от реальной боевой схватки на поле боя. Там кругом враги, опасность угрожает со всех сторон. Сама схватка очень скоротечна, два-три удара и кто- то уже покойник. Тут не до демонстрации фехтовальных изысков. И всё моё сабельное умение было рассчитано именно на это. Были, конечно, подобные сходки, но татары, даже поляки — это не бретер, который зарабатывает дуэля- ми себе на жизнь.

На Руси вообще подобное не практиковалось, поединки на саблях или пи- столях, обычные на Западе, у русских не прижились. Русичи, поссорившись между собой, садились на лошадей и хлестали друг друга бичами. Другие би- лись палками или на кулаках, без ограничивающих правил. Смертных случа- ев хватало, поэтому в семнадцатом веке судебные поединки на палках и дуби- нах запретили. Зато, после запрета на членовредительство, получил широкое распространение другой способ сведения счётов и мщения — доносы, средство более безопасное и часто ещё более удачное.

— Раз ты меня вызвал, значит по правилам, я выбираю оружие.

Немец согласно кивнул.

— Тогда, я выбираю лук и стрелы, — прокричал я, резко вскидывая иско- мое.

Щульц, не испытывая ни малейшей рефлексии шустро, с низкого старта рванул в мою сторону, словно спринтер на стометровке.

Первая стрела попала ему в правое бедро, вторая насквозь проткнула го- лень левой. Но проклятый шваб не сдавался: теряя кровь, он упорно полз в мою сторону, помогая себе руками. Раз! Трёхгранный стилет, который метнул барон пролетел всего в паре миллиметров от моего виска.

Вжик! Вжик! Две мои стрелы зашли в его глаза почти по самое оперение. Я вытер холодный пот на лбу — по краю прошёл. Хорошо, что от дуэли отказал- ся.

Подойдя к немцу, молча снял шолом. Отменный был вояка, жаль, что не на моей стороне.

— Похороните его как положено!

Хотел добавить по церковному обряду, но вовремя остановился. Вопрос, по какому? Католик он, или протестант?

— В общем, похороните, — махнул я рукой, — в отдельной могиле! С кре-

стом!

Этот бой закончился нашей победой, обошлось без потерь.

Конечно, это была победа в битве, а не в войне. Долгое противостояние с могущественным кланом Чарторыйских мы бы не потянули. Только ближайšie вассалы магнатов могли собрать несколько сотен вооружённых всадников. Продолжать борьбу, чтобы полноценно отомстить за друга, я не мог себе позволить — силы были неравные. Только, что делать с паном Тадеушем? Одного его не бросишь, взять с собой до ближайшего города? Собравшись с духом, вошёл в спальню хозяина поместья, чтобы поговорить с ним откровенно.

— Знаю всё, что ты мне сейчас скажешь, — огорошил он меня с самого порога.

— Не спеши! Ответь мне на несколько вопросов. Прежде всего, скажи: каким ты видишь своё будущее? Возможно, я сумею тебя как-нибудь отблагодарить за помощь.

— При всём уважение, это вряд ли, мне нужны всего лишь две вещи: деньги и титул. А дальше, как-нибудь сам.

— Деньги не обещаю, моих скромных средств тебе не хватит. А вот, титул... Тут возможностей побольше...

Я промолчал, в то, что старикан предложит нечто путное, верилось не особо.

— Открой сундук в углу, найди зелёную шкатулку.

Выполнив просьбу, протянул пану Тадеушу, искомое. Открыв крышку, тот вытащив перевязанный шёлковым шнурком бумажный свёрток, протянул его мне.

Развернув бумаги, недоумённо уставился в текст: здесь, кажется, латынь, а это на старофранцузском... Ничего не понятно...

— погоди, не удивляйся. Расскажу тебе одну историю, всё поймёшь сам.

— В молодости, когда огонь юности горит в крови, требуя совершать подвиги во имя славы и прекрасных женщин, я вступил во французскую армию. С переменным успехом мы несколько лет воевали в Италии, наконец, я насытился приключениями, решив вернуться в родные пенаты. Незадолго до моего отъезда случилась большое несчастье: какие-то наёмники смертельно ранили моего лучшего друга. Дни его были сочтены — я остался скрасить его последние мгновения. Перед тем, как исповедоваться, мой товарищ попросил меня о последней услуге.

— У меня есть младший брат. Так случилось, что он всегда завидовал моему будущему титулу, наследству, которое перейдёт ко мне после смерти отца, по праву старшинства. Он ненавидел меня с детства, всячески оговаривая перед родителями. Сегодня я умру, и не кому будет защитить мою молодую жену и маленького сына. Брат найдёт способ уничтожить, обогатить и обогреть мою семью. К тому же, на Изабелле, я женился без разрешения отца, а по новому закону это позволяет отменять даже освящённые церковью браки. Прошу тебя, спрячь, укрой Изабеллу и маленького Франсуа, а в будущем, если будет такая возможность, помоги моему сыну занять достойное его рождению положение.

Я не решился отказать другу, но жизнь сложилась так, что не смог выполнить его просьбу. Франсуа умер, простудившись в дороге, а Изабелла через три года стала моей супругой. Мы прожили вместе счастливые тридцать лет, а

теперь я остался один — пережив любимую жену и сына.

Тадеуш помолчал, затем решительно указал мне на бумаги: здесь документы на имя виконта де Сен-Поль, внука графа де Сен-Поль и де Шомон. Старик, всё-таки вспомнил про него. Не знаю, как он меня нашёл, но в прошлом месяце для его внука передали письмо, где он предлагает посетить фамильные владения.

— Письмо там же в шкатулке, вместе с подтверждением твоего дворянского происхождения. Все документы заверены лучшим парижским нотариусом. Я подтверждаю их своим свидетельством, в присутствии аббата Гродненского монастыря. Он подпишет, — пан Тадеуш грустно улыбнулся.

— Наследников у меня не осталось, земли отойдут короне, а движимое имущество я завещал аббатству.

— Но, это же...

— Ты хочешь сказать: подлог? Ничего, возьму грех на себя. Ведь ты не используешь преимущества, полученные благодаря новому титулу, во зло Речи Посполитой и святой матери церкви?

— Не использую, клянусь! — твёрдо ответил я, успокоив старика.

Действительно, шанс получить титул есть. Ведь мне нужен только он, а не само наследство. А с родственниками можно договориться. Средства убеждения я найду. Ну, бритвой по горлу и в колодец — будет на крайний, самый дикий случай. А вот, банальный подкуп заинтересованных лиц, вполне может проскочить — деньги решают всё! А исключения, только подтверждает правило.

Пан Тадеуш не обманул, он умер всего через два дня. Проводив его в последний путь, я с тяжёлым сердцем покинул усадьбу — в ней уже всю хозяйничали представители аббатства.

Аркебузы, продовольствие и всё годное оружия мы самовольно забрали с собой — до Франции нужно было ещё суметь добраться.

Покидал Польшу я с чувством глубокого облегчения, сия контора вызывала у меня, как сознательное, так и инстинктивное отторжение. Хотя, сейчас где-то на территории современной Белоруссии проживали мои предки по отцу, ни какого ощущения своих корней, не ощущал. Я — русский, и этим всё сказано. Национальное самосознание больше определяется по менталитету, чем по крови.

Польша же переживает непростые времена. Король Сигизмунд Август был бездетным — встал вопрос, что будет после его смерти? Союз Литвы и Польши, накопил много противоречий и держался лишь единством династии. В прошлом 1569 году была заключена Люблинская уния, согласно которой Польша образовала с Великим княжеством литовским объединённое федеративное государство — Речь Посполитую. Во главе нового политического образования встал общий сейм, который пожизненно избирал правителя, носившего два титула: короля польского и великого князя литовского. Но, законодательство, армия, судебная система и казна оставались отдельными.

Уния вызвала недовольство среди литовцев — они девять месяцев противились её подписанию. Условия унии были ущербными для Литвы, приличная часть литовской территории (на месте современной Украины) была передана Коронной Польше.

Всё бы ничего, но Польша стала заложницей шляхетского мировоззрения.

Шляхта выбирала короля, каждый шляхтич обладал правом «вето». Сословие «воюющих господ», считало всё остальное население, занимающееся мирным трудом — людьми второго сорта. Даже самые бедные шляхтичи, как тогда превозносилось — потомки сарматов, считали себя гораздо выше презренного «быдла» (буквально «крупный рогатый скот», аналог русского «скотина»). Истинный шляхтич предпочел бы умереть с голода, но не опозорить себя физическим трудом. Закрепощение крестьян в Польше достигло абсолюта. Если по статуту 1496 года, уйти из деревни мог только один крестьянин, только одного сына крестьянская семья имела право отдать на обучение, то вскоре в 1573 г., помещики получают власть даже над жизнью своих крепостных. Это при том, что на Руси в эти годы, заплативший аренду за используемую землю крестьянин был совершенно свободен. Что говорить о просвещённой Франции, где крестьяне имели право (с согласия сеньора) торговать арендуемой землёй между собой.

Глава 6

Аугсбург — город трёх рек, столица Швабии, одной из исторических областей Баварии, промежуточная цель нашего путешествия — предстал перед нами во всем своём великолепии. Въехал в него уже не опричник русского царя, Кузьма Боков из детей боярских, а настоящий французский виконт. Титул солидный — сын графа, не просто барон, или там шевалье. Разоблачения я не боялся: документы подлинные, письменные свидетельства от уважаемых людей имеются. А что язык плохо знаю и плаваю в местных реалиях, так был младенцем вывезен на чужбину, рос вдали от родных земель, среди варваров. Что настоящий виконт умер в младенчестве, среди живых никто не знает. Так что версия, что пан Тадеуш, женившись на матери, отправил чужого сына по дальше, чтобы не мозолил глаза — вполне правдоподобная.

А французский титул был мне нужен как воздух. Сам титул для поднятия престижа, неизвестного мелкого дворянчика никто серьёзно не воспримет. Тем более не доверит ему людей и денег. Надеюсь, с семьёй я смогу договориться, всё-таки еду не просто так, а по приглашению деда. Теперь, почему именно французский? С англами мне точно не по пути, они мои потенциальные соперники и враги. Испанцы? Там таких, как я полно, не протолкнуться. Франция же ещё не начала колонизировав Канаду, но до начала экспансии осталось не долго. Вот я, как французский подданный и буду первой ласточкой. А это защита и поддержка метрополии. Иначе другие великие державы сожрут и не подавятся. Нужно выиграть время, обустроиться и укрепиться. А дальше: пусть будет не полная независимость, устроит и формальный вассалитет. Тем более, пока европейским правителям не нужны в колониях сами земли, их интересуют золото и серебро. Зато, могу принять всех недовольных и неугодных, избавив королевскую власть от лишнего геморроя.

— Перед вами город Аугсбург! Знаменит тем, что здесь жил и родился отец великого Моцарта...,- начал я было торжественную речь перед своими орлами — и осёкся... Какой Моцарт, до него ещё восемьдесят шесть лет... Даже папа его ещё не родился! Орлы же... Нет, все мы не только приоделись по европейской моде, но и бороды сбрили, оставив только усы. Но, смазливости это моим людям не прибавило — как выглядели бандитами, так и осталось. Единственное, теперь они похоже не на просто романтиков с большой дороги, а, согласно, недешёвой одежде и оружию, на бандитов, состоящих на службе у дворянина. Хотя, чего я голову морочу? В это время через одного такие...

— Поехали! — оборвал я свой короткий спич — и наша кавалькада застучала копытами по городской брусчатке. Ровно трёх человек: меня и двоих сопровождающих. Остальные остались на постоялом дворе небольшого посёлка на расстоянии трёх полётов стрелы от города. Нечего лишний раз светиться. Да и дешевле выйдет.

Зачем я приехал в Аугсбург? Моя цель — Футтеры. Нужно было присмотреться к этой семейке, прощупать почву, возможно, войти в контакт. Конечно, сейчас они не только супербогачи, а титулованные дворяне. Но, время, когда у руля семейного бизнеса стояли настоящие зубры, прошло. Нынешние не тянут даже на волчат. Так, что шансы найти взаимный интерес имеются. Я теперь тоже не лыком шит. Есть титул, люди, некоторая толика денег. Для того, чтобы замутить небольшую афёру — хватит.

Для постоя нашли небольшую гостиницу в предместье города. Типа, посада — если перевести на русские реалии. Начитавшись в будущем о коварных городских хозяйках, которые не глядя, выливают на головы несчастным прохожим помои, прикупил на всех в ближайшей лавке необходимый антураж. Широкополые шляпы, чтобы отходы жизнедеятельности не попадали прямо на голову. Плащи и ботфорты мы уже давно приобрели. Весна, значит, грязь и дожди — без них никак. Кстати, потом заметил, сколько по городу не ходил, никто ничего сверху не выливал. Может, повезло, а может здешний магистрат урегулировал проблему штрафами.

Родовое гнездо семьи Фугтеров впечатляло. Настоящий город в городе. Место здесь не сэкономили: сад, фонтаны — не дом, а дворец. Подобное пахло очень большими деньгами. По слухам, в усадьбе были собраны культурные сокровища со всего мира. Всё, что можно и нельзя было достать за деньги. Картины, статуи, редчайшие свитки и манускрипты. Фугтеры активно поддерживали разные виды искусства, жертвовали огромные деньги на благотворительность. Они построили целый квартал Фугтерей для обедневших горожан. Если ты прожил в Аугсбурге два года, не имеешь долгов и являешься католиком — то за один гульден в год можешь поселиться в одной из квартир, пока твои финансовые дела не поправятся. Эдакое первое социальное жильё в мире. Единственное, что от тебя потребуют — три раза в день произносить молитву, благодаря своих благодетелей. Фугтерей существует и в моём будущем. Условия проживания те же — один евро в год. Добавились, правда, небольшой церковный налог и счета за коммуналку. Когда союзники в 1945 разбомбили город, потомки Фугтеров восстановили квартал за свой счёт. Они и сейчас оплачивают его содержание.

Сходили, посмотрели, за небольшую мзду привратник провёл нам короткую экскурсию. Неплохо для средневековья. Мои спутники вышли с ошалелыми глазами. Иван два раза переспросил: а это правда, жильё для бедняков? Я кивнул, а про себя добавил: в Европе весь шестнадцатый век позже назовут всего двумя словами — эпоха Фугтеров.

Стараясь не привлекать внимания, сходили глянуть на родовое гнездо германских банкиров — Фуггерхаус. Яков Фуггер сам рисовал эскизы для его постройки, перенеся на них свои впечатления от итальянской архитектуры. Внутри комплекса, находятся четыре внутренних двора, богато украшенных мозаикой и тосканским мрамором. Главные ворота Альдертор обладают достаточной шириной и высотой, чтобы можно было проехать верхом на лошади.

Что же, визуально с местообитанием Фуггеров мы ознакомились, осталось только наладить личный контакт. И самое главное придумать, как развести их на деньги. Причём, сделать это на законных основаниях, без грязных уловок и явного криминала.

Ночь почти не спал — думал. Утро встретило меня с красными от беспокойной ночи глазами, злым и раздражительным. Причём, «пёрло» меня совсем не от того, что не выспался. Настроение испортили неутешительные выводы, к которым привели мои ночные бдения. А именно, что без этих самых грязных уловок — ничего у меня не выйдет. По крайней мере, быстро. А ждать у моря погоды, чтобы поймать переменчивую птицу удачи за хвост — времени не было.

Посему, смирившись, стал искать варианты. Первое, что сделал — отправил своих собирать информацию. По уму, с этого и надо было начинать, прежде чем устраивать мозговой штурм нынешней ночью. В моём отряде удачно затесалась парочка выходцев из земель, входящих сейчас в рыхлое государственное образование под названием «Священная Германская империя». Ганс, родом из Баварии, бывший ландскнехт, профессиональный наёмник, сбежавший на край мира в дикую Московию, чтобы избежать виселицы. Хотя, учитывая, что он обокрал церковь, попутно зарезав священника, то дело могло бы закончиться четвертованием или сожжением на костре. Кроме, знания языка и местных реалий — в Гансе меня привлекала надёжность, этот не предаст, чреват. А отсутствие у него религиозной нетерпимости, позволяло использовать его в щекотливых делишках, связанных с церковью.

Вторым был Жан, француз, искатель приключений. Мы подцепили его в Варшаве, где он пропивал последние оставшиеся гроши. Бесшабашный малый, бывший помощник оружейного мастера, он неплохо разбирался в средневековом огнестреле. Чем-то он мне приглянулся, в результате Жан, присоединился к нам в качестве отрядного оружейника. По пути мы усердно учили французскую мову, смею надеяться, достигнув неплохих успехов.

Посему, пока остальные члены нашего боевого братства, сидели на постоянном дворе, дегустируя знаменитое баварское пиво, Ганс и Жан, шныряли по тавернам и кабакам Аугсбурга, собирая нужную информацию.

Через три дня у меня родилось некое подобие плана.

Охрана у Фуггеров была поставлена неплохо. Для средневековья. Конечно, времена, когда на Якоба Богатого покушения совершались чуть ли не каждый месяц остались в прошлом. Нынешнее руководство клана, уже не стояло у конкурентов и некоторых должников словно кость в горле, но пара десятков наёмников в их поместье дежурили на постоянной основе. Ничто по сравнению с отрядом какого-нибудь германского феодала, но, чтобы защититься от воров и уличных грабителей, их вполне хватало.

Иоганн Якоб Фуггер, немецкий банкир, меценат и собиратель произведений искусства, стал главой семейного клана по принуждению. Родственники буквально заставили его, надавив морально на чувство долга, принять на свои плечи руководство семейным бизнесом. Иоганн, или как звали его среди своих, Ганс, старался изо всех сил, но чтобы достичь уровня Якоба Богатого или своего дяди Антона, этого было мало. Надо было быть одержимым, делая деньги ради самих денег, то есть отдать все силы на увеличения богатства ради богатства. Молодому же поколению Фуггеров подобного было уже не надо. У них сложились свои увлечения, появились новые цели в жизни. А деньги? Денег у них хватало, чтобы безбедно прожить несколько веков, ни в чём себе не отказывая. Так Иоганн был автором нескольких книг и трактатов, его второй страстью, после коллекционирования древностей, было изучение истории.

От двух браков, к настоящему времени, Ганс имел более десяти детей, большая часть которых сейчас проживала за пределами Баварии. Одной из его любимиц была дочь от первого брака, Юстина Бенигна. В двадцать два года, не блеща телесной красотой, она проявила себя в изучении экономики и банковского дела. Её не интересовал флирт и счастливое замужество, истинной страстью девушки были финансовые операции и бухгалтерские гроссбухи. Отец,

умиляясь таланту дочери, втайне периодически пользовался её советами. Женщины Фуггеров не раз проявляли себя на семейном поприще, но то было в прошлом, когда они являлись просто богатыми простолюдинками. Став имперскими графами и крупными землевладельцами, Фуггеры не могли позволить своим дочерям демонстрировать подобные таланты. Время свободы Юстины истекало, вскоре ей предстояло стать супругой какого-нибудь графа, барона или даже, желающего поправить свои финансовые дела герцога. Учитывая же её патологическую неприязнь к мужскому полу, ей была прямая дорога — уйти в монастырь. Понятно, что подобная перспектива саму девушку вовсе не радовала. Именно, опираясь на последние обстоятельства, я и строил все свои планы и расчёты.

Юстина, обычно сопровождая свою двоюродную сестру, которая, войдя в возраст юной невесты, любила посещать модных дамских портных и дорогие ювелирные лавки, часто совершала утренний променад по центральным улицам Аутсбурга. Сопровождал девушек всего один охранник, державшийся от них на приличном расстоянии. Его основной задачей было отпугивать своим грозным видом мелких воришек и уличных попрошаек. Иных опасностей жители богатых кварталов города, в силу давнего отсутствия оных, просто не представляли. Городская стража свой хлеб кушала не зря. Воров и грабителей, пойманных с поличным, после быстрого судебного разбирательства, вешали в течение недели. Явно больных и тем более прокажённых, в город не пускали. Нищим же, в элитных кварталах, было разрешено просить подаяние только у церквей — в воскресные дни или по церковным праздникам.

Мой план был прост, как две копейки. Оказать услугу дочери Иоганна Фуггера, защитив её от нападения грабителей, как вариант врагов семьи, желающих её похитить ради выкупа или мести. Похитителей должны были изображать мои люди, то есть нападение изначально задумывалась как инсценировка. То есть, девицы идут по тихой малолюдной улице, их внезапно окружают мерзкие страшные бандиты. Они обезоруживают охранника и пугают барышень грубыми угрозами, смущая их нежный слух неприличными словами. И тут я со своими людьми, весь в белом — спасаю девушек от ограбления, похищения, лишения чести — короче, от всех опасностей мира.

После чего, папа обязательно захочет выразить мне свою благодарность — и даже предложит герою руку и сердце любимой дочурки или племянницы, сопроводив предложение щедрым приданным. Кхм... такое бывает только в бульварных романах. Хотя, идея с женитьбой запала мне в душу. Приданное, от Фуггеров, решило бы множество моих насущных проблем. Только, одного факта спасения тут мало, нужно заинтересовать семью банкиров в качестве делового партнёра.

Понимаю, со стороны история с задуманным похищением, выглядит, как дешёвый фарс. Но, это на взгляд моего современника, а для средневековья вполне себе резонансный ход, в духе времени, ничего из ряда вон выходящего.

Решили не тянуть, провернув задуманное в течение пары дней. Единственное, в чём поменяли мой изначальный план — по совету Жана, привлекли к процессу двух мелких спившихся урок, с которыми он познакомился в местном кабаке. На дело, он предложил взять их в последний момент, не посвящая во все детали, то есть в тёмную. Использоваться они должны в качестве «агнец на заклание». Их должны убить мои люди во время спасения девиц Фугге-

ров, для придания нашему фарсу немного трагизма и правдоподобия. Совесть моя молчала, предок бы лишнего слюнтяйства не понял. К тому же, что мне это уголовное отребье? Конец их жизненного пути будет наверняка именно таким, только позже.

— Стража! Помогите!

Стражи поблизости не наблюдалось. Её отвлекла небольшая потасовка, устроенная моими людьми по заранее подготовленному сценарию. И пока Ганс перепирался с местными патрульными о размере mzды, положенной служакам за беспокойство — немного времени у нас было.

Выскочив из-за угла, узрел картину написанную маслом. В смысле, всё шло, как задумано. Охранник лежал, оглушённый ударом по голове. Чулок с песком не оставляет следов, но придаёт мозгам хорошую встряску. Две девицы стояли, прижавшись спиной к стене дома, причём старшая прикрывала собой младшую. Последняя, прижав кулачки к груди, испуганно голосила.

— Чернь? Как вы посмели, напасть на благородных дам? Прочь!

Не тратя больше лишних слов, я слов тигр, выскочивший из засады, набросился на оторопевших разбойников. Щедро раздавая удары своей саблей, заставил их обратиться в бегство. Естественно, бил плашмя, вовремя поворачивая лезвие в сторону. Разделавшись с фальшивыми грабителями, который всю улепётывали по улице, я медленно развернулся к свидетелям моего героизма.

— Ах ты, негодяй! — накинулся я. на одного из воришек, который так ничего не поняв, держал в руках небольшой мешочек-кошелёк, только что, срезанный им с пояса охранника.

Чуть вздохнув, ну не настолько я ещё циничен, без затей проткнул ему грудь. Младшая девица хлопнув глазами, свалилась в обморок. Юстина же, молча смотрела, как несчастный урка дергается на лезвии моего оружия, словно жук насаженный на булавку. Облизнув губы, она холодным оценивающим взглядом медленно провела по мне, с ног до головы, словно взвешивая и оценивая на предмет стоимости. В это время, под шумок, Ослабя тихо перерезал горло второму воришке.

— Госпожа! Я церемонно поклонился, взмахнув шляпой. Шляпа у меня была знатная, почти как в фильме про трёх мушкетёров. Жаль, до их зачётных приключений ещё пятьдесят пять лет. Историю того периода, я знал значительно лучше.

— Вы не пострадали? Виконт де Сен-Поль! Позвольте проводить вас до дома?

— Не представляясь Юстина Фуггер, величаво кивнула, тут же принявшись приводить в чувство свою подругу.

Не очень вежливо, но ладно. Спишем на стресс и природную застенчивость.

Мои люди подхватили охранника, и вскоре наша небольшая процессия уже стояла у ворот родового особняка Фуггеров. Набежавшие слуги поспешно с причитаниями увели девушек в дом, захлопнув ворота перед моим носом. Не то, чтобы я рвался пройти, просто думал: ведь должны же нас хотя бы просто поблагодарить, пусть даже малозначимыми, но тёплыми словами.

Постояв пару минут перед закрытыми створками, переглянувшись, мы поплелись прочь. Не срослось.

Уже успели отойти на приличное расстояние, когда нас окликнул какой-то человек, в одежде слуги из богатого дома.

— Пойдите! Господин Йоганн Фуггер приглашает вас завтра в полдень, чтобы поблагодарить за спасение дочери.

Выдав искомое скороговоркой, служка, не особо низко поклонившись, заспешил обратно.

Немного нахмурившись, я всё-таки внутренне обрадовался.

Пожалуй, лёд тронулся. А что слуга наглый и хозяин негостеприимный, так на то они и Фуггеры! Зазнались немного. В этом доме Якоб принимал императора Карла, что им какой-то подозрительный виконт.

Глава 7

Ганс Фуггер, полноватый мужчина благообразной внешности, встретил меня с широкой улыбкой на лице. Рассыпавшись в благодарностях, он подарил мне перстень. Неплохую цацку из испанского золота с искусно ограненным рубином. Небольшой мешочек, плотно набитый серебром, он передал для моих людей. И на этом всё. Ещё несколько минут поговорили о моих дорожных впечатлениях по пути в Аугсбург и погоде. В ходе беседы, осторожно намекнул, что у меня в настоящий момент есть собственный наёмный военный отряд, и за определённую мзду, мы решаем для важных людей их личные проблемы. Немец, хмыкнув, пообещал — иметь в виду, но стало сразу понятно, что мои намёки его не заинтересовали. В результате, ещё через пару минут, Фуггер многозначительно замолчал, нетерпеливо поглядывая глазами в сторону выхода.

Всё понятно. В серьёз меня не приняли, разговора о важных делах не будет. Мавр сделал своё дело, мавр может уходить. У дяденьки банкира хватает других дел, в конце концов, время — деньги.

Жаль, но придётся использовать план «Б». На прощание, я ещё раз прошёлся взглядом по фигуре средневекового олигарха. В настоящий момент Иоганну исполнилось пятьдесят четыре года. От первого брака у него было девять детей. За десять лет второго супружества, он настрогал ещё столько же, похоже не собираясь на этом останавливаться. Однако, не хило — настоящий многостаночник.

Через пять лет, он умрёт. После чего бразды правления перейдут к его двоюродному брату Маркусу. Ещё через пару десятков лет, финансовая империя Фуггеров рухнет. Их семейство превратится в обычных феодалов, главным богатством которых является земля. И только я знаю, как можно предотвратить катастрофу. А бедные тупые немцы никак не могут этого понять. Что же, придётся объяснить. Так просто, не сдамся. Деньги Фуггеров, в моих наполеоновских планах занимают важное место.

Зигмунд, старший сын Иоганна Фуггера, был его слабое место. Нет, конечно, паршивой овцой его было назвать нельзя, но семейное дело его не интересовало совершенно. Он считал себя человеком искусства: рисовал картины, расписывал стены фресками, ваял небольшие скульптуры и даже сочинял стихи. Всего понемногу, но без особого успеха. Не то, чтобы был полной бездарностью, но и не великий мастер. Так, мелкий середнячок, каких много.

Но, у него было одно очень большое достоинство — он имел доступ к деньгам. Очень большим деньгам. Поэтому, с друзьями и прочими «почитателями его таланта» проблем не было. Практичный папаша, даже непутёвого сыночка приставил к делу, найдя нишу, где он смог бы приносить семейному клану наибольшую пользу. Зигмунд мотался по миру, скупая для отцовской коллекции произведения искусства. В этом, он хорошо разобрался. Благодаря деньгам отца, у него были прекрасные учителя.

Но, это всё лирика. Для нас, было важно то, что в настоящий момент Зигмунд Фуггер прибыл в Аугсбург, чтобы доставить в родовой особняк очередное пополнение коллекции. Понятно, что такое нужно обязательно отметить: основательно пройдясь по городским борделям и запасам дорогих вин у местных кабатчиков. Только с кем?

Друзей-прихлебателей своего сына, Фуггер-старший не переваривал со всей силой своей экономной торгашеской натуры. Никакие громкие титулы не смогли её изменить всего за одно поколение. Вот его дети — да, они уже будут другими. В общем, Зигмунд оставил товарищей в Италии, ибо от расположения отца, зависело его финансовое благополучие. И вот, теперь, он сидел в самом дорогом кабаке, самого богатого квартала Аугсбурга — и мрачно смотрел на бутылку тёмного бургундского. То, что вино стоила, как годовая зарплата деревенского ткача, кем был его далёкий предок, молодого Фуггера не вдохновляло. Напиться можно и дешёвой кислятиной, не проблема. Проблема была в отсутствии тёплой дружеской компании, не просто собутыльников, главной целью которых было нажраться за чужой счёт, а людей твоего круга, объединённых общими интересами и увлечениями.

Заметив, что клиент дошёл до нужной кондиции — вселенская тоска на его хмурой физиономии отпугивала даже девиц свободной профессии, опасливо обходящих его стол стороной — я дал знак Жану и Гансу, что пора начинать игру. Мои «немцы» подойдя к столу Зигмунда, почтительно осведомились не могли бы они получить у господина небольшую консультацию. Дело в том, что у них есть несколько интересных вещичек из Константинополя, столицы бывшей Византийской империи. Им хотелось бы оценить их стоимость, они слышали, что лучше молодого господина, это не сможет сделать ни один знаток древностей.

Немного затуманенный от дегустации бургундского, мозг Фуггера радостно схватился за возможность сменить обстановку, и отвлечься от унылых мыслей.

Для операции, мы заранее сняли конспиративную квартиру: точнее, выкупили на неделю небольшой, но приличный по персоналу и обстановке, публичный дом, которых в Аугсбурге было вагон и маленькая тележка. Бургумистр города и Ратуша имели представление, на чём нужно делать деньги.

Пришлось потратиться, так как заплатили ещё двадцать процентов сверху — за конфиденциальность. Легенда была простая: богатый сынок почтенного папаши устраивает со своими друзьями — «мальчишник», то есть прощание со своей холостяцкой жизнью. Поэтому, дом будет закрыт для посетителей на срок от трёх до пяти дней. Девки и прислуга в течение этого срока не имеют право выходить на улицу. Не хорошо, если слухи о разгульном поведении молодого господина дойдут до ушей семьи невесты. Хозяин поворчал, накинув сверху, ещё пять гульденов обслуге за беспокойство. Кто бы сомневался, что он согласится. Мои люди на выходе установили круглосуточный пост для контроля. Кроме нас, в доме остались пять наименее потасканных девок, повар и служанка.

По прибытию на место девки сразу взяли Зигмунда в оборот. На его вопрос Жану, когда будет произведён осмотр ценностей: тот махнул рукой: всё путём — за вещицами уже послали. А пока, почему бы не расслабиться в обществе красивых прелестниц? Представить, что попал в мусульманский рай, где по слухам мужчин убаживают прекрасные гурии? Учитывая, что в вино ему добавили чуточку опия, а в помещение зажгли курительницы с набором из дурмящих трав, то Фуггер радостно принял предложенную версию на веру. Его не смутило даже то, что для истинного католика, попасть в мусульманский рай, даже во сне, есть большой грех и святотатство. Идея о рае для правоверных

последователей Аллаха, запущена была мною специально, чтобы после акции Зигмунд не стал болтать лишнего. А так: пить — пил, прелюбодействовал — да, а с кем — не помню.

Первый этап плана, был успешно выполнен. На следующей стадии, к дому Фугтеров подбросили письмо, где отцу предлагалось, через четыре дня доставить в назначенное место двадцать пять тысяч гульденов. Если он хочет увидеть своего сына здоровым и невредимым. Конечно, ничего делать с Маркусом, мы не планировали. Позже должно было выясниться, что ни какого похищение не было — юноша просто переборщил с пьянками и девками. Так не старик, ещё. С кем, по молодости, не бывает? А выкуп? Ситуацией просто воспользовались мошенники, задумавшие обмануть любящего родителя.

Деньги я тоже брать не собирался. Найти сына — и передать его отцу, оказав тем самым очередную услугу. Обратит на себя внимание, показать свою полезность и деловые умения. Мутно, но что поделать? Ничего другого придумать не получилось.

Письмо дошло до адресата. Шум в городе не поднялся, но стража и все сорта тайных осведомителей городских властей и местных воротил — зашевелились. Но, тщетно. Нами был заранее проложен ложный след: одетый в плащ и шляпу Зигмунда, Ганс выехал из города на рассвете, нарочно покрутившись перед стражниками у ворот, чтобы его запомнили. Поэтому, в городе искали спустя рукава, зато все окрестности вокруг Аутсбурга перерыли основательно.

Иоганн Фуггер принял меня холодно. Его не выспавшийся вид и плохое настроение просто бросались в глаза. Выслушав моё предложение о помощи в поиске пропавшего сына, он согласно кивнул, поблагодарив дежурными словами. Видно было, что он по-прежнему не воспринимает меня всерьёз, но не отказывает, как любой утопающий, цепляясь за соломинку. Получив заверение, что вознаграждение будет согласно результату, я покинул безутешного родителя.

Через два дня, разбудив опухшего от разврата и обильных возлияний Зигмунда, с помощью служанки наскоро привели его внешний вид в порядок. После чего без всякой помпы, я доставил его к отцу, в двух словах объяснив своё понимание ситуации. Кинув на непутёвое чадю многообещающий взгляд, Иоганн, поблагодарив, предложил встретиться завтра, пообещав достойно отблагодарить за услуги.

— А сейчас, простите, семейные дела. Когда станете отцом, то поймёте, как иногда ему хочется поговорить с сыном.

Ничуть не смутившись, я откланялся, сопроводив поклон соответствующим выражением лица. По типу, как же, как же — плавали, знаем.

Интерлюдия 1

Иоганн Фуггер не спеша сделал глоток из украшенного искусной чеканкой серебряного бокала. Будучи любознательным человеком, он любил производить различные практические эксперименты, чтобы подтвердить или опровергнуть для себя новые научные веяния. Найдя в одном из алхимических трактатов упоминание о том, что в серебряных сосудах вода сохраняет свои питьевые качества дольше, чем в обычных — загорелся проверить это утверждение на практике. Результат его порадовал: через месяц воду из стеклянного и серебряного бокала легко можно было различить на вкус. Жаль только, что объяснение подобного феномена в разных источниках чрезвычайно варьировалось. Видимо, до истины учёные докопаются ещё не скоро.

Иоганн бросил кривой взгляд на сына. Его первенец, скромно примостившийся с самого края массивного дубового стола, сидел не отрывая глаз от пола.

— И как тебе аугсбургские Магдалины? Хуже или лучше, чем в Венеции? Или ты предпочитаешь девок только из Милана или Падуи?

— Неужели, настолько напился, что ничего не помнишь?

Посмотрев на отца затравленным взглядом, Зигмунд покаянно помотал головой.

— Ладно, иди, позже поговорим о твоём вызывающем поведении. Ты хоть понимаешь, что семья чуть не потеряла из-за тебя большие деньги?

Молодой Фуггер только обречённо пожал плечами. Иоганн раздражённо махнул рукой, указывая на выход. В показное смирение сына, он не поверил ни на секунду. Но, сейчас его интересовало совершенно другое.

Переглянувшись взглядом с ещё одним человеком, находящимся в комнате, он громко крикнул в сторону приоткрытой двери:

— Курт!

В комнату проскользнул невзрачный мужчина непонятного возраста. По одежде его можно было принять за обычного не очень обеспеченного горожанина, каких в славном городе Аугсбурге насчитывалось не одна тысяча. Не поднимая глаз на хозяина, он склонился в почтительном поклоне.

— Господин...

— Говори!

— Мы проследили за людьми виконта. Удалось точно установить, что именно его люди арендовали публичный дом, после чего обманом заманили туда молодого господина.

— А почему он ничего не помнит?

— Подозреваю, что в питье или пищу ему подсыпали какое-то вещество. Опросили девиц — те говорили, что-то про «весёлый дым». Ничего серьёзного: врач осмотрел господина Зигмунда — вредных последствий не обнаружено. Вещество, которое было использовано, наши доктора применяют при тяжёлых операциях, для облегчения боли.

— То есть, всё произошедшее с моим сыном было специально подстроено... У тебя в этом сомнений нет?

— Ни малейших!

— Тогда, возможно, что так же обстоит дело с нападением на мою дочь и племянницу?

— Такое можно допустить, но меня смущают два трупа из числа нападавших...

— Да, брось! Трудно ли найти пару бродяг из городского отребья! Кто их там считает?

— Вы правы, господин...Я тоже об этом подумал.

— Не, каков! — Иоганн обернулся к своему молчаливому спутнику.

— Маркус, как тебе это нравится?

— Виконту явно от нас, что-то нужно.

— Понятно, что — всем нужны наши деньги! Вопрос: зачем? и как далеко он может пойти в своём стремлении обратить на себя наше внимание?

— Второго, он уже достиг. Теперь, наше внимание ему обеспечено.

— Это, точно, — хохотнул старший Фуггер.

— Курт, что удалось узнать о самом виконте? В чём его корысть?

— Родом из французского знатного семейства. Документы, безусловно, подлинные. Ребёнком вывезен в королевство Польское. Воевал, много лет служил в войске правителя дикой Московии. Теперь возвращается на родину, во владения короля Карла 9. По поводу планов...чтобы узнать пришлось повозиться.

— Его люди говорят между собой на своём варварском языке, поэтому особо никого не опасаются. Нам удалось найти знающего человека из поляков, который долго слушал их разговоры на постоялом дворе, где они квартируют.

— Удалось узнать, что-то важное?

— Да, они не делают из своих целей большой тайны. Виконт хочет снарядить экспедицию в Новый Свет, чтобы заполучить в свою собственность ничейные владения за океаном.

— А он не боится поссориться с испанцами?

— Как говорили его люди, виконт направляется к необследованным землям, что расположены гораздо севернее...

— Тогда всё ясно: деньги нужны ему для финансирования своего похода. Так просто — незнакомцу без гарантий ссуду у нас не получить, вот он и придумал эти фокусы, чтобы втереться в доверие. Действует дерзко, сразу видно решительного человека. Только слегка перегибает палку, может, стоит наказать его за дерзость?

— Ты же знаешь брат, нам нужны верные и решительные люди. Наша семья вырождается: молодёжь больше не хочет заниматься родовым делом. Мы стали дворянами, но не воинами. Кто, защитит семью в случае большой опасности? Серебряные рудники в Венгрии оскудевают, испанская корона уже дважды отказала нам в выплате долга, — Маркус подойдя к брату, положил руку ему на плечо.

— Новые земли за океаном? Это может быть хорошим вложением капитала. Это не будет нашим первым разом: Магеллан и Писарро, принесли хорошую прибыль.

— Но, мы плохо знаем этого виконта. Может он, вообще, самозванец, присвоивший чужие документы.

— И что? Давно ли мы стали дворянами? Или ты личные достоинства: ум, храбрость, предприимчивость — ставишь ниже пустого звука — титула полученного от предков? Конечно, он даёт большие преимущества, но этого мало, чтобы стать по-настоящему успешным человеком.

Есть ещё одно, но! Такие люди не становятся просто слугами. Он, наверня-

ка, потребует признать его в качестве партнёра. А потом, когда он укрепит своё положение в новых землях, захочет ли он расплатиться? Ведь уже оказанная услуга, резко теряет свою изначальную ценность?

— Можно выдать за него твою дочь или племянницу.

— С ума сошёл? Хотя, ход интересный. Это привяжет его к нашей семье лучше любого договора. Но, как убедиться, что ему можно доверять? Что именно он тот человек, с помощью которого наше семья упрочит своё положение?

— Ты во многом прав, брат мой, виконта нужно проверить. Надо поручить ему такое дело, которое перекроет все наши сомнения. При успешном завершении. А нет, так мы ничего не потеряем, кроме толики денег.

— Да, — мрачным огнём блеснули глаза Маркуса, — я знаю, какое дело мы сможем ему поручить.

— Ты уверен? Ты до сих пор жаждешь мести? Если узнают, кто за этим стоит, боюсь, денежными отступными мы не отделаемся.

— Я уверен. Ты же знаешь, я не смогу спокойно жить — не отомстив. Зло должно быть наказано. Око за око, зуб за зуб.

— Хорошо! Но, прежде, чем ты доверишься нашему виконту, я устрою ему небольшую проверку.

— Чтобы познакомиться получше, — улыбнулся Иоганн Фуггер.

Глава 8

Пока суд, да дело — решил подтянуть свои навыки в искусстве фехтования. С начала шестнадцатого века популярность сего искусства в Европе нарастает в геометрической прогрессии. Пишутся учебные трактаты, появляются профессиональные корпорации фехтовальщиков со своими законами и иерархией. У всех заинтересованных лиц на слуху: «Братство Святого Марка», «Фехтовальное братство» или «Браво» — каста испанских бретеров, подрабатывающих заказными убийствами. Учителя фехтования, обычно простого незнатного происхождения или из обедневших дворян, свободно путешествовали по всей Европе. Зарабатывая на обучение неопитов, они не гнушались и подставными дуэлями. Власти их обычно не трогали, так как искусство фехтования требовалось всем.

В Аугсбурге было три школы достойных внимания. Первая, где обучались отпрыски знатных дворян и третья для простых горожан, желающих получить навыки самообороны с гражданским оружием — меня не заинтересовали. Вторая же специализировалась на обучение всеми видами холодного оружия, ориентируясь на профессионалов из вояк и разного вида наёмников, от офицера городской стражи до свободного ландскнехта.

Просторный двор школы фехтования мастера Густава встретил меня звонком клинков и отрывистыми командами наставников.

— Ан-гард! Секунд! Ассо! Батман! — видно, что люди работают на совесть.

Переговорили с мастером об обучении меня и моих людей. Обсудили стоимость и время тренировок. Пока же, показали место, где можно переодеться. Выдали защитный нагрудник и перчатки. Сразу в схватки не полез, решил осмотреться.

Примерно три десятка человек, под руководством трёх помощников мастера Густава, наглядно демонстрировали текущие тенденции фехтовального искусства. Тяжёлые мечи раннего средневековья сменились на более лёгкие и длинные, способные наносить резкие колющие удары. Если на поле боя тяжёлый меч постепенно заменяла сабля, то гражданское оружие проявило себя в возникновении рапиры. Ранние варианты которой, способны были, в зависимости от формы клинка, наносить, как колющие, так и рубящие удары.

Рапира (буквально «меч для ношения с одеждой») появилась в Испании. Использовалась первоначально для гражданской самозащиты, превосходно показав себя в условиях тесной городской застройки. Позже, распространилась среди дворян. В том числе, как дуэльное оружие. Через сто пятьдесят лет (с 1630 г.), была практически вытеснена более лёгкой и удобной шпагой. Под рапиру была создана специальная система фехтования. Особенно прославились в этом деле итальянцы.

Глядя, как лихо машут длинными клинками ученики мастера Густава, я испытывал двоякое чувство. С одной стороны, сразу были видны глобальные отличия от спортивных поединков моего времени. Поскакушки-побегушки симпатичных девушек с лёгонькими пародиями на настоящее оружие, были явлением совсем другого класса. Не лёгкое касание, а необходимость проткнуть противника насквозь. Хлёсты, рубящие атаки по рукам и ногам, дополненными элементами рукопашного боя. Да, в не дуэльном поединке использовалось всё: пинки, удары руками, захваты и подсечки. Хотя рапира оружие быстрое и

подвижное её можно было парировать или захватить рукой. В этом случае боец мог очень близко подойти к своему противнику, что делало его оружие практически бесполезным. Поэтому, во второй руке держали дагу или укутывали её в плащ, соответственно, атаки и отбивы производились коротким (левой рукой) и длинным (правой рукой) оружием. Для итальянской школы была характерна силовая манера ведения боя. Понятия выпада и защиты были ещё очень расплывчатыми.

В приёмах фехтования рапирой, имелся один существенный недостаток — её длина и вес. Это сильно осложняло возможность свободно действовать кистью. Защиту приходилось подготавливать таким образом, чтобы она действовала как ответный удар.

Часто, мастера XVI века основывали свою практику на том принципе, что любую атаку, если её нельзя отразить щитом, плащом или кинжалом, нужно встречать контратакой или уклоняться от неё, перемещая тело.

Позже, в фехтовании на более легких и коротких шпагах — парирование и рипост (контратака) разделились на два отдельных движения.

Авторы минувших эпох часто сетовали на то, что рапирой очень сложно сделать один решающий и смертельный удар, и что человек вполне мог выстоять, получив несколько колотых ран. Напоминая, что рапирой было невозможно нанести серьезную резаную рану. Рапирой нельзя отрубить конечность, обезглавить человека или наносить сильные рубящие удары, и она для этого практически не использовалась.

Рапира могла проколоть мягкую защиту, но кольчуга была достаточным препятствием, поэтому ее часто носили под одеждой. Если же человек был хотя бы частично защищен пластинчатой броней, то удары оставалось наносить только по более уязвимым точкам. Поэтому, тонкая, непредсказуемая рапира была оружием для повседневного ношения и частного решения споров, а не для военного использования. Она была создана для стычек в переулках и внезапных атак, и была первым исключительно гражданским оружием самообороны, появившимся в обществе. Из простого практичного предмета она стала популярным атрибутом «благородного искусства».

Особых технических приёмов в фехтование на рапирах было немного, основа базировалась на проверенных временем принципах: тщательный контроль дистанции, расчет, развитая техника перемещений с выбранным оружием.

То есть на то, чего у меня в избытке было ещё до попадания в прошлое. Фехтованию на саблях я отдал достаточно времени, единственное, чего не хватало — практики. Но, на жизненном пути Захара Бокова её было с избытком. И хотя техника боя на сабельных клинках отличалась от использования рапиры или шпаги, но существенных препятствий для освоения последних я не видел. Ибо наблюдая за тренировочными поединками в местной школе, понял: в фехтовании на рапирах нет ничего сложного. Если ты имеешь опыт сражения холодным клинковым оружием, у тебя поставлены связи между частями тела, освоены синхронные и последовательные перемещения — освоить этот стиль фехтования можно в очень короткие сроки. Это был мой второй вывод из того, что увидел на тренировочной площадке мастера Густава. Более сложным фехтование стало позже, после появления шпаги, а также в далёком будущем, когда оно из боевого искусства опустилось до уровня спорта.

В своих наблюдениях, я убедился тут же. Через час использование рапиры никаких особых неудобств у меня не вызывало. Уверенно одержав несколько побед над учениками, по очкам проиграл наставнику. Конечно, проблемы ещё оставались, я пропустил достаточное количество ударов. Но, для шлифовки техники нужно было только время.

Мастер Густав даже удостоил меня сдержанной похвалой. По его словам, при должном упорстве, я могу достигнуть высоких результатах. Ба, слышал бы это предок, на счету которого больше зарубленных и заколотых врагов, чем у всех местных бойцов, присутствующих на этой тусовке.

Смущало меня только одно: какой-то хрен в шляпе с облезлыми перьями из числа зрителей, каждый мой промах, каждое попадание под оружие соперника по тренировочной схватке — комментировал громкими язвительными восклицаниями. Толком перевести на русский, я не смог, но сам факт, мне не понравился. Если каждый будет себе позволять подобное, то так скоро полгорода сядут тебе на шею.

Посему, подойдя к нахалу, на ломанном немецком вызвал его на поединок. На затупленном оружии, конечно. Наглец, к несчастью, оказался отменным фехтовальщиком. Проиграв со счётом: 8–2, я вскипел. Знаком, попросив перерыв, подошёл к наставнику, поинтересоваться на счёт наличия сабель. Не без основания надеясь, что с привычным оружием смогу изменить ситуацию.

В Германии сабли использовались. Не очень длинные, со слабо искривлённым клинком, они несколько превосходили рапиру по весу. На выбор мне предложили две местные разновидности: гросс-мессер и шнепфер. Выбрав последний, я занял позицию.

Баклан с общипанным пером на головном уборе, картинно покачав клинком, сделал в мою сторону длинный выпад. Отпарировав, я используя импульс от подключения всего тела, коротко ударил концом сабли по сильной части его клинка. Выбить не смог, но его чуть повело в сторону. Тут же, с лёгким подшагом, чиркнул по открывшемуся горлу. Хлыщ проиграл с разгромным счётом: 10-1. В последней сшибке, всё-таки смог достать моё колено. Гневно сверкнув глазами, он ретировался, что-то бурча себе под нос. Ну, скатертью дорожка, петух общипанный. Одно не пойму: чем я тебе не угодил? Вроде раньше никогда не сталкивались.

А школа мне понравилась. Хорошая школа. Результатом посещения остался доволен. Будем сюда заглядывать. Самое главное: убедился, что не так страшен чёрт, как его малюют. В смысле, что средневековые фехтовальщики мне вполне по силам, как противники. Нужно только усиленно тренироваться, и мы ещё покажем местным повелителям клинка, где раки зимуют.

Уже по пути домой в голову пришла интересная мысль.

Помню читал у Александра Дюма в его трилогии («Королева Марго», «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять») описание поединка слуги короля Генриха 3 (храбрец и талантливый реформатор, очередной оболганный в угоду политической конъюнктуры правитель). Шико «мастер шпаги», личный друг Генриха, попутно подвизавшийся в роли его шута, по словам знаменитого писателя, демонстрировал новые веяния в фехтовании. Когда, бойцы уже не бегают и прыгают вокруг друг друга, как оглашенные размахивая руками и ногами. Нет, теперь они показывают филигранное владение клинком, работая кистью, перемещаясь красивыми подшагами. Всё так, но классик забыл написать, что

подобная техника появилась, в связи с уменьшением длинны и веса оружия.

Кстати, так красиво разрекламированному ему де Бюсси, сейчас всего двадцать один год. Он мастер шпаги, молодой ловелас и человек невысоких моральных принципов. Дюма явно ему польстил. Де Бюсси в реале был плохим руководителем и полководцем. Он просрал все порученные ему важные поручения. Зато, каков интриган, красивый подлец, забияка-дуэлянт и совратитель прекрасных женщин! Так и хочется с ним познакомиться. Может, удастся привлечь к нашему делу. А мораль? Предок то, похуже дела проворачивал. К тому же умер настоящий Бюсси красиво, как в кино.

Граф прибыл на встречу со своей любовницей графиней де Монсоро в замок Кутансьер. Где его поджидала засада, организованная обманутым мужем. Пятнадцать отборных головорезов посчитали его лёгкой добычей. Но не тут то было, Бюсси бился как лев, он уложил половину из нападавших. Увы, ему не повезло, у него сломалась шпага. Бюсси, воспользовавшись секундным замешательством среди своих врагов, бросился к окну. В этот момент Монсоро, до того прятаясь за спинами своих людей ударил его кинжалом в спину...

В реале с графиней де Монсоро у Бюсси не случилось большой любви, так лёгкая интрижка, правда, растянувшаяся на целый год. Наверно, поэтому, после смерти де Бюсси супруги помирились, прожив вместе долгую жизнь и зачав шестерых детей.

Интерлюдия 2

Макс Браун, самый верный ученик знаменитого браво барона фон Шульца, нервно передёрнул плечами. Проклятый москвит! Разделал меня под орех! Рапирой дрался так, как будто первый раз взял её в руки. А с саблей. — хорош! Умелого воина видно сразу. Уж, он то повидал таких. Пять лет служил в свободном наёмном отряде Шульца. Ух, и покуролесили они в Италии! Однако, Фортуна однажды повернулась к ним задом, терция попала в коварную засаду, только барону и ему улыбнулась удача. Их не доби́ли победители, посчитав, что полученные в бою раны не совместимы с жизнью. Короче, бросили подыхать, чтобы дольше помучились перед смертью. Но, ещё раз повезло. Монахи из монастыря святого Августина подобрали и выходили. Барон Шульц, отблагодарил их по честному, украв у монастырского казначея лишь половину наличных денег. Хотя, какой он барон? Обыкновенный самозванец, присвоивший титул. Другого за это вздёрнули бы на первом попавшемся дереве. Но, не гениального фехтовальщика, известного во всех цивилизованных государствах. Ибо услуги таких людей потребны всем.

Подвязавшись на стезе учителя фехтования, Шульц зарабатывал неплохие деньги. Но беспокойная натура толкала его на разные авантюры. Вот, и тогда в королевстве Польша, он польстился на хороший куш, вышедший ему боком. Макс перед самым поместьем пана Тадеуша, съехал на обочину, прижало по телесному делу. Это и спасло ему жизнь. Его товарищи были убиты, их изуверенные аркебузными пулями тела, зарыли в общей могиле на местном кладбище. Подлым москвитам надо отдать должное — тело барона захоронили, как положено. Пусть без отпевания, но с крестом на могиле. Хотя, вряд ли это ему поможет в чистилище. С такими грехами — Шульцу прямая дорога в ад.

Вражеская забота о теле барона, прибавила ему работы. У Шульца в правом сапоге под каблуком было припрятано пять золотых. Пришлось копаться в земле — не пропадать же добру. Нет, он после прикопал тело товарища обратно, но неприятный осадок остался.

Влекомый жаждой мести, он тащился за московитским отрядом до самого Аугсбурга. Проклятый схизматик оказался вдруг французским виконтом. Он попытался унижить его на плацу фехтовальной школы, но потерпел фиаско. Открыто напасть на дворянчика у него не было возможности, в отряде последнего было пятнадцать отборных головорезов. Нанять убийцу мешало отсутствие денег, написать донос? Толку, если ублюдку оказывают покровительство сами Фуггеры.

Положение осложняло тотальное безденежье, даже дешёвая еда и вчерашнее пиво стоили денег. Макс промышлял грабежом местного криминалитета, используя себя вместо наживки. Сам грабить он опасался: и городских раскладов не знает, и велик риск попасть в руки стражи.

Вот и сейчас, он брёл по ночной улице нижнего города, изображая пьяного. Вынутая из ножен рапира, была готова отразить любое нападение.

Из-за угла неожиданно вывалилась тройка, закутанных в плащи тёмных фигур.

— Жизнь или кошел...

Не дав самому высокому закончить, бретер в молниеносном выпаде проткнул его грудь насквозь. Не заморачиваясь выдёргиванием оружия, он, раз-

вернувшись к его товарищу несколько раз ударил того дагой в живот. Пуская кровавые пузыри, грабитель рухнул на мостовую. Третий, ошалело хлопая глазами попытался закричать, но безжалостное стальное жало не пощадило его горло.

— Дьявол, весь камзол изгадил, — подняв шляпу поверженного бандита, Макс попытался оттереть с одежды крупные капли чужой крови.

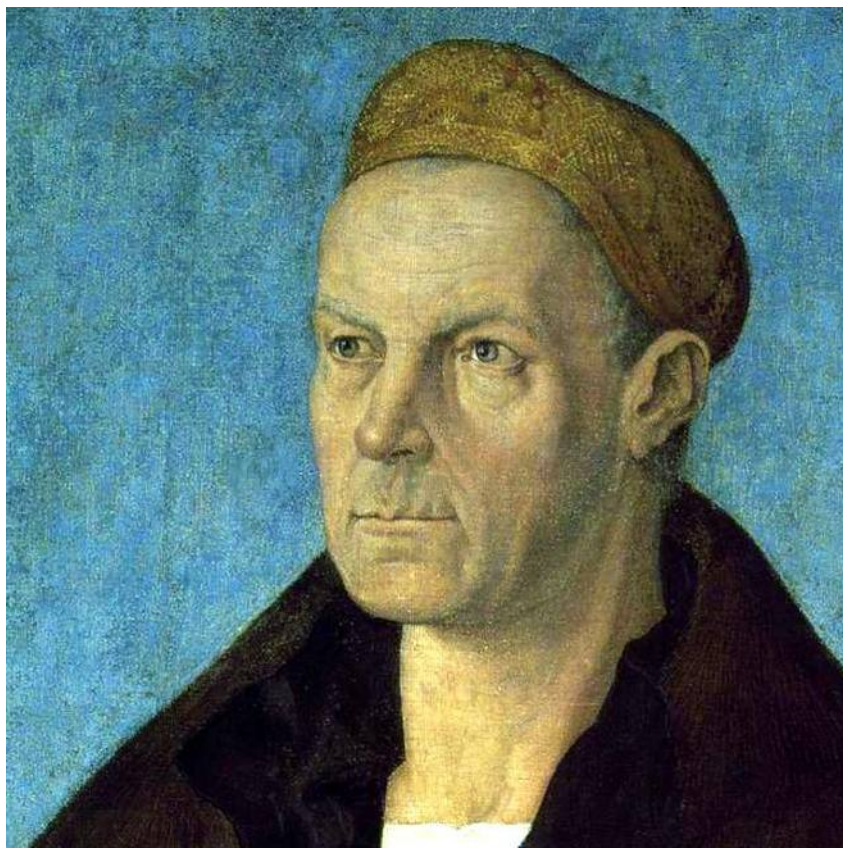
Обшарив убитых, он стал обладателем нескольких серебряных монет. Оружие грабителей тоже стоило денег. Что ж, сегодня он не будет спать голодный. Может даже, купив бутылочку вина, урвёт себе немного женской ласки.

Мечь подождёт. Бретер решил следить за виконтом и дальше. Делать всё равно нечего, вдруг ему повезёт — и москвит совершит ошибку. Может быть, даже удастся пожить там, где замешены Фуггеры, всегда пахнет большими деньгами.

Нынешнюю ночь Макс провел в объятых продажной девки из дешёвой таверны. Несмотря на потасканный вид, шлюха своё дело знала. Получив удовольствие, он, наконец, успокоился. Вчерашний проигрыш, перестал терзать его гордость. Вырубившись от пары бутылок кислого вина, он и не подозревал, что провидение уже подписало ему отсроченную мучительную смерть. От сифилиса, которым под утро наградила его ночная бабочка, в этом времени лекарства ещё не придумали.

Глава 9

Сегодня Иоганн был любезен как никогда. Меня не только напоили достаточно редким для Европы кофе, но и показали дом. Вернее провели экскурсию. Собрание различных произведений искусства, накапливаемое не одним поколением Фуггеров, впечатляло. Там даже была египетская мумия. Кусок закутанного в бинты тела, выглядывал из треснувшего саркофага. Помню, нечто подобное видел в Эрмитаже. Хотя до Эрмитажа коллекции немецких банкиров было ещё далеко.

На фото: Якоб Фуггер

Пройдя в просторную комнату с громадным камином, мы остановились перед старинной, вычурно украшенной точёными финтифлюшками кроватью.

— На этой кровати ночевал император Священной римской империи Карл. По легенде, Якоб Богатый, мой предок, попросил у него разрешение растопить камин бумагой с его подписью. Карл любопытствовал, что это за бумага. Она оказалась кредитным обязательством императора на пятьдесят тысяч флоринов. Пока Карл проживал в этих покоях, комнату отапливали корой коричневого дерева. Несколько тысяч золотых буквально вылетели в трубу.

Я тихо присвистнул. Умел товарищ себя подать: пятьдесят тысяч! Всё состояние знаменитых банкиров Медичи, едва достигало такой суммы.

— Интересная история. Якоб был выдающейся личностью.

— Совершенно с вами согласен.

— А теперь скажите, дорогой виконт, с какой целью вы разыграли это представление?

— Не понимаю вас, месье...

— Бросьте, мои люди всё выяснили. Фарс с мнимым похищением был поставлен по вашему заказу?

Раскрыли! Штирлиц обоср... провалился! Ладно, посмотрим, что он хочет.

— Криминальных целей, я перед собой не ставил. Всего лишь хотел обратиться на себя ваше внимание...

— Будем считать, что обратили. И, что теперь?

— Теперь у меня есть к вам интересное предложение.

— Оно мне не интересно. Вы наглец и хам. Не боитесь, что не сможете покинуть этот дом на своих ногах, целым и невредимым?

— Простите, но я уверен в своих силах. Если что, мой отряд ожидает на соседней улице. Если не выйду отсюда, они возьмут ваш дом штурмом.

— Вы думаете, у них получится?

— Почему нет? На крайней случай, запустят красного петуха. Будет жаль, что всё это, — кивнул я на окружающую обстановку, превратится в пепел.

Банкир нахмурился. Подойдя к двери, он дёрнул за шнурок, закреплённый немного в стороне от правой створки. Раздался мелодичный звон колокольчика. Дверь распахнулась, в комнату вбежали трое дюжих мужиков без мечей, но с кинжалами на поясе.

— А что вы скажете на это?

— Ничего не скажу, — буркнул я, начиная действовать. То, что это банальная проверка на вшивость, почему-то нисколько не сомневался. Теперь, главное никого не убить.

Удар в верхнюю часть бедра надёжно остановил первую гориллу. Походя, добавил по горлу ребром ладони. Минус один. Второй изобразил несколько ударов руками. Ему они казались резкими, мне же его движения напоминали стиль беременного бегемота. Пригнувшись, провёл серию по корпусу идиота. Минус два. Третий, был точно не дурак. Выхватив кинжал, он настороженно уставился на меня, кончик его оружия легонько колебался из стороны в сторону. Руки вперёд он не тянул, предусмотрительно держа у корпуса. Сразу чувствовался опыт в ножевых схватках. Переместившись так, чтобы между нами были его поверженные товарищи, я вытащил оружие одного из них. Покрыв стilet кистью, развёл руки в сторону. Поиграем?

— Достаточно, — Иоганн три раза громко хлопнул в ладоши.

— Я убедился, что, по крайней мере, вы опытный боец. Теперь поговорим серьёзно.

Покинув палаццо, мы устроились на улице под портиками, за небольшим столиком из позолоченного дерева.

— Выслушав мои хотелки, Фуггер задумался.

— А вы уверены, что ваше предприятие принесёт нам деньги?

— Совершенно. Пусть не сразу, но прибыль будет обязательно.

Иоганн с прищуром посмотрел мне прямо в глаза.

— Вашу честность придётся проверить.

— Я готов к любым испытаниям.

— Так уж и любым?

— Если они не будут умалять мою личную честь и достоинство.

— Честь понятие такое... Можно трактовать по-разному. Ну, хорошо, скажите, как вы относитесь к нашей матери — славной католической церкви?

Вопрос с подвохом, значит у Фуггеров с церковниками какие-то тёрки.

— Скажем так, нейтрально. Хотя в детстве меня крестили в правильной вере, долгое время я был вынужден причащаться и исповедоваться в православных храмах.

Фуггер молчал.

— Среди моих людей, есть такие, кто практикует другую веру, — добавил я, имея в виду Керима, потомка татарина от русской рабыни.

— Пусть так. Но, окончательное решение примет мой двоюродный брат Маркус. Прошу немного подождать, сейчас за ним пошлют.

Маркус во многом напоминал своего брата. Разве, что был моложе и, как мне показалось, имел немного подавленный вид. К делу он перешёл не сразу. Сначала мы немного поговорили про античное искусство, затем перешли на обсуждение творчества Плутарха. Он удивился, что я знаком с его «Сравнительными жизнеописаниями», но комментировать этот факт не стал.

Наконец, созрев, Фуггер заговорил о наболевшем:

— Дело, которое я хочу вам поручить очень щепетильное. Напрямую, нашей семье оно не касается. Это личное. Очень важно сделать всё так, чтобы об участии Фуггеров не узнала ни одна живая душа. Даже слухи могут серьёзно ударить по нашей репутации.

— Вот как? Банкиры держащие за яйца... я хотел сказать финансирующие Ватикан и императора, вынуждены чего-то опасаться?

— Речь идёт об инквизиции...,- Маркус впился глазами, внимательно отслеживая мою реакцию. Удостоверившись в моём безразличии к упомянутой организации, он немного успокоился.

— Вижу, вы не впечатлены. А между тем инквизиция — это сила, с которой вынуждены считаться даже короли. Для неё нет разницы: бедняк, ты или богач, граф или грузчик на пристани. Инквизиции подвластны все. Если кто-нибудь узнает о нашем деле, плохо придётся очень и очень многим.

Маркус опять замолчал. Видно было, что его до сих пор одолевают сомнения.

По наитию, я решился на нестандартный шаг. Ударим маленьким чудом по дремучему средневековому сознанию. Подойдя к собеседнику, внимательно осмотрел его руки.

— Вижу у вас маленькая ранка на запястье. Позвольте. Положив ладонь на царапину, я заставил её чуть засветиться. Маркус, уставившись на золотистое сияние, исходящего от моей конечности, насторожился. Немного приоткрыв рот, он буквально остолбенел от удивления.

— Вот и всё, — убрав руку, я продемонстрировал, что от ранки не осталось и следа.

— Дико вращая глазами, Фуггер испуганно перекрестил меня, себя и исцелённое запястье. Не удовольствовавшись этим, он вынул из шкафа маленький пузырёк. Побрызгав на меня его содержимым и убедившись, что я не корчусь в падучей и даже не дымлю, он немного успокоился.

— Это чудо? Или дьявольское наваждение? Хотя, святая вода на вас не подействовала, — негромко спросил он ломающимся голосом.

— Что вы! Всего лишь небольшая способность моего организма. Предполагаю, что учёные мужи в будущем смогут объяснить её с помощью науки.

— Возможно! Пожалуй, теперь я в вас уверен. Если об этой способности узнает церковь — костёр вам обеспечен. По закону карается не только обучение волшебству или демонстрация его на людях, но даже сами способности творить непонятное. По-другому же, ваши действия никто сейчас объяснить не сможет. Под понятие колдовство подводят всё, что выделяется из привычного круга, окружающих нас вещей. Недавно в Кельне сожгли врача, который смог принять роды у женщины, ребёнок которой выходил из чрева боком. Раньше такой случай всегда заканчивался смертью роженицы. Инквизитор заявил, что врач добился успеха только с помощью дьявольского наущения.

— Глупость людская безгранична. А инквизиторы такие же люди, хотя, учитывая, что творят эти звери в человеческом обличье, людьми их назвать сложно.

Ого! Смелые речи для средневековья. Видно, сильно насолила нашему банкиру эта весёлая контора. Я старательно покивал в знак согласия.

— Виновен — или не виновен, для отцов инквизиторов значение не имеет. Так или иначе, они всё равно добьются своего. Для этого у них существует множество способов и уловок. Они плюют даже на собственные правила. По их же закону пытка к подозреваемому не должна применяться больше пятнадцати минут. Если подвергнутый допросу с пристрастием не признался, его должны освободить за недоказанностью вины. Но, этим пиявкам плевать, каким способом достигнуть цели. Они всегда добиваются своего. Попасть к инквизиторам может каждый. Достаточно твоему соседу написать донос, что он видел тебя летающим на метле, или глянув дурным взглядом, навёл порчу на соседскую корову, молоко которой внезапно скисло — тебя уже ведут в подвалы церковной тюрьмы. А там, палач сделает всё, чтобы ты подписал нужные признания.

Маркус, подойдя к окну, уткнулся лбом в мозаичный переплёт рамы. Голос его зазвучал глухо. Я понял, что дело дошло до главного.

— Это случилось десять лет назад. Я ещё не стар, но душа у меня умерла. Тогда же, я был полон надежд и стремлений. Я радовался жизни, готовясь заключить брак с любимой женщиной. Моя первая жена скончалась, муж моей наречённой погиб на войне. Между нами не было препятствий для семейного союза. Но, Марте не повезло, она жила в городе, где инквизицию возглавлял брат Павел, который ревностно относился к своим обязанностям. За три года в

городе были казнены 287 ведьм. Из которых около трети были мужчинами, а десятая часть — дети возрастом от трёх до четырнадцати лет. На костёр часто отправляли целыми семьями. Так получилось, что осуждены были самые зажиточные люди в городе. Многие профессиональные доносчики, члены магистрата и отцы-инквизиторы заметно поправили за эти годы своё материальное благополучие.

Марте от покойного мужа досталось неплохое наследство: деньги и каменный дом в центре города. Конечно, эти мерзкие пиявки не могли пройти мимо такого куша. Меня тогда долго не было в её городе, по делам семьи пришлось почти три месяца прожить в Венеции. Когда я вернулся, всё было уже кончено.

— Марту схватили, когда она вышла из дома за покупками, поводом послужили показания её соседки, что она занималась ворожбой. Призывая град, чтобы он побил посевы на полях вокруг города. На деле, она просто сказала, что после вчерашнего града, следует ожидать ещё худшей погоды.

— Мне подробно описали процедуру дознания, стандартную для всех подозреваемых в ведовстве.

— Перед тем, как обвиняемую отправляли в пыточную, её раздевали догола и искали на теле особые знаки — печать дьявола. Малейшее вздутие кожи на теле, бородавки, родинки — всё тщательно исследовалось. Затем её кололи длинными иглами, если из возможного знака не шла кровь и он не чувствовал боли, значит искомое найдено. Далее, независимо от результата, так как дьявол хитёр — и не все знаки можно увидеть, в дело вступал палач. Вот краткий перечень пыток, используемых для дознания:

1. Тиски для пальцев.
2. Тиски для ног.
3. Порка кнутом в подвешенном состоянии или лежа.
4. Лестница, разновидность дыбы.
5. Колодки, снабженные железными шипами, пытка, которая могла продолжаться до шести часов.
6. Страппадо, модификация дыбы.
7. Растирание веревкой по шее, чтобы стереть кожу до кости.

8. Холодные ванны.

9. Перья, которые жгли в подмышках и в паху, предварительно перья пропитывали серой.

10. «Молитвенная скамья», доска с острыми деревянными пеньками, на которую ставили на колени.

11. Насильственное кормление соленой селедкой без воды.

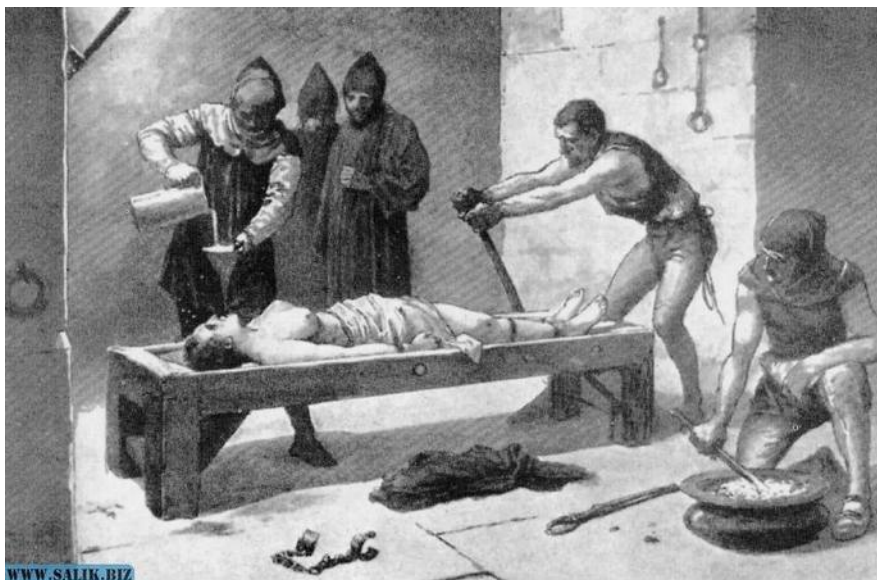
12. Ванна из крутого кипятка с негашеной известью.

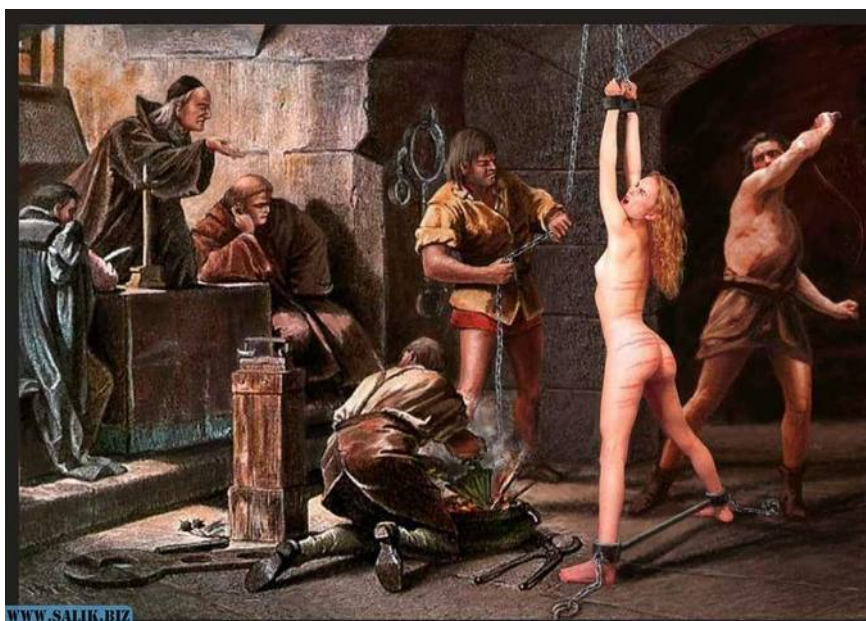
— Не спрашивал, какие из них применили для моей Марты, но точно знаю, что она подверглась одному из самых страшных испытаний.

— Её посадили на металлический стул, с сиденьем утыканным острыми шипами. Под стулом развели огонь. Говорят, что больше пятнадцати минут эту пытку не выдерживал никто. Марта потеряла сознание почти сразу. — Тогда к ней применили пытки попроще. Разрезали ступни и залили их расплавленным свинцом. Она впадала в беспамятство, но не признавала свою вину, только ругалась нехорошими словами. В наказание, ей раскалённой иглой проткнули язык, затем в виду слабого здоровья перевели в церковную тюрьму, где она испытала истязания другого рода. Марта и её подруги по несчастью подверглись мучению голодом, жаждой, лишением сна и регулярными побоями. Тюремные сторожа и сами судьи часто насильствовали заключённых. А остававшиеся после этого следы признавались уликой, доказательством сношения с дьяволом. Многие из несчастных женщин, признавались в мыслимых и немыслимых грехах, только бы избавиться от ужасов тюремного заключения. Марта выдержала всё, она не сломалась. Не знаю, что было причиной такой невероятной стойкости. Подозреваю, что у неё помутился рассудок. Говорят, иногда, в таких случаях у человека понижается телесная чувствительность, он почти не ощущает боли.

— Но, для слишком упорных людей, над которыми власть дьявола оказалась достаточно сильна, имеется особое испытание. Божий Суд — испытание водой. Жертву бросают в воду: выплывет, значит виновна. Начнёт тонуть — невинна. Естественно, обессиленная женщина пошла ко дну. По закону её следовало освободить. Но, это если на обвиняемую не имеется свидетельских показаний. Марту вернули в узилище, где её должны были подвергнуть непрерывной пытке, исход у которой был один: признание или смерть от болевого шока. Но, брат Павел не захотел терять время. Его мерзкие подручные схватили двух тринадцатилетних племянниц бедной женщины. Несчастные были двойняшками, этого оказалось достаточно, чтобы предъявить им обвинение. Марта была поставлена перед выбором: признание — или её племянниц бу-

дуг истязать перед ней до самого утра. Он подписала признание. Но, коварный инквизитор обманул, девочки всё равно были подвергнуты пытке. Подтвердив всё, что от них хотело следствие, они получили снисхождение — перед сожжением им отрубили головы. Марта прокляла фарисеев-судей, за что ей раскалёнными щипцами порвали грудь. По дороге на казнь, она умерла от потери крови. Изверги сожгли уже бесчувственное тело.

— Те мучения, через которые пришлось пройти Марте, до сих пор сводят меня с ума. Просто не верится, что люди, которые пошли на такое, являются служителями Господа. Позже, мне в руки попала книга одного швейцарского учёного. Он писал, что ведм и колдовства не существует. А поиски ведовства — это происки дьявола, которыми он смущает людские умы, заставляя их творить зло. Поэтому, я не считаю, что желание покарать злодеев, творящих подобные бесчинства ради своей корысти и во имя ложных побуждений, противоречат моей вере. Зло должно быть наказано!

— Что вы хотите от меня?

— Желаю, чтобы изверги испытали на себе всё, что они творили со своими узниками. Они должны подписать такие же признания и получить такое же наказание, как и их многочисленные жертвы. Монахи-инквизиторы, судьи, нотариус, палачи — пусть испытают на себе всю тяжесть церковного дозна-

ния. Писцы, стражники, все остальные свидетели, которые наблюдали мучения моей любимой женщины ... достаточно, если просто умрут.

— Как вы этого добьётесь, меня не интересует. Деньги вам предоставят в любом количестве. С вами отправится мой человек, он проследит, чтобы всё было сделано, как надо. У Карла свои счёты к инквизиторам: в детстве за безобидную ребячью дразнилку ему отрезали язык. У него вы найдёте список со всеми моими «должниками». Там подробно описано: кто, где, когда и как. Я готовился уже давно. Все записи постоянно обновлялись.

— Я вас услышал. Мне нужно две недели на подготовку. Постараюсь, сделать всё от меня зависящее.

— Удачи! Если вы выполните мою просьбу, у вас не будет более преданного друга, чем я.

— Это не пустые обещания, Маркус Фуггер ещё ни разу не нарушил данного слова.

Глава 10

Городок Оффенбург, куда завела нас вендетта Маркуса Фуггера, насчитывал всего около трёх тысяч жителей. Это был город твердолобых католиков иезуитской выручки. Любой горожанин, кто в Пасху не ходил на исповедь, на три дня попадал в тюрьму, после чего на исправление ему давали три дня, под угрозой нового срока. Правил в Оффенбурге городской совет из двадцати двух членов, включая двух церковников. Из членов совета избирали бургомистра и четырёх чиновников, которые выступали обвинителями на ведовских процессах. Постаревший брат Павел по-прежнему возглавлял городской филиал инквизиции. То ли он подустал, то ли набил личную мощну до неподобающих размеров, но дело своё несколько запустил, исполняя служебные обязанности без лишнего рвения. Однако, два его помощника и местные иезуиты, имели на этот счёт своё мнение. Ведовские процессы в городе временно утратили массовость, но продолжались с завидной регулярностью.

Всего в списке, полученном от Маркуса, числилось одиннадцать человек. Сами инквизиторы в количестве трёх душ, нотариус, двое судей, палач, пара стражников, писец и доносица. Один из судей уже почил в бозе, доносицу зарезали грабители в прошлом году. Осталось девять индивидуумов. Согласно техническому заданию от Фуггера, заставить признаться в ведовстве следовало брата Павла, двух его помощников и судью. Палача и нотариуса немножко привлечь к дознанию, затем малость помучить и тихо ликвидировать. Остальных просто убить.

Решили начать со стражников — два арбалетных выстрела не оставили им шансов. Тела раздели до нага, отвезли за город, и сбросили в реку, привязав к ногам мешки, набитые камнями. С остальными было сложнее. Нужно было заманить их в церковную тюрьму, где пытками выбить нужные признания, причём зафиксировав их по всем правилам.

Деньги у нас были в избытке, поэтому на экипировку своего отряда, я не поскучился. Ганса нарядили в монашескую рясу, решив выдать его за инквизитора из Аугсбурга. Фуггер достал нам подтверждающие документы, заверив в их абсолютной надёжности. Остальные изображали наёмников, подрядившихся на его сопровождение и охрану. Но, просто заявиться к брату Павлу в стиле: «Здравствуйте, я ваша тётя!», было чревато. Ганс всё же не священник, при тесном общении ушлый дознаватель его легко раскусит. Надо было ловить птичку на живца. Привести пару подозреваемых, попросив местных в срочном порядке, провести совместное следствие. А там, перекрыв ходы и выходы, выставить отцам-инквизиторам встречные обвинения, предъявив нотариусу свои полномочия. Палачу же всё равно кого пытаться. Он лицо подневольное. Поверит ли городской нотариус или нет, дело десятое. Фуггеры предоставили мне своего. Достаточно молодой мужчина, в этом году закончивший университет. Засветиться он не боялся, я обещал взять его с собой в Америку. Там, в отсутствие конкурентов, у него точно будет шанс сделать хорошую карьеру. Пока продумывали варианты, нам помог случай. Все посчитали это хорошим знаком, значит удача на нашей стороне.

Боярышню Юрьеву, на всякий случай взяли с собой, вдруг для нашей игры понадобится женщина. В смысле, если придётся выдать её за ведьму. Не понадобилось. Но, обо всём по порядку.

Несколько моих людей скрытно дежурили у входа в небольшой замок, по сути, скромный по размеру двор и пара башен, где в подвале у церковников была оборудована пыточная.

Вдруг, из полуоткрытых ворот выбежал юноша с всклокоченными волосами и безумным взглядом. Дав стрекоча, он быстро выдохся, притормозив уже в ближайшем переулке. Жан, коротко переговорив с беглецом, принял верное решение укрыть его в нашем убежище. Тем же вечером, выслушав историю спасённого, предложил ему поучаствовать в нашей афере, в обмен на помощь и сотрудничество.

Эрнест фон Эренберг, обучаясь юриспруденции, долгое время был практически образцовым студентом, которому сулили блестящее будущее. Но, молодость есть молодость: он увлёкся студенческими дуэлями, начал пить и волочиться за женщиной старше себя. Всё бы ничего, подобные недостатки обычно проходят с возрастом. Но, на свою беду юноша был наследником богатого Вюрцбургского епископа. В случае кончины последнего ему досталось бы значительное состояние. Это пришлось не по нраву баварскому отделению ордена иезуитов, у которых на деньги епископа имелись собственные планы. Два брата иезуита ловко расспросили студента и пришли к выводу, что раз он знаком с такими человеческими пороками, как пьянство, чревоугодие и распутство, то по всей вероятности стоит недалеко от участия в ведовских оргиях и шабашах. Да, что там! Он уже, наверняка, принимал в них участие! Эрнесту заочно предъявили обвинение, судили и признали полностью виновным. Однажды в семь часов утра молодого человека разбудили, сообщив ему, что отныне его ждёт гораздо лучшая жизнь, чем в настоящем. Ничего не подозревая, заинтригованный Эрнест позволил привести себя в замок. Увидев пыточную камеру, он чуть не грохнулся в обморок. Некоторые судьи были так тронуты, что стали просить главного инквизитора о снисхождении, но брат Павел был непреклонен.

Поняв, что ему грозит, студент, неожиданно для инквизиторов оказал сопротивление. Он так стукнул одного из стражников по голове, что тот потерял сознание. Затем, вытащив нож, приставил его к горлу брата Павла, заставив последнего отдать приказ страже о невмешательстве. Отпустив заложника у входа, ему удалось вырваться за ворота. Далее, ему повезло заинтересовать своим побегом моих людей.

После недолгих уговоров, рассмотрев все за и против, фон Эренберг согласился исполнить роль живца. Видно было, что дерзкий юнец и сам не против подгадить отцам-инквизиторам.

План был проведён в жизнь, без сучка и задоринки. Надо было видеть лица брата Павла и его ушлёпков, когда Ганс предъявил им обвинение в колдовстве и ереси. Павел начал что-то выкрикивать, яростно мотая головой, да так, что слюни брызгами летели из его поганого рта. Пришлось заткнуть его рот кляпом. Со зловредным инквизитором пришлось повозиться, испанский сапог его только раззадорил, а дыба не произвела должного впечатления. Сломался он только после железного стула, когда палач начал поджаривать ему мошонку. Тут он признался во всём, наговорив с три короба на судью и помощников. Нотариус, потев от страха, прилежно фиксировал признания допрашиваемых. Особенно, отличился самый молодой из подручных главного инквизитора. Ему бы книги писать, с такой фантазией самое то.

Если коротко, по его словам на шабаш они летали втроём. Там танцевали с голыми ведьмами при луне, затем обменявшись экскрементами, поедали их по очереди. Жарили детские сердца, запивая их мочой. Затем совокуплялись с дьяволом, который в облике рогатого козла, своим огромным детородным органом, обслуживал, как мужчин, так и женщин.

Дослушивать всю эту ахиною у меня не хватило сил, и я покинул эти мрачные стены. Церковный палач свою работу выполнял добросовестно. Ему активно помогал наш отрядный спец по допросам Керим, на половину татарин, когда-то служивший помощником ката в прообразе приказа — московской Разбойной избе.

Подручные отца Павла раскололись быстро, особо мучить их не было необ-

ходимости. Тут нужна привычка и навык, а мои все уже устали, одно дело прижечь калёным железом ступни пленнику или, попавшему под пресс войны, чужеземному купчику, другое дело превратить истязание в профессию. Жак, слуга Маркуса, посланного проконтролировать наши действия, отнюдь не сидел без дела. Он рисовал! Да, вот так, тщательно и скрупулезно фиксировал на бумаге изображение пытаемого, особое внимание, уделяя чертам лица, чтобы в личности, получившей по заслугам человеческой особи, не возникло ни малейшего сомнения. Но, устал и он. От криков, запаха испражнений и всёй этой гнетущей атмосферы человеческих страданий.

Посмотрев в глаза, я задал ему безмолвный вопрос. Тот кивнул. Поэтому, палача, нотариуса и писца мучить не стали. Просто удавили. Всё по церковным заветам, без пролития крови. Судья же умер после второй пытки, возраст, не выдержало сердце.

Не особо стараясь, сымитировали нападение и побег заключённых. Бумаги с признаниями оставили на самом виду. Здесь же лежали: тела судьи, палача и младших инквизиторов. Брата Павла забрали с собой, Фуггеры потребовали его голову. В буквальном смысле, для надёжности. Навели небольшой беспорядок, указывающий на маленькое сражение. Остальных же будто бы освободили неизвестные сообщники — и они скрылись в ночи, избежав правосудия. Понимаю, что шито белыми нитками, но учитывая факт признания, кто там будет разбираться, копаясь в ненужных подробностях? Брат Павел насолил стольким, что отцы города утрясут всё по-тихому. Разве, что местечковые иезуиты будут мутить воду, но тут уж ничего не поделаешь.

Город покинули на рассвете. Ганс, так и щеголяющей в сутане, подробно расспросил стражу на выезде: не видели ли они кого-нибудь подозрительного? В итоге у тех сложилось стойкое убеждение, что отряд заезжих инквизиторов преследует каких-то еретиков или колдунов-безбожников. Пусть у городских властей возникнет меньше вопросов, кто проводил дознание. И они быстрее упрячут концы в воду.

Фуггеры выполнением задания были довольны. Выпив по бокалу дорогого вина, Маркус предложил мне самому выбрать себе награду. То, что братья профинансируют мою экспедицию в Америку, подразумевалось по умолчанию.

— Прошу руки вашей дочери! — важно произнёс я, совершая небольшой поклон в сторону Иоганна Фуггера. Отслеживая реакцию братьев, отметил, что они ни капельки не удивились. Вернее удивились, но не тому.

— Что? Дочери? Марты? Не племянницы, не *Изабеллы*?

— Да, вашей дочери Марты.

— Хм... Неожиданный выбор. А вы в курсе, что Марта, как бы помягче выразиться, не ...любит мужчин?

— Меня это не остановит.

Маркус и Иоганн переглянулись.

— Хорошо, пока оставим это вопрос. Мы не против вашего брака с девицей из рода Фуггеров. А кто будет невестой — дело десятое. Что касается именно Марты... Если сумеете уговорить её на брак, то я буду не против. Замужество, даже по расчёту, всё же лучше, чем монастырская келья. А я уже смирился, что у моей дочери не осталось другого выбора.

Что ж дорогие будущие родственники, тогда нам нужно обсудить один

очень важный вопрос.

— Размер приданного, вашей дочери или племянницы. Меня просто раздрает от любопытства: оно будет просто очень большим? Или всё же — нереально огромным?

Фуггеры торговались отчаянно, но и я упёрся, предлагая различные компромиссы, но не желая уменьшать затребованную сумму.

— А что? Мне очень нравится слово «миллион». Оно заставляет волноваться и выпадать из реальности, вкушая сладкие грёзы.

На все уверения жадных банкиров, что это офигенно много, и у них просто нет таких денег, я только пожимал плечами.

— Антон Фуггер, ваш отец и дядя за двадцать лет заработал в пять раз больше...

— Да пойми ты, деньги вложены в рудники, выданы в виде кредитов, переданы под залог... они не пылятся у нас в сундуках — деньги должны работать!

— Хорошо, снизошёл я до проблем бедных немецких банкиров — согласен часть суммы взять движимым и недвижимым имуществом.

Но, упрямыцы, не оценили мою покладистость — торг разгорелся с новой силой.

Дошло и до перехода на личности. Меня обозвали мошенником, я их жалкими неудачниками. В ответ на самозванца, намекнул на их еврейские корни. Братья насупились, подвергнув меня перекрестному допросу: мол «откуда дровишки». На, что я лишь презрительно фыркнул — мол, «птицу видно по полёту»!

В итоге, все выдохлись. Объявив перемирие, уселись за стол, продолжив дегустировать рейнское и анжуйское.

Поняв, что пришло время поговорить всерьёз, зашёл с козырей. Жёстко раскритиковав их деловую политику в отношении испанского короля и императора, предложив пути решения вопроса.

— Третьего банкротства испанской короны вам не выдержать. Контролируемые семьёй рудники истощены, конкурировать со своими собратьями в Новом Свете они не могут. Предлагаю, срочно избавиться от бесполезного имущества и решить часть вопросов по испанским займам. Пусть Испания отдаст долги землями, как в Европе, так и за океаном. (Здесь, я имел в виду все территории севернее современной Мексики. Цинично надеясь наложить на них лапу. Хотя, когда мы станем одной семьёй, этот вопрос станет неактуальным).

— Всё спасти не удастся. Но, даже часть — лучше, чем ничего. Иначе вашу контору ждёт крах и забвение.

Фуггеры молчали, подавленные обрисованной перспективой. Умные люди, не на все сто процентов, но они признавали мою правоту.

— Вот эта моя информация, которую никто из вас не хотел замечать, точно стоит миллион. В ближайшем будущем все смогут в этом убедиться.

В итоге, сошлись на сто тысяч гульденов наличными и ещё на двести тысяч мне предоставят разного имущества: от кораблей до продовольствия и оружия. Остальные семьсот будут переданы землями в Новом Свете, если удастся договориться с Испанией. Кто кого обул, было непонятно. Но, втайне, я был доволен, как слон. За короткое время из мелкого, никому не известного вояки, стать одним из самых обеспеченных людей мира. Согласитесь — это мощно!

Интерлюдия 3

Макс Браун ликовал. Наконец то, он нашел, чем зацепить своих кровников. Московиты крупно облажались. Напасть на страшную инквизицию, пытать уважаемых людей, как они на это только осмелились. Проследив за ними до самого замка, где расположилась страшная инквизиторская темница, которую среди горожан ходило множество мрачных слухов, он еле дождался, когда они выедут за ворота. Заглянув в пыточную, одновременно ужаснулся и обрадовался. В суть происшествия вникать даже не подумал. Достаточно самого факта нападения на представителей святой церкви, боровшихся против ведовства и ереси. Не важно, по какой причине. Не спасёт даже наличие полномочий. Чутьём он понимал, что есть такая штука, как корпоративная солидарность.

К городским властям или сюзерену города — епископу, он обращаться не стал. Настоящая сила в руках последователей Игнатия Лойолы. Его патрон барон Шульц плотно работал с несколькими баварскими иезуитами. К одному из них, некому Альбрехту Шварцу и направил он свои стопы.

Альбрехт Шварц внимательно выслушав пылкую исповедь наёмника, подверг его сложному перекрёстного допросу. Убедившись, что тот не врёт, попросил его прийти завтра, взяв паузу для раздумий.

О случившимся в городе Оффенбурге, он уже знал из собственных источников. Орден иезуитов славился своими осведомителями. Нет, судьба тамошних инквизиторов его не волновала. Те явно перегнули палку, такая топорная работа не прибавит авторитета святой католической церкви.

А вот виконт, изящные способы на грани провала, какими он решает проблемы, и, особенно, его дальнейшие планы — вот это, по-настоящему интересно.

Похоже, дело обстоит так. Некий виконт задумал влиться в когорту покорителей Нового Света. Желая занять деньги у богачеев Фугтеров, он выполняет для них некое тайное поручение. Скорее всего, связанное с мезьей. При этом, не просто уничтожает свои цели, а подводит их устранение под законодательную базу. Интересный ход. Пожалуй, в судьбе этого предприимчивого человека ордену следует принять участие. Подвести своих людей, переговорить, обсудив общие интересы. В общем, склонить к сотрудничеству. А если окажется, что он не так и умён, отказавшись от помощи церкви, то... судьба его будет печальна и незавидна.

Перебирая четки, Альбрехт довольно улыбнулся. Словно собрал из тысячи разрозненных частей очень сложную головоломку. Вот только...наёмник. С ним надо решать вопрос кардинально, лишние слухи не должны достигнуть чужих ушей.

Уснувший в придорожной таверне за кувшином дешёвого поила, Макс Браун, утром так и не проснулся. Ночью, кто-то воткнул ему длинный тонкий стилет в ухо.

Глава 11

По традиции перед свадьбой жених должен подарить невесте подарок. Юстину Бенигму я уже считал практически своей невестой. Предполагая, что найду аргументы убедить её принять моё предложение. Вряд ли она мечтает провести остаток дней за стенами монастыря. К тому же и там девушка может не избежать мужского внимания. Слухи о монастырских порядках в женских обителях ходили разные. Бывало, духовные чины не стеснялись использовать монахинь в качестве средства для удовлетворения своей похоти. Католическая церковь это ещё та клоака, наделённая всеми мирскими пороками: от разврата до алчности. Их противники — протестанты, не далеко ушли от этой помойки. Лицемерные моралисты, беспощадные к инакомыслящим — все они мазаны одним миром.

Теоретически, со сватовством могли возникнуть трудности. Хотя отец девицы был не против, что уже делало брак практически состоявшимся. Ибо в это время, браки заключались по расчёту. Понятия о любви между супругами не было в принципе. Мужья понимали отношения между мужем и женой, только, как плотское соитие. Положение женщины было печально. Она полностью зависела от воли супруга. Рыцари нередко били своих жён смертным боем, подвергали их унижению и издевательствам. Избавиться от старой надоевшей второй половинки, было не так и сложно. Забить до смерти, отдать в монастырь — способов хватало.

Не, конечно, любовь случалась и в эти тяжёлые времена. Но следовать чувству было опасно. В 1436 году Альбрехт, сын баварского герцога, влюбившись в красавицу Агнессу Бернауер, дочь простого банщика, женился на ней. Отец герцог не признал неравного брака. По его приказу, в отсутствие мужа, Агнесса была схвачена и брошена в реку. Она пыталась выплыть, но закрутив багры в её длинных волосах, красавицу утопили.

Это ещё, что! По дороге из Оффенбурга разговорился с нашим нотариусом про местные порядки. Вдруг, где «накосячу», по незнанию? Оказывается, ещё совсем недавно наказание по закону за прелюбодеяние в Швабии и Саксонии, проводилось довольно жёстко. Прелюбодеёв клали одного на другого в яму, дно которой было устлано терновником. Затем длинным колом насквозь пробивали их тела, буквально пришиливая, друг к другу. После чего засыпали землёй.

Так то, сейчас вроде времена смягчились, неверных жён не душат и травят, а сбавривают в монастырь. Но, всё равно замужество было далеко не раем.

Что, интересно: у женщин существовала отдушина от беспросветного супружеского рабства. Любой рыцарь мог избрать себе даму сердца — и служить ей во имя духовной любви. Было достаточно много случаев, когда такие защитники реально помогали своим избранницам: защищая их честь и имущество. Возникла парадоксальная ситуация: с одной стороны — безропотная рабыня мужа, с другой — повелительница целого сонма верных и сильных мужчин, претендующих на право сделать её Дамой Своего Сердца.

Иногда преданность своему идеалу принимала гротескные формы. Некий рыцарь пил воду, в которой его дама мыла свои ноги. Затем он отрезал себе часть нижней губы. Под предлогом, что она из-за своей уродской длинны, могла бы помешать их поцелуям.

Другой герой, влюбившись в замужнюю женщину, имя которой означало волчицу, напялил на себя волчью шкуру и опустившись на четвереньки, начал нарезать круги возле замка своей возлюбленной. Воя на луну, он так надоел местным собакам, что те устроили ему жестокую трепку.

Подобные хаотичные рассуждения возникали и появлялись в моей голове, пока я ждал встречи с дочерью старшего Фуггера. Разглядывая своё отражение в большом венецианском зеркале, кисло улыбался. Пусть не урод, но и разбивать девичьи сердца своей внешностью, я смогу только у слепых и, если сильно повезёт, у косоглазых. И то, на счёт последних, гложут меня смутные сомнения...

Утешало, что в данном случае, ставку всё равно пришлось бы делать не на внешность, а логику и голый расчёт.

— Донна Юстина!

— Мессер!

Не знаю, что меня подвигло обратиться на итальянский манер, но дамочка отреагировала в том же ключе. Ничего, для завязки разговора нормально.

— Бывали в Италии, виконт?

— Не довелось, но имею такое желание. А вы? Как вам Рим? Великий город на семи холмах...

— Грязно, очень много пустых домов. От древних храмов остались одни развалины...

— *Sic transit gloria mundi!*

— Так проходит земная слава.

— О, знаете латынь?

— Весьма поверхностно.

— И где вы познакомились с языком науки и церкви?

— В университете, — не подумав, брякнул в ответ.

— Вы обучались в университете?

— Недолго. Вижу, вы тоже весьма образованы. Где вы учились? — решил я отвлечь девицу от скользкой темы. Не рассказывать же ей, что универ я закончил в будущем. Там на истфаке действительно преподавали латынь. В течение семестра, для общего ознакомления. Но, пятьдесят пословиц нужно было выучить наизусть.

— Увы, я обучалась на дому. Женщин не берут в университеты. А вы любите читать? Какой писатель вам понравился больше: Цицерон или Пифагор?

Подловить хочет, да ещё так примитивно.

— Цицерон был оратор и политик, а Пифагор великий математик, — изобразив снисходительность во взгляде, поправил я зарвавшуюся мамзель.

— А как по вашему, кто более реалистичен в своих трагедиях: Аристофан или Ксенофонт?

Мой коварный посыл ушёл зря: не о комедиографе, ни об историке, проживающих в Афинах ещё до н. э., Юстина даже не слышала.

Зато слышала о знаменитой греческой поэтессе Сапфо, уроженке острова Лесбос. Ну, ещё бы рыбак рыбака видит издалека. Заметив, как заинтересовалась моя будущая жена, скандальной дивой из далёкого прошлого, мысленно хлопнул в ладоши. Рыбка клюнула! Теперь осторожно подсекаем...

— Про Сапфо сложено много мифов и преданий. По одному из них — она страстно влюбилась в моряка Фаона, который не обращал на неё внимания.

Тогда, страдая от неразделённой любви, поэтесса бросилась в море с высокой скалы. Но, это не правда. На самом деле Сапфо прожила долгую жизнь. Вышла замуж за богатого торговца и родила ему дочь Клеиду.

Дочь Фуггера, буквально впитывала каждое моё слово. Видно было, что древняя лесбиянка была её тайным кумиром. Судорожно вздыхая, Юстина несколько раз открывала рот, чтобы что-то сказать, но не решалась. Наконец, не в силах сдерживаться она робко произнесла:

— Говорят, Сапфо привлекала собой не только мужчин, но и красивых женщин...

Я даже зауважал Юстину за такие откровенные слова. Для средневековья это было круто. Именно слова, а не действия. Под шумок, тут творили такие безобразия, что... А вот сказать такое наедине — мужчине... Хотя, какое «наедине»! вот в углу служанка сидит, прямо так и прожигает ревнивыми глазами. Хм... Может у них лямур? А, служаночка то ничего, попастенькая... Я б с ней покувыркался...

Юстина же... на фотомодель не тянула от слова совсем. Нескладная, с тонкими жилистыми руками и ногами... Невыразительное плоское лицо. Разве, что глаза... В них светился недюжинный ум и не характерная для средневековой женщины твёрдость характера. Пожалуй, будет хорошим партнёром. А любовь? Она тут вовсе не причём.

— Да, Сапфо была очень необычным человеком, интересуясь не только мужчинами, но и женщинами. Я читал у Геродота, что её брат, виноторговец Харакс, привёз из Египта куртизанку Родопис, потратив на неё все деньги. Сначала Сапфо долго пеняла ему за растрату, но вскоре сама увлеклась прекрасной египтянкой.

Вижу мысль о том, что её идеал, не отказывался, как от женского, так и мужского внимания, до Фуггерши дошла. Пора делать ход конём.

— Полагаю, вы догадываетесь, что наше встреча произошла не просто так. Вчера, я просил у Иоганна вашей руки. Не хочу никого обманывать, мною движет не чувство, а практический расчёт. Мне нужны деньги, а за вами дают огромное приданное. Но, не надо чувствовать себя жертвой. Взамен я предоставлю вам, то, что вам не предоставил бы никто другой. Я дам вам свободу! Свободу делать всё, что пожелаете. Возможность заниматься любимым делом. Хотите быть банкиром? Будьте! Желаете путешествовать? Флаг вам в руки! Э... в смысле, я не против. Хотите... я перевёл взгляд на служанку...

Короче, предлагаю стать партнёрами. А в будущем, возможно, и хорошими друзьями. Условий только два: никаких мужчин: жена «Цезаря» должна быть вне подозрений! И второе: вы должны родить мне сына, чтобы было кому унаследовать мои будущие земли и ваше состояние.

Юстина, всё это время не проронившая ни слова, подойдя, крепко стиснула мою руку.

— Вы были очень красноречивы. Я согласна. Только, вот насчёт сына... Сам процесс... Это же так неприятно...

Я промолчал, что тут скажешь? Для кого, как...

* * *

Свадьбу назначили через три недели. Вроде, как портным нужно время, чтобы пошить наряды. Потом, на свадьбу следует позвать гостей, некоторые живут достаточно далеко. Я бы вообще провёл церемонию тихо и скромно, но

нельзя. Во-первых, для Фуггеров это неприемлемо — престиж! Во-вторых, мне, как намекнул Иоганн, не помешают новые знакомства с влиятельными людьми. Я согласился: личные связи — наше всё!

Сама свадьба отложилась в памяти, как большой балаган. Шумно, «гамно» и потно. Ибо пахло от гостей ощутимо. Учитывая их статус и совсем не тощую мощну, дорогих благовоний они не жалели. Но потом всё равно попахивало не слабо. А что делать? Это ещё хорошо, что с начала шестнадцатого века пошла мода на периодическое мытьё в общественных банях. Для простых горожан, богатеи же могли себе позволить и бочку с нагретой водой. Часто одну на всё семейство. А что вы хотели? Вода дорогая, её развозят специальные водоносы. Католическая церковь, которая всё больше ассоциировалась у меня, со сборищем вредителей и недоумков, считала уединение для личного омовения грешным и безнравственным. Вопреки логике, публичное мытьё тоже, не особо одобряя бани. Учитывая, что женщины и мужчины мылись в одном помещении, разве, что отделённые на две группы невысокой перегородкой, понять их можно. Но, в целом, логика западных церковников ломала мозг напрочь. Проблема было ещё в том, что после вспышки чумы, люди боялись посещать общественные бани, опасаясь заразы. И где, бедным горожанам мыться? Речки не везде, да и то, доступны только летом. К тому же, представляли они собой зловонные помойки, ибо надо же куда-то девать отходы? С говнами и помоями тема вообще больная. Я, конечно, попривык, но, как оно меня достало — вонючее средневековье! Хочется быстрее в Америку, на природу, где нет городов с узкими грязными улочками и опасностью получить на голову с верхнего этажа ведро с продуктами людской жизнедеятельности. Это ещё в богатом кварталах Фуггеры за свой счёт держали уборщиков и прообраз ассенизаторов. А в других местах... Насмотрелся и приобщился до дрожи в коленках! Посему, все три недели сидел в гостях у Фуггеров, коротая время в компании Зигмунда. Тому тоже было делать нечего, его никуда не выпускали — провинился. Время убивали за игрой в карты и разговорами на высокие темы. Насколько утопичны опередившие время открытия Леонарда да Винчи? Был ли Микеланджело откровенным пид... гомосеком? Почему люди не летают? Есть ли жизнь на Марсе? Э... про последние три, я пошутил. Сам с собою, в собственной голове. А взаправду, говорили о политике и искусстве. Короче. До свадьбы особо не скучал. Опять же примерки, переговоры о приданном — и всё такое.

Гостей на свадьбу прибыло немного, большая часть кандидатов жила очень далеко. А абы кого Фуггеры не приглашали. Короли моё бракосочетание посетить не удостоили, рылом не вышел. А вот, парочка герцогов присутствовала. Из не сильно гордых. Потому, как малость обедневших. Так, что понаехало не больше двух сотен.

И эти пара сотен пили, орали, рыгали и сморкались в скатерть. Пошлые шутки и напутствие молодым прерывалось выступлениями жонглёров и трубачуров. Тоскливые песни про героев и несчастную любовь. Дамы плакали, а я мысленно подвывал на луну. Качество текстов было...так себе. А «рифма» была весьма оригинальной, если была. Может это на мой испорченный попаданческий вкус? Местным же нравится? Вон, как плачут и смеются. Словно дети. Пришла мысль переделать под местные реалии, что-нибудь из произведений грядущего. Сам петь не могу, да и не по чину. Так пусть другие услаждают мой

слух. Плюс, слава успешного поэта придаст мне шарма. Скрасит мой воинственный имидж. Вон де Бюсси, сопля ещё, а уже считается известным сочинителем. Надо познакомиться с его виршами, любопытно.

Самая эпическая шутка на свадьбе, так сказать кульминационный момент, так же особой оригинальностью не отличалась. Подали огромный торт, когда его начали разрезать, оттуда выскочил карлик. Громка визжа, он скакал по залу, корча рожи и показывая неприличные жесты. Дамы громко ахали и мило пунцовели, а меня чуть не извела изжога от таких шедевров местного искусства.

Слава богу, на этом первый этап испытаний закончился. На исполнения второго этапа, нас провожали всей шоблой. Из числа кавалеров конечно, дамы ещё раньше, не дожидаясь эпицентра разгула, скромно покинули праздник. Когда, наконец, за новобрачными закрылась дверь, шумно вздохнул от облегчения. Гости немного поорали, изошряясь в советах и наставления по исполнению тяжёлой обязанности мужского долга. Затем, потихоньку разошлись. Одного, пьяного в дупель, который приняв мою нелёгкую участь слишком близко к сердцу; порываясь показать, как это будет делать на практике настоящий мужчина — тихо скрутили, оправив отдыхать.

Из небольшой прихожей вели две двери: на женскую и мужскую половины. Пройдя в свою, начал облачаться в традиционную средневековую униформу для проведения брачной процедуры. Униформа представляла собой длинную до щиколоток рубашку из белёного холста. Ну, хоть скроет мою поросль. Тело у меня пусть не атлета, но прокаченное без животика. Правда, поросшее чёрными курчавыми волосами. От кавказского мачо не отличишь. Лучше бы мне передалась его половая сила. Увы, в этом плане, нам бледным северянам с джигитами не сравниться, темперамент не тот.

Вежливо постучав, (а вдруг писает?) зашёл в комнату драгоценной супруги. В прямом смысле слова: в приданное досталось золото, количеством превышающем вес её тела. Только, во сколько? В десять или в сто? Тут, как посчитать... Пока не разобрался.

А где невеста? Кровать вижу: балдахин откинут, вместо покрывала — большая белая простыня. Может под ней? Точно, что-то живое прощупывается. На мою попытку задрать простыню снизу, ощутил сильное сопротивление. Опустил край сверху, открыв напряжённое белое лицо с с плотно зажмуренными глазами. Опять, ниже шеи сдёрнуть не дали. Тогда как?

Не сразу, но заметил, что на самой середине в простыне вырезали небольшую дырочку. Сразу и не заметишь. Дошло! Вот они тут в шестнадцатом веке придумщики! Ладно, хоть не через стенку сношаться придётся. Бывало здесь и такое.

Делать нечего, задрал рубаху, почесал (это не читать!) правую ягодицу, настроился — и приступил к процессу. Супружеский долг выполнил два раза, на всякий пожарный. Что б лишний раз потом не утруждаться. Постоял, посопел, да двинулся восвояси. Нам здесь не рады. Ну, и пусть. Наше дело маленькое: сунул, вынул и пошёл!

По дороге стихи сочинил:

Сунул, вынул и пошёл
На Конец беду нашёл!

Не... чё-то мрачновато получилось...

На черта, вообще такое в голову пришло? Наверное, мужское Это шараборится, на приём обиделось — не оценили.

Глава 12

Счастливая семейная жизнь продолжалась целые две недели. Без дураков — у нас с молодой супругой всё было ровно. Присутствовал даже регулярный здоровый секс. Правда, не совсем с Юстиной, но так даже лучше. Заметив, с каким нездоровым интересом, я посматриваю на её служанку, она однажды вечером прислала её ко мне в опочивальню. Та и не против, не знаю, как там они с виконтессой друг дружку ублажают (может только за ручку держатся или носами трутся), но мужского внимания девочке тоже хотелось. Моего мнения же никто и не спросил. Вроде невежливо, но в данном конкретном случае я был только за. Руками, ногами и... В общем, за.

Ух, мы и оторвались! На дверь пришлось вешать одеяло — для звукоизоляции. Ибо после первой же ночи жена устроила мне выволочку. За что я избиваю бедную девочку, которую послали ко мне совсем не для этого. Если у меня мужское бессилие, это не значить, что нужно вымещать злость на другом человеке. Немного зависнув от средневековой логики, не смог дать на наезд адекватного ответа. Потом дошло: у них кайф ловят в основном мужчины. Что не мудрено: соитие по-быстрому и через две ночнушки — острых ощущений не прибавляет. Подумав, стал вешать второе одеяло. Слава импотента и садиста — это совсем не то, к чему я стремился в новой жизни.

Про себя нашёл ситуацию забавной: пользуем с женой одну и ту же бабу. И заметьте — никакой ревности! Ревновать женщину к женщине, мне кажется смешным и диким, а ситуация: один М и две ЖЖ, вызывает мечтательные томления в душе и сладостную дрожь в коленках. Полагаю, большинство мужчин были бы солидарны со мной в данном вопросе. А мнение моралистов и импотентов никого не интересует.

Где-то через неделю жена под бокальчик итальянского вина, открыла мне подоплёку вопроса. Во-первых, Сюзанне тоже хочется ребёнка. Во-вторых, лишний ребёнок нашей семье не помешает: его можно официально принять в род.

Про себя сделал расшифровку: Первое: самой лишний раз рожать неохота — подставила служанку. Второе: узаконив ребёнка, намертво привязала любовницу к себе. Какая любящая мать бросит своё чадо? Что ж, мне такой расклад нравится, ничего против не имею. Прямо, золото, а не супруга, теперь, уже в смысле ума и предприимчивости.

Всё это время, я занимался не только ночными утехами. Дел хватало и на светлое время суток. Мы со старшими Футгерами разрабатывали планы, касающиеся моего путешествия в Новый Свет. Нужны были корабли разного плана: военные, торговые, для перевозки людей и груза. Всё это у Футгеров было, но не в шаговой доступности. Поэтому, половину решили купить или взять в долгосрочную аренду. С родственниками мне повезло. Все финансовые вопросы они взяли на себя. Также обещали помочь с экономическим обеспечением будущей колонии.

Решил первыми же заходами перевезти порядка три тысячи человек. Чтобы сразу показать себя на новом месте достаточно внушительной силой. Полторы тысячи профессиональных вояк и моряков, тысячу крестьян и ремесленников, пятьсот женщин. Слабого пола маловато, но сезон мужики потерпят. А потом доведём им вторые половинки. Продовольствие на первое время будем

возить из Европы, а там перейдём на само обеспечение. Нужны будут ремесленники разных профессий: плотники, кузнецы, оружейники, гончары, каменщики... Плюс оборудование для организации мастерских. Несколько доверенных товарищей послал в Польшу и на Русь — набирать охочих людей. Не помешали бы казаки и крестьяне, а также специалисты по постройке домов из дерева, предпочтительно, как на русском севере. С древесиной на новом месте, думаю проблем не будет.

Вояк, можно нанять или сманить на постоянную службу, заманив бонусами и льготами. Также, нужны врачи, причём в срочном порядке. Карантин, осмотр людей, профилактика болезней — всем этим нужно заниматься уже сейчас, чтобы свести занесение в Америку различных инфекций до минимума. Кроме этого требовались специалисты по разведки рудных месторождений, плавки металла, юристы и священники разных конфессий для окормления людских душ. Если главным языком на начальном этапе следует сделать французский (учитывая потенциальную крышу от короля Франции), то никакой религии решил предпочтения не отдавать. Кому не нравится: скатертью дорожка! Но, и резко конфликтовать с церковью не стоит. Наш путь: лавирование между различными конфессиями, обещания, уговоры, подкуп.

От всех этих забот и проблем голова пошла кругом, временами сворачиваясь в квадрат. Осилит ли? Но Фуггеры только улыбнулись. Подойдя, Иоганн легонько похлопал меня по плечу — мол всё будет хорошо. До меня только теперь в полной мере стало доходить, что рядом со мной сидят самые богатые люди этого мира. И проблемы, глобальные для меня, для них, возможно, мелкая каждодневная рутина.

Наконец, основные вехи плана были намечены, найдены люди, которым было получено их выполнение. Теперь, мне предстояла поездка во Францию. Следовало посетить мифических родственников, наладить контакты и подтвердить титул. Маркус обещал замолвить словечко перед влиятельными фигурами в провинции Бретань, но самым надёжные аргументы лежали в моём кошельке, притираясь к друг другу блестящими боками. Так, что в успехе, никто и не сомневался. Мне от «родни» ничего лишнего не надо, только моральная поддержка. В ответ же могу существенно повысить материальное положение родственников. Если же кто-то из них окажется не умным, ценящим звонкую монету человеком, а упёртым глупцом, то в ход пойдут другие аргументы. Отказываться от своей мечты из-за каких-то придурков, не собираюсь.

Признание же семьи Сен-Поль мне бы очень пригодилось. Я собирался добиваться аудиенции у Карла IX. И нужна была не только официальная поддержка, то есть «крыша», с королём хотелось наладить взаимовыгодные гешефты. Через два года наступит печально известная Варфоломеевская ночь. Сколько людей погибнет за зря! Полезных причём, обученных солдат, искусных ремесленников. Хочу предложить Карлу не губить гугенотов в бессмысленной резне, а арестовывать и заключать их в тюрьмы. Хотя тюрем может и не хватить. Тогда в специальные лагеря. Я даже помогу их построить. Религиозные войны во Франции будут продолжаться ещё долго, а мне в Америке очень нужны люди. Если для этого нужно будет придумать концлагеря, возьму грех на себя. Буду их там кормить и обучать чему-нибудь полезному. Например, личной гигиене, письму и счёту. А то, боюсь на королевском содержании народ ноги протянет. Каждый чинуша и знатный павлин захочет погреть

на этом деле руки.

Королю же выгода двойная. Во-первых, всё имущество еретиков пойдёт в казну. Во-вторых, за них я буду Карлу платить. И неплохо платить, так, чтобы он трясся над каждым гугенотом. В результате, он избавится от строптивых подданных, увеличив население подконтрольной французскому королевству колонии. И главное — удастся сохранить множество человеческих жизней. Из числа простых людей и мелких дворян. Верхушку же, пусть пустит в распыл или ещё куда. Мне конкуренты в Новом Свете не нужны. Бодаться за власть с лидерами еретиков, типа адмирала Колиньи — мне не хочется от слова совсем. Поэтому, к 1572 году, мне нужно вернуться во Францию. Будем спасать гугенотов от резни, надеюсь, многих удастся уговорить переселиться на добровольной основе, сохранив не только жизнь, но и имущество. Сейчас вербовать протестантов во Франции ещё рано, им надо почувствовать на себе тяжёлую руку католической церкви, которая отступников не прощает.

* * *

Перед самым отъездом меня посетил представитель ордена иезуитов. Слащавый господин с холодными глазами. В виде небольшой прелюдии поговорили о том, о сём. Затем падре сразу взял быка за рога, предложив взять с собой скромную миссию из трёх представителей ордена. Я сначала немного ступил, попробовав взбрыкнуть: типа мне следует обдумать это достойное предложение. На, что товарищ из тайного ордена, согласно покивав головой, сказал, что не видит для этого никаких препятствий. Тем более, ему как раз нужно съездить в Оффенбург по делам тамошней инквизиции. А кстати, спросил он, вы давно посещали этот прекрасный город?

Понятно, я тут же сдал назад, умело переведя тему в нейтральное русло. Намёк не понял бы и тупой. Или бери с собой наших людей, или мы тебе нарисуем проблемы с инквизиторами. Естественно, выбрал первое. После чего, ушлый церковник похвалил мой правильный выбор, намекнув, что иметь в друзьях орден будет очень полезно для моего предприятия.

И вот теперь, по дороге в Париж, по правую руку от меня ехал отец Себастьян. Эдакая «серая лошадка», скрывающая под смиренным видом железные зубы и каменные копыта. Но, собеседником он оказался отменным. Умный, начитанный, знаток нескольких языков, Себастьян сделал моё путешествие весьма полезным и увлекательным. Он не только дал мне превосходный расклад политических реалий современной Европы, но и заставил на многие, казалось бы, очевидные вещи, взглянуть, с другой стороны.

Когда, мы уже немного притёрлись друг к другу, и я понял, что отец Себастьян, не упёртый фанатик, а человек вполне здравомыслящий, способный адекватно реагировать на критику, то стал вставлять в нашу беседу довольно острые моменты. Однажды разговор коснулся действий святой инквизиции. Не стесняясь в выражениях, я резко прошёлся по откровенно меркантильной стороне вопроса, когда имущество осужденных уходило в пользу обвинителей.

— Не кажется ли вам, дорогой падре, что подобная практика открывает большой простор для злоупотреблений.

— Слаб человек, — сложил отец Себастьян руки в молитвенном жесте.

— Но, иногда на расстояние большое кажется маленьким — и наоборот. Не всё, что на первый взгляд кажется дурным или хорошим, является таким на

самом деле.

— А поподробней?

— А поподробнее... Об этом не принято говорить, во многих знаниях многие печали... Дело заключается в том, что одной из самых важных задач инквизиции является борьба с проказой. Прокажённые бич нашего времени. От лепры нет спасения и не придумано лекарство. Больных изолируют, но это мало помогает. Конечно, просто так, лишая жизни заражённых людей грешно, народ бы этого не понял. А за дело? Казнь за ведомство уже представляется разумной причиной.

— Жестоко! Но, ведь получается, на самом деле эти люди ни в чём не виноваты.

— Может быть, но болезни господь не насылает просто так. Они посылаются нам за наши грехи. Подумай сам, сын мой, сколько людей остались живы и здоровы, не повстречавшись с заражённым лепрой, не подвергшись гниению заживо и мучительной смерти?

— Принцип меньшего зла? Пути господни неисповедимы? Цель оправдывает средство? Так, кажется, рассуждают члены одного интересного ордена?

Иезуит молча смотрел на меня. Казалось его пристальный взгляд говорил: если ты это понимаешь, зачем спрашиваешь? В суете? И я, понял, что меня в очередной раз проверяют. Некоторое время мы ехали молча. Я так и этак переворачивал слова отца Себастьяна, пытаюсь найти явные логические противоречия. И всё больше убеждался, что в чём-то он прав. Не насчёт того, что больных надо убивать, а в том, что католическая церковь таким безжалостным способом могла действительно пытаться бороться с проказой. Об этом говорило много свидетельств. Рубцы и пятна на коже, не реагирующие на боль — один из признаков болезни. Тотальная проверка родственников подозреваемого, то, что даже оправданного человека, требовали держать в своеобразном карантине. Ему запрещалось покидать дом и общаться с кем-нибудь кроме близких родственников. Хватало и других странностей, которые, однако, вполне логично вписывались в рамки этой гипотезы.

— Но, всё-таки, всех злоупотреблений и наветов, которые творятся во время следствия, ваша теория не оправдывает.

— Слаб человек, — смиренно повторил свою предыдущую реплику святой отец.

— Скажите ещё: «Лес рубят, щепки летят!»

— О, какой мудрец, произнёс эту бессмертную фразу?

— Был такой, из недоучившихся священников.

— Жаль... По церковной стезе, такой умный человек пошёл бы очень далеко!

— Он и так далеко пошёл, куда уж дальше, — буркнул я, закончив разговор. Но предаться рефлексии мне не дал арбалетный болт, отрикошетивший от моей кирасы, спрятанной под нарядным камзолом.

— Бойся! — крикнул Ослябя, спрыгивая с коня, чтобы укрыться за его телом.

— Засада!

К счастью, арбалетчик у нападавших оказался всего один. Они полагались больше на силу природной стихии, обрушив настоящий камнепад на дорогу. Здесь нам сказочно повезло. Пока, мы с отцом иезуитом вели свои жаркие бе-

седы, увлѣкшись, немного отстали от основного отряда. И обвал угодил как раз между его частями. От передовой группы мы оказались отрезаны. Я, отец Себастьян с двумя братьями по ордену и трое охранников. У передней части нашей обороны всё складывалось неплохо. Бойцы, достав аркебузы приготовились запалить фитиля. На них, яростно крича, двигалась орава из пары десятков разномастно вооружѣнных и экипированных верховых. Впереди, на громадном чѣрном жеребце, выставив копье, мчался настоящий рыцарь в богато украшенном доспехе. Остальных я разглядеть не успел, раздался залп — и всё заволокло дымом. Через некоторое время прозвучал второй. Подозреваю, что там всё: смешались в кучу кони, люди...

Но особо размышлять над участью попавших под свинцовый дождь всадников, мне было недосуг — враги наступали со всех сторон. Пусть нападавшие не имели доспехов и выглядели сущими оборванцами — владеть оружием они умели.

На нашу маленькую группу напали сразу около трёх десятков человек. Охранники, из числа нанятых в Аугсбурге, встали вплотную друг к другу, образовав некое подобие маленького строя. Но, это помогло им не на долго. Они были буквально сметены набежавшей толпой. Своей гибелью, они дали нам немного времени на подготовку, захватив с собой на тот свет четверых из числа вражеского отребья. Отцы иезуиты успели отойти к длинной крытой повозке, прототипа дилижанса, на котором перевозилось отрядное имущество. Прикрыв спины его высоким бортом, они вытянули из-под ряс длинные кинжалы. Я же, выхватив любимую саблю бросился навстречу врагам, мне требовался оперативный простор.

Не ожидавшие такой прыти враги, тут же за это поплатились. Сквозь их беспорядочную толпу, моё тело прошло, как нож сквозь масло. Развернувшись, я широкими мощными ударами принялся крушить их незащищённые тела с тыла. Моё оружие, усиленное на конце елманью, подходило для этой цели, как нельзя лучше. Вороги теряли руки, ноги, падали с рассечёнными спинами, утробно выли зажимая выпущенные кишки руками. Не стремясь добить, я старался вывести из строя, как можно больше нападавших, чтобы, сократив их число, лишить численного преимущества. Всего за несколько минут количество врагов сократилось на десяток. Мне тоже досталось порядочно ударов, впрочем, не нанёсших моей тушке особого вреда — кираса и остальные части доспеха стали для вражеского оружия надёжной преградой.

Однако, вечно такой темп держать было не по силам. Отступив на пару шагов назад, я остановился, чтобы перевести дух. Результаты боя, которые предстали перед моими глазами, на первый взгляд казались несколько противоречивыми. У колѣс нашего фургона изломанными куклами валялись тела братьев иезуитов. Из всех врагов в живых, не считая нескольких раненых, осталось только семеро. Последние стояли передо мной, выстроившись в ломаную линию. Щеголяя разной степенью побитости. Судя по их подавленному виду, желания драться до последней капли крови, они не испытывали. Тогда дадим парням шанс. Глупо испытывать Судьбу, настаивая на продолжение боя, мне так же не хотелось.

— Шнель! — махнул я рукой, по направлению к свободной части дороги. Разбойники думали не долго, переглянувшись, шустро зачастили к виднеющемуся вдалеке лесу. О своих раненых они даже не вспомнили. Пожав плеча-

ми, прошёлся по полю битвы, милосердно добив последних.

Подойдя к фургону, обнаружил, что отец Себастьян ещё дышит. В принципе, раны его были не смертельны: порез на груди, да проткнутая рука. Опасность была в потере крови, которая крупными каплями сочилась из его тела. Ещё немного — и ему уже не помочь. Воровато оглядевшись, я решился. Этот иезуит мне нравился. Хороший собеседник, да просто, не самый плохой человек. К тому же лучше знать противника в лицо. Не будет официального соглашения, орден подошлёт тайных.

Нагнувшись, положил ладони на раны ордена, руки ожидаемо засветились желтоватым светом. Всё, теперь точно выживет. Вытер немного запачканное запястье. Хм... Показалось, или нет? В какой-то момент, заметил, что веки отца Себастьяна слегка шевельнулись. Видел — не видел? Чего гадать? Пусть это будет его проверкой на вшивость.

Из-за завала слышались обеспокоенные голоса. Вот и кавалерия подоспела. Бойцы, первоначально радостно обступив своего командира, невольно примолкли, впечатлённые открывшимся перед ними побоищем. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать» ...

Глава 13

Разбойники оказались с благородными корнями. Вернее, верховодил оними настоящий рыцарь барон Отто фон Бауэр. Видно дела у него с традиционными способами пополнения кубышки были не очень, вот он и решился вступить на путь грабежа и разбоя. Всё это нам поведал легкораненый боец из личной дружины «фона». Вся она полегла на поле брани вместе с господином, попав под пули моих соратников. Та же часть нападавших, что досталась на мою долю представляла собой сборную солянку из беглых преступников и дезертиров, которых барон периодически «подкармливал», принимая в долю и используя в своих тёмных делишках. Полагаю, не один торговый обоз или одинокий путник не смог добраться до родного дома, благодаря баронскому гостеприимству. Похоронив своих павших, мы решили навестить родовое гнездо фон Бауэра. Отец Себастьян был ещё плох, продолжать путь в таком состоянии для него было опасно. Вот и решили, отдохнуть во вражеском замке, перевести дух, залезть раны. Право победителя ещё никто не отменял. Пленный дружинник радостно вызвался показать нам дорогу. По его словам, опасности никакой не предвиделось. Всех стражников барон всегда забирал с собой на «дело». В замке остались одни женщины да старый полуслепой привратник Курт. На мой вопрос: где сейчас баронесса, дружинник немного замялся, промедлив с ответом. Потом, буркнул что-то типа: все дома.

Извилистая дорога привела нас к невысокой скале, на вершине которой, открытый для всех ветров, притулился небольшой замок. Ничего особенного: четыре башни и донжон. Однако, в качестве оборонительного сооружения, он представлял собой крепкий орешек. Стены были высоки, оцетинившиеся полукруглыми зубцами, они, как и башни были ещё во вполне приличном состоянии. Видно было, что владельцы на свою безопасность денег не жалеют. Оно и понятно, учитывая криминальный приработок барона. Вряд ли его соседи испытывают к нему дружелюбные чувства.

И я их понимаю. Странности начались, ещё когда мы только въехали в баронские владения. Нас встретили тишина и безлюдье. Брошенная деревня с полуразрушенными хижинами, заросшие бурьяном невозделанные поля. Отсутствие домашней живности, включая бродячих собак и кошек.

Живописным натюрмортом на грани сюрра, мы смогли полюбоваться на повороте: четыре огромных виселицы установленные на околице деревни, напоминали преддверие ада. Несколько человеческих тел разной степени разложения, слегка покачиваясь на ветру, создавали иллюзию, что в них ещё теплится искорка жизни. Мои бойцы, начали креститься, кто-то, беззвучно шевеля губами, зашептал молитву. Чёрно-синие вороны, потревоженные нашей процессией, нехотя покинули кормушку, недовольно каркая, они перелетели на другую сторону улицы. Ветер зло трепал остатки лохмотьев на телах повешенных, кое-где обнажая белые рёбра с остатками плоти. Позеленевший нотариус, перегнувшись в сторону обочины, расстался с остатками завтрака. Бывалым же ветеранам из Руси, подобное зрелище было привычным, не испытывая особых эмоций они спокойно проехали мимо.

Ворота замка встретили нас на распашку. Небольшой внутренний двор так же не поразил своей многолюдностью. В смысле, нас никто на нём не встретил. Видно, скорбные вести уже добрались до сего места.

Двери донжона распахнулись, вперёд вышла молодая женщина, разодетая в роскошные разноцветные одежды знатной дамы. На её лице, расплывшийся в доброжелательной улыбке, виднелись следы пусть грубой и примитивной, но настоящей косметики.

Как-то всё это настораживало. Последующие события вроде никакой опасности не предвещали, но я всё равно оставался начеку. Между делом шепнув своим, чтобы лишнего не пили, следили за едой, заставляя слуг пробовать её первыми.

Нас пригласили в зал, заставленный всевозможными кушаньями. Чего тут только е было. Целый кабан зажаренный на вертеле в камине, тушёные овощи и дичь в черносливе, свежая зелень, нарезанная крупными кусками. И, конечно, спиртное: вино для господ и домашнее пиво для свиты. Мои уставились на угощение голодными глазами. У самого тоже забурлило в желудке. Раз предлагают отказываться глупо. Странно только, хозяина убили, а жена и глазом не ведёт. Как бы отравы не подсыпали...

Словно услышав мои сомнения, хозяйка прошлась вдоль стола отщипывая от каждого блюда подряд по маленькому кусочку. Поедая их, она показательно щурилась от удовольствия.

Эх, где наша не пропадала.

— Налетай, братва! — на автомате выдал я очередной анахронизм из будущего. Мои уже привыкли, а остальные по-русски не разумели.

За обедом, дама, которая представилась Кристиной, поведала причину, по которой не убивается по упокоенному мужу. Тут и брак по расчёту, и измены супруга, а главное плохое отношение к жене: побои и издевательства. Я, сделав скорбное лицо, внешне посочувствовав бедной женщине. Внутренне же, нисколько не удивился, ничего нового не услышав: сейчас все так живут. Возьми любого феодала и впиши его имя в шапке её заявления. Суть от этого не поменяется. Случаются и исключения, как же без них. В процессе общения Кристина, проходя со спины, ненавязчиво касалась меня грудью и бёдрами, от неё чувствовался некий волшебный аромат, возбуждающий моё нижнее эго. Но, меня это только насторожило. Не мальчик, чай, думаю головой, а не болтливым атрибутом ниже пояса. В том смысле, что последний при ходьбе перемещается в пространстве, покачиваясь из стороны в сторону. Э... что это меня потянуло на такие низменные мысли? Точно, эта ведьма добавляет в свои духи какую-то дурманящую гадость. Как ты её назвал? Ведьма? Ты же в них не веришь? Веришь, не веришь, а голова кружится. К тому же глядя на цветущую физиономию Кристины, не очень-то верилось в её рассказы. Не похожа она на забитую и несчастную страдалицу. Не видно ни одного синяка, все зубы целы...

— Устал, спать хочется, — честно сообщил я хозяйке, подавая знак к окончанию банкета.

— Проводите гостя в его покои, — мило улыбнувшись приказала она подошедшей служанке. Вот, что ещё интересно: в зале не было ни одного слуги мужского пола, только служанки. Причём, все они не были похожи на простых крестьянок: молодые, красивые и дерзкие.

Закрыв дверь на засов внимательно осмотрел комнату: вроде всё в порядке. Разве, что где-нибудь скрыт подземный ход? Начав простукивать стены, вскоре плюнул на это занятие. В самом деле — похоже на паранойю. Книжек в

жанре готики, в детстве перечитал немало. Может, сейчас детские фантазии и проявилось?

Через полчаса в дверь поскреблись, затем настойчиво постучались. Сделал вид, что сплю.

Внезапно, что-то мягко коснулось головы, вырвав из-под опеки сна. Ощущение было родом из детства, когда мама нежно проводила рукой по моим вихрастым волосам, думая, что я сплю.

— Сынок, не спи... — послышалось мне сквозь дрёму.

— Что? А?

В слабом лунном свете, едва пробившимся сквозь зарешечённое окно что-то блеснуло.

На автомате отбил рукой. Потом ещё и ещё. Неудачный поворот кисти — из глубокого пореза закапали капли крови. Окончательно проснувшись, понял — нападение.

— Тревога!

А в ответ — тишина. Чего орёшь дурак, сам дверь на засов закрыл. Надейся на себя. Подстёгнутый злостью, наконец, смог перехватить руку неизвестного врага, вооружённого ножом. Вывернув из вражеской кисти оружие, из положения полулёжа, одарил его ударом ноги в грудь. Раздался сдавленный хрип. Воспользовавшись паузой, вскочил на ноги, прижавшись спиной к стене на другой стороне кровати.

— Млять!

Хорошо, что в девяностых, не обделил внимания фильмы ужасов. Абориген бы точно напустил в штаны. Три человеческих фигуры в просторных белых одеяниях, с распущенными чёрными волосами, размалёванными чем-то, светящимся в темноте, лицами, выглядели впечатляюще. Ха! Не на того напали! Я «Ходячие мертвецы» — все сезоны смотрел. В чертовщину не верю!

Но, средневековым зомби, на моё неверие было плевать с высокой башни. Вооружённые чем-то вроде коротких копий, напоминающих багры, они остервенело принялись тыкать меня своими ковырялками. Какое-то время, с помощью кинжала и уклонов, мне удавалось отбивать эти атаки. Потом удача мне изменила. Поручив несколько порезов и царапин, понял, что надо менять тактику. Танцы на кровати до добра не доведут.

Улучив момент, ухватил рукой копьё одного из нападавших. Пойдя по силе, потянулся вслед за дёрнувшим древко ворогом. Затем дёрнув на себя его оружие, соскочив с кровати, воткнул лезвие кинжала в его левый глаз. Схватка переместилась на пол. В тесноте, вооружённым некомпактным оружием, противникам пришлось не сладко. Перемещаясь между ними бил по наитию, не жалея, без лишних сантиментов. Рука внезапно нащупала, что мягкое. В голове мелькнул образ женской груди. Бабы, что ли? Да, по кую! Тут бы выжить! Резким ударом распластал это мягкое на две половинки. Раздался пронзительный крик. Заткнул его, воткнув лезвие в рот. Враг рухнул вниз, забирая моё оружие с собой. Следующего безжалостно ткнул сложенными вместе пальцами в горло. Затем, плотно обхватив ладонями голову, свернул шею.

В дверь яростно застучали. Запор немного поупиравшись, не выдержал и треснул. Комната наполнилась людьми. Кавалерия, как всегда, прибыла к шапочному разбору.

Подняв голову вверх прошептал:

— Спасибо, мама! Надеюсь, там, где ты сейчас тебе хорошо. Тонкий ветерок прошелестел по волосам. Неужели меня услышали? На душе, не взирая на окружающую кровь и грязь, стало легко и спокойно.

* * *

При свете нескольких факелов, вероломно напавшие на меня убийцы, действительно оказались женщинами. Баронесса и прислуживающие нам на пиру её служанки. Трое из них оказались мертвы, а четвёртую, после моего пинка ударившуюся головой об угол шкафа, и не участвовавшую в финальной драке, мы спешно допросили. Полученные сведения озадачили не только меня. Пожалуй, это больше в компетенции церкви. При осмотре комнаты обнаружился подземный ход, под искусно замаскированным люком в углу. Во тебе и детская паранойя. Копья нападавших, и в правду, оказались баграми. Они меня за рыбу, что-ли держали?

Утром разбудили отца Себастьяна. Он был ещё слаб, но услышав подробности, рьяно взялся за дело. Вскрыв дверь, проникли в подземелье. Там нашли несколько камер с полуживыми искалеченными заключёнными. А в самом конце, в маленькой деревянной клетке, в которой можно было только сидеть, скрючившись в три погибели, нашли настоящую баронессу. Еле живая, с полностью поседевшими волосами, она плохо осознавала окружающую реальность.

Проведя маленькое следствие, допросили уцелевшего стражника и служанку самозваной хозяйки. Сравнили с показаниями кухарки и старого привратника. Услышанное потрясло. Похоже мы обнаружили целый вертеп: настоящее ведьмино гнездо. Себастьян ликовал, чуть не подпрыгивая на одной ножке.

— Ковен! Мы нашли ковен!

Его можно было понять, наконец, в руки церкви попало то, что хоть отдалённо смахивает на реальные доказательства ведовства. До этого он имел дело с больной фантазией умалишённых и бреднями сломавшихся под пытками подследственных.

А уж после того, что мы обнаружили в замковой часовне, переубедить его стало уже невозможно. Окна в часовне были занавешены чёрной непрозрачной тканью. В середине алтаря был установлен большой крест с распятым человеческим телом. Тело было практически обнажённым, если не считать за одежду грязные обрывки засаленных тряпок, бывших когда-то облачением священника. Но, удивительное было в другом: плоть замкового падре каким-то образом скукожилась, усохнув до состояния мумии. Запаха тлена, разложения человеческого тела — не ощущалось.

— Чудо! Новый святой! — глаза нашего иезуита горели практически осязаемым огнём.

Поэтому, к остальным находкам он отнёсся совершенно спокойно. Подумаешь останки чёрного петуха, рисунок круга с каббалистическими знаками, кости от сожжённых животных... Вы, что никогда не встречались с ритуалом чёрной мессы?

Я же незаметно скривился. От всей этой опереточной мишуры веяло дешёвым фарсом. Как будто кто-то решил поиграть на суевериях бесхитростных людишек средневековья, с их до доньшка зашоренным сознанием. В картину маслом, не вписывалась только ситуация с телом священника. Но, и тут могли

сработать какие-нибудь неучтённые, неизвестные нам факторы. Чудо тоже может иметь разные источники происхождения. Если человек истинно верующий, то он способен на многое. Вера может проявляться по-разному. Говорят, в Киеве, в подземельях Киево-Печерской лавры до сих пор хранятся нетленные мощи монахов времён раннего средневековья.

Кристина с подружками появилась в замке пару лет назад. Барон привёз её с какого-то праздника в Кёльне. И до того не отличающийся особым благочестием и сдержанностью, после появления новой пассии он сильно изменился в худшую сторону. Если к жене он раньше относился довольно терпимо. То есть, избивал не каждый день и не до крови, то теперь бедная женщина была брошена в темницу где над ней постоянно издевались. Каждое утро он или новая хозяйка замка спускалась в темницу, чтобы насладиться мучениями своей жертвы. Когда она родила девочку, дитё отлучили от матери. Больше, она его никогда не видела. После чего баронесса стала заговариваться, повредившись в рассудке.

Доставалось и местным крестьянам. Барон не брезговал правом первой ночи, после которой невесты топились и вскрывали вены. Недовольных мужей и отцов безжалостно вешали на страх всем недовольным. Это принесло свои плоды. Однажды ночью крестьяне, собрав пожитки, поголовно покинули баронские земли.

В целом, после подведения итогов нашего доморощенного следствия, у меня сложилось убеждение, что Кристина не кто иная, как ловкая интриганка. Поставив целью укрепить своё влияние над бароном, она заморочила тому голову таинственным мистическим антуражем и запрещёнными обрядами. В чём успешно и преуспела. А то, что под раздачу попала баронесса и не в чём не повинные крестьяне, её волновало мало. Жестокий век — жестокие сердца. Учитывая, что действовала она не одна, а со сплочённой командой из кручёных девиц, можно предположить, что похожие операции дама проворачивала не впервой. Правда, с крестьянами она просчиталась — они попросту разбежались. Барон лишился источника доходов. Пришлось ему встать на опасный путь — грабить проходящие караваны. Но, для него это стало ещё интересней. Пытая и мучая пленников, он удовлетворял свои садистские инстинкты.

Так дело представлялось в моей интерпретации. Падре же закусил удила. Настоящий святой и целый ковен подлинных ведьм! Да, вскрывший такое заслуживает награды от самого папы. Отец Себастьян уже примерял на себя митру кардинала! Чувствую, что скоро здесь от инквизиторов будет не протолкнуться. От переживаний раны открылись, и иезуит слёг, забывшись в горячечном бреду. Лечить я его точно не буду, пусть охолонёт маленько.

Баронесса умерла на закате. Перед смертью сознание её прояснилось. Подозвав меня, взяла за руку, попросив, во имя всех святых, сжечь дотла, это нечестивое гнездо порока и страданий.

Обещанное нужно выполнять, тем более, оно согласовывалось с моими планами. Ранним утром, отца Себастьяна осторожно погрузили в повозку и вывезли за пределы замка. Кухарку и её помощницу отвели на ближайшую дорогу, и снабдив толикой денег, отпустили. Посоветовав никогда сюда не возвращаться. Стражника и служанку ликвидировали ещё накануне, даровав быструю смерть. Будем считать, им повезло. Попав в руки инквизиции, так

легко бы они не отделались.

Замок горел красиво, особенно на фоне вечернего заката. Стены и башни, сложенные из камня, конечно, пострадают не так фатально, как деревянные конструкции, но все улики будут уничтожены. А без них, святой инквизиции здесь делать нечего. Фигурально выражаясь, все концы мы надёжно спрятали в воду.

Глава 14

Бедный отец Себастьян! На него было жалко смотреть! Метаморфоза была почти мгновенной: вот он пробуждается — великий деятель церкви, разогнавший дьявольский вертеп. Падре полон сил и энтузиазма — и вдруг... перед нами опустивший руки, убитый горем человек, потерявший в этой жизни всё. Ему хватило только одного взгляда на чадящий серым дымом замок, чтобы пасть духом, просчитав упущенные перспективы.

— Это не я, — открестился от участия в возгорании ведьминога логова. Стражник ночью освободился — и поджог замок. Сами еле выбрались!

— Господь помог! — на всякий случай, кося глазом на подозрительно уставившегося на меня иезуита, трижды перекрестился. Не знаю поверил ли тот, но дела это не меняло. Пусть докажет! Будет брыкаться, прикопаем по дороге.

Падре тоскливо вздохнул, углубившись в свои мысли. Несколько дней он пребывал в меланхолии, мы почти не разговаривали. Между тем наше путешествие неспешно продолжалось. Целью был город Сен-Поль ан-Тернуаз, столица одноимённого графства. Графство Сен-Поль, виконтом которого я номинально являюсь располагалось на севере французского королевства на границе с Артуа и Пикардии, упираясь одним краем в Северное море.

Вспомнив, что толком ничего о родственниках не знаю, попытался разговаривать на эту тему, немного отошедшего от недавних потрясений, отца Себастьяна. После первых же фактов, полученных от иезуита, как говорится чуть не выпал в осадок. Оказывается, к своему титулу виконт де Сен-Поль я имею небольшой довесок, звучащий, как «Бурбон»! То есть, являюсь родственником королевской династии. Нынешнему Карлу, правда, так — вода на киселе. А вот следующему, тому самому мужу королевы Марго — Генриху Наваррскому, уже поближе. Да... Это я удачно попал.

Подогрев падре, ахами да охами, в смысле выказав неподдельный интерес к его рассказу, весь превратился в одно большое ухо.

Оказывается, мой род достаточно древний и известный. Одним из последних его знаменитых представителей был целый коннетабль Франции Луи Люксембург граф Сен-Поль, в своё время один из могущественных сеньоров королевства. Он практически на равных дружил и враждовал с королями и герцогами, включая: Людовика XI, английского Эдуарда и бургундского Карла Смелого. Гордыня его и погубила. Был заключён в Бастилию и казнён за измену королю Франции.

Затем титул перешёл к его внучке Марии. Она вышла замуж за графа Вандомского Франсуа де Бурбона. При её жизни титул графа Сен-Поль носит её второй сын Франсуа I, герцог д'Эстутвиль (мой дед). Сейчас он в весьма преклонном возрасте, ему почти восемьдесят лет. Другие близкие родственники: двоюродный брат Антуан барон де Клевиль, сын того самого младшего братишки моего отца, упокоившего свою головушку в военном походе; и тётка Мария II, бездетная, вышедшая третьим браком за герцога де Лонгвиля.

Дед, Франсуа I де Бурбон так же являлся личностью весьма неординарной. Крупный французский военачальник, он командовал армиями в десятки тысяч человек. Был одним из наиболее блестящих и любезных сеньоров своего времени. Его жизнь прошла в чередё блестящих подвигов и приключений. Во время очередной войны заболел лихорадкой и отошёл от дел. Последние два

дцать лет жил безвылазно в своём поместье.

Теперь понятно, почему Фуггеры не особенно противились моему браку, семья у оригинального де Сен-Поля весьма непростая.

Согласно пригласительному письму от деда, нам нужна была не столица графства, а его родовой замок Нор.

Во Франции останавливались во всех крупных городах, присматриваясь к быту и поведению окружающих. Не хотелось выглядеть дикарями для моих новых родственников. По той же причине приделся сам и заказал единую униформу для всего моего отряда. Пришлось задержаться, но думаю оно того стоило. Общее число моих приближённых насчитывало восемнадцать человек. Двенадцать моих соратников из Руси, молодой нотариус и слуга-художник, доставшиеся по наследству от Фуггеров, четыре немецких наёмника из вольных ландскнехтов, мой личный слуга и отрядный повар-кашевар. Вместе со мной и падре, два полных десятка.

Поэтому, когда мы подъехали к дедовскому замку, то вид имели весьма представительный. Сразу было видно, что прибыли не какие-нибудь попрошайки из нищеводов, а знающие себе цену, богатые и важные господа. Как мог, я постарался убавить количество цветов в нашей экипировке, но попугайских расцветок полностью избежать не удалось. Такие крайностей, как разноцветные штанины и туфли с вытянутыми носками, в это время уже не приветствовались, но хватало и другого. Всякие жабо, кружавчики, панталоны в обтяжку, грёбаные гольфики... Поправив свой красный берет, увенчанный горделиво распушившимся пером неизвестного пернатого создания, с грустью отметил, что вырядился как пету... гм... павлин. Гонца, чтобы не поставить родственников в неудобное положение, нагрянув, как снег на голову, послал ещё вчера. Так, что встречали нас по высшему разряду. Почётный караул, в смысле строй из десятка стражников и небольшая толпа нарядно одетой прислуги. Впереди величественный господин в белоснежном парике. На герцога не тянул, а вот на мажордома — самый раз. Про себя решил, буду думать о мифической родне, как о самой настоящей, чтобы случайно не проколоться на мелочах. Мыслю, чтобы попробовать взлететь, нужно для начала поверить, что ты птица.

Перед аудиенцией со старым графом меня по традиции представили:

— Франсуа II виконт де Сен-Поль де Бурбон.

Ого! Звучит многообещающе. Мне это уже нравится.

Большая комната, наполовину заполненная народом. Величественная в своей вычурной монументальности кровать, на которой возлежал худой старик с длинными волнистыми выбеленными сединой волосами. Запавшие глаза, тонкая струйка слюны, выглядывающая из уголка рта, впалые щёки — всё это вовсе не выглядело жалким. Мне на ум пришло другое словосочетание — благородная старость. Лишь глаза старика не напоминали о его возрасте. В них ясно читались — ум и проницательность.

По левую сторону кровати скромно устроились в уголке три человека в чёрном. Как позже выяснилось: нотариус с помощником и писец для оформления документов. По другую сторону на украшенных искусной резьбой стульях сидели богато одетые господа разного возраста: местные дворяне, приглашённые в качестве свидетелей. Их вычурные имена и титулы пролетели у меня мимо ушей, не до них, обстановка к знакомству не располагала.

Всё время, потраченное на расшаркивания с этими важными господами старик не спускал с меня внимательного взгляда. Наконец, он слегка пошевелил пальцами. Нотариус, внимательно отслеживающий каждое его движение, попросил меня приблизиться. Достав слуховую трубку, металлическую штуквинку с раструбом на конце, он приставил её узкой стороной ко рту лежащего, зафиксировав широкий возле своего левого уха. Граф издал невнятный шёпот, в котором с трудом угадывались отдельные слова.

— Монсеньор просит вас рассказать о себе.

Коротко поведал о военной службе русскому государю, «отставке» по ранению, закончив упоминанием, что недавно женился на дочери имперского графа Иоганна Фуггера. Старик удовлетворённо закрыл глаза, видимо мой рассказ ему понравился. Очередное шевеление пальцем — и нотариус опять угодливо согнулся со слуховым приспособлением в руках.

Достав длинный, свёрнутый в свиток документ, он хорошо поставленным голосом начал зачитывать его для всех присутствующих:

— Я Франсуа I граф де Сен-Поль и де Шомон, герцог д, Эстутвиль, виконт де Рошшвиль, барон Амби, Муайон, Гее и Мелеро, сеньор де Лонж, де Вальмон....

Короче, меня признали законным наследником, что своими подписями удостоверили все присутствующие. Сердечно попрощавшись со свидетелями, я остался в комнате с дедом один. Подозвав движением пальца, он долго смотрел на меня немигающими глазами. Под конец, мне показалось, что в них блеснула капелька влаги. Видимо, всё же жалел, что когда-то поссорился со старшим сыном. Наконец, он устало опустил веки — я понял, что аудиенция закончилась.

Слуга проводил меня в отведённые покои. Было заметно, что, не смотря на роскошное, немного старомодное убранство, в них давно никто не жил. Проведя короткую экскурсию, молодой парнишка, щеголяющий в роскошной ливрее, подвёл меня к самому тёмному углу. Откинув ширму, с гордостью показал мне золочёное деревянное кресло с забавной крышкой посередине.

— И?

Парень, подняв крышку продемонстрировал, что под ней притаилась большая металлическая посуда. На его лице не дрогнул не единый мускул, но глаза! Она выражали такую гамму презрения к деревенщине из дикой и невежественной Татарии!

Я только ухмыльнулся: нашёл чем удивить! Sraľnikom!

Тяжелы плоды прогресса!
Гадим в sraľnik вместо леса!

Обойдя комнату по кругу, заметил большой портрет напротив кровати.

— Это кто?

— Луи де Сен-Поль, коннетабль Франции, ваш предок.

— Это, что его покои?

— Да, по воле хозяина, стараемся сохранить здесь всё в целости и сохранности.

— Солидный мужчина!

Заметив, что слуга стоит рядом, и склонив голову в почтительном поклоне греет уши, велел ему быть свободным.

Готовясь ко сну, перед тем, как затушить свечи, глянул в сторону портрета.

— Брр... Аж вздрогнул! Показалось, что на меня зыркнули в ответ. Привидится же, на ночь глядя...

Всю ночь снились кошмары. Какое-то узилище, судьи в чёрных мантиях, толпа людей на площади. Под утро привиделся высокий мужчина, чьё лицо было изображено на портрете в спальне. Он сурово посмотрел мне в глаза. А потом легонько кивнул и улыбнулся. Если это был тот самый коннетабль, то возможно это знак — и предки настоящего Сен-Поля меня признали. Что же, так будет лучше для всех.

Утром замок облетела печальная новость: Франсу I, действующий граф де Сен-Поль, мой дед — умер. На похороны съедутся все родственники, после состоится семейный совет, на котором меня должны представить в качестве нового носителя титула.

Первой пребыла тетка — Мария II, энергичная женщина, ещё не утратившая былой красоты. Пережившая двух мужей, она сочеталась браком с герцогом де Лонгвилем. Предыдущие мужья не подарили ей детей, зато теперь она ждала пополнения в семействе. Встретила Мари меня холодно. Одним из претендентов на графский титул считался её будущий ребёнок, не зависимо от пола. Девочка могла сохранить титул для своего мужа. Выбрав момент, в доверительном разговоре, постарался успокоить родственницу. Намекнув, что скоро навсегда покину Францию, и вообще, стремлюсь получить титул повыше рангом. Не знаю, поверила ли она, или нет, но наши отношения стали ровнее.

С остальными родственниками проблем не возникло, им было на меня начхать, кроме одного исключения. Сына отцова ненавистника, его младшего брата. Дед его не очень жаловал, часто отказывая в приёме. И было за что. Яблоко от яблони падает недалеко. Ублюдок был точной копией своего гнилого папаша. Изворотливый интриган, он, однако, неплохо владел рапирой, изучив какую-то известную испанскую школу. Чувствую, что с ним ещё придётся помучиться. Простой разборкой на словах тут не обойдёшься.

Барон де Клевиль, тот самый двоюродный брат, на конфликт стал нарываться на первой же встрече. Понимаю, что обидно упустить графский титул. Но так откровенно не уважать память умершего родственника. Мог бы подождать окончания похорон, а уж потом строить свои предьявы. Решил терпеть, не поддаваясь на провокации. Только, эта подлая тварь, приняла моё спокойное поведение за слабость.

Интерлюдия 4

Париж 1475 год.

Граф де Сен-Поль лежал на кровати, отвернувшись лицом к стене. Видеть ухмыляющуюся рожу его конвоира де Сен-Пьера, капитана гвардии дофина, ему не хотелось. Предательство! Оно имеет очень неприятный привкус.

Когда с двумя десятками верных рыцарей он прибыл в Монс, казалось его жизни и свободе ничего не угрожало. С ним была охранная грамота, выданная герцогом Бургундии Карлом Смелым, а комендантом города был один из его лучших друзей, Антуан Ролэн, сеньор д, Эмери. Но, грамота оказалась фикцией, а д, Эмери, подлым предателем.

Его схватили и выдали людям французского короля. Парижане любили Сен-Поля, поэтому в Бастилию графа привезли ночью, опасаясь волнений среди горожан. Была создана специальная комиссия, которой поручили стеречь коннетабля как зеницу ока. Комиссия поручила охрану пленника капитану Сен-Пьеру, который должен был безотлучно находиться с ним в камере, вплоть до вынесения приговора.

Судебный процесс был пустой формальностью. Приговор был утверждён заранее. Измена, подготовка покушения на короля. Сен-Поль молчал: отрицать или соглашаться было бесполезно. Людовик торопил судей. Девятнадцатого октября узнику предъявили решения суда: казнь через отсечение головы. Приговор должны были привести в исполнение на следующий день на площади перед ратушей.

Сен-Поль выслушал его, не изменившись в лице.

— Приговор слишком жесток, — сказал он, — но я не ропщу на Бога и прошу Его дать мне твердость вынести его бестрепетно, как подобает христианину и рыцарю.

Король напоследок проявил свою мелкую подлую натуру. Ему показалось мало обезглавить тело коннетабля, он захотел погубить и его душу: графу было позволено исповедоваться и причаститься, но священнику было строго-настрого запрещено отпускать ему грехи.

В два часа дня де Сен-Поля привели в ратушу, где он продиктовал завещание. После этого сразу же отконвоировали к месту казни. Когда граф всходил на эшафот случился небольшой скандал. У Сен-Поля было с собой шестьдесят экю золотом, чтобы раздать нищим на помин души. Но, жадный францисканский монах, сопровождающий его на казнь, попросил отдать эти деньги на содержание его монастыря. Тут же другой монах, представляющий августинцев заявил, что благочестивее будет пожертвовать золотые для его обители. Конфликт интересов, едва не перерос в драку. Сен-Поль презрительно бросил им кошелёк, предложив разрешить этот спор позже. Вместе с деньгами, он отдал и кольцо-талисман, якобы предохраняющее от яда. Король позже наложил на него руку, и с тех пор не расставался до конца жизни.

Повернувшись к Собору Парижской Богоматери, коннетабль опустился на колени и некоторое время молился. Больше всего, он сожалел об одном: не осталось крепкого мужского плеча, которое унаследует титул предков. Только внучка Мария, но ей всего три года. Кто защитит родовые земли?

Поднявшись, он внезапно замер: посреди площади открылось широкое призрачное окно. Он узнал свою опочивальню в родовом замке. На его крова-

ти сидел незнакомый человек с коротко остриженными волосами. Встретившись глазами, они некоторое время играли в гляделки. Увиденным граф остался доволен.

Если человек в окне его потомок, то он спокоен. Этот сможет!

Сен-Поль моргнул, видение исчезло. Привиделось или нет? Впрочем, уже не важно. Отбросив все тревоги граф хладнокровно поправил отставшую доску перед плахой и дал завязать себе глаза.

Палач не медлил. Топор мелькнул в его мощных руках словно детская игрушка. Сполоснув голову де Сен-Поля в сосуде с водой, он, ухватив её за волосы, показал народу.

Людовик XI проявил мягкость, Сен-Полю только отрубили голову. Хотя, согласно решению судей, после этого должны были содрать с трупа коннетабля кожу, а затем вывесить на всеобщее обозрение. Всё же Сен-Поль был зятем королевы, дядей Эдуарда IV и происходил из императорской фамилии. Тело графа принял на погребение францисканский монастырь в Париже.

Глава 15

Прах Франсуа I графа де Сен-Поль был помещён в родовую усыпальницу. Все положенные ритуалы выполнены.

Через день после похорон состоялся долгожданный семейный совет. Я заранее подсуетился: родственники получили подарки, посулы и искренние заверения в любви и преданности. Согласно ранжиру. Ибо герцогу мне пока предложить больше было нечего, а вот поиздержавшемуся шевалье или даже барону... Там имелись темы для переговоров. Так, что всё прошло гладко и спокойно. Семейство признало меня законным графом де Сен-Поль без эксцессов и возражений. Особенно после того, как я усиленно намекал: к месту и не к месту утверждая, что на доходы от графства не претендую, и вообще скоро смоюсь к чёрту на кулички. Подобный посыл понял бы даже тупой.

Барон де Клевиль на собрание отсутствовал. Не то, чтобы не хотел — ему просто не сообщили. Тут я подстраховался. Сначала ему не досталось спального места в замке. Вердикт мажордома был прост: подходящих сеньору комнат не осталось. Братец было хотел повозмущаться, но за спиной замкового распорядителя стояли трое мрачных русича в полном воинском облачении. Пришлось смолчать и утереться. Естественно, про дату семейного совета барону так же не сообщили. Поэтому, на последнем обошлось без провокаций.

И вот — на тебе! Когда гости уже вышли наружу, собираясь покинуть замок, нарисовалась эта грязная скотина. Разодетый словно попугай Антуан де Клевиль, стоял посреди двора, имея вид враждебный и вызывающий. Рука его была картинно положена на рукоятку выдавшей виды рапиры. Было сразу заметно, что оружие часто используется по назначению.

Братец был настроен решительно, без лишних прелюдий он взял быка за рога.

Сразу уяснив желания этого нахохленного щегла, я особо не вслушивался в его первые фразы. Но, вот дошло до главного.

— Подлый самозванец, вызываю тебя на поединок!

— Божий суд! — эмоционально загомонил народ вокруг, радуясь бесплатному зрелищу.

Решили не тянуть, тут же, после соблюдения всех тонкостей дуэльного ритуала, освободив в центре двора площадку для поединка.

Ха, знакомая стойка. Когда-то читал про подобное. Выпрямленная рука на уровне плеча, остриё рапиры направленно на противника. Ноги на небольшом расстоянии друг от друга, корпус вполборота к оппоненту. Как там написано в старинном руководстве: «Единственной защитной стойкой может быть та, в которой ты угрожаешь своему противнику и не даёшь ему атаковать тебя».

Дестреза (буквально «Высшее мастерство»)! Испанская школа фехтования, с претензией на научное и философское наполнение. Противопоставляла себя другим европейским «вульгарным» школам, которые в отличие от дестрезы практиковали изучение множества приёмов, стоек, других технических действий, зачастую мало связанных между собой. Нет, идеи у неё хорошие: упор на тактику и позиционное преимущество, приставные шаги с переносом веса при перемещении, движение по кругу. Опора не на конкретные приёмы, а на принципы... Неплохо, но обучение и описание технических действий весьма

мудрёное, не для средних умов. Нужно хорошее образование, иначе её просто не понять. Не даром конкуренты так злобствовали по поводу этого фехтовального стиля.

Только, откуда братец знает эту систему. Её основатель Джеронимо Карранса, только в прошлом году закончил свой труд «Философия оружия», где изложил концепцию дестрезы. Хотя, может где-то уже нахватался по верхушкам. Ходит гоголем, а сам обыкновенный олень. Ноги практически прямые, любой занимающийся боевыми искусствами в моём времени знает, что-это грубейшая ошибка.

Начали... Решил спровоцировать барона на агрессию, прикинувшись валенком. Раз — два, отбив — укол, постарался выглядеть максимально неуклюжим. Раз! Вот ты и попался. Расслабившись Антуан позволил себе слишком длинный выпад. Отбиваю рапиру противника изнутри-наружу, остриё вниз-рука с рукоятью сверху. Делаю подшаг, захватывая свободной ладонью вражеский клинок. Барон резко дёргает его на себя — отпускаю, тут же нанося ему укол в правое плечо. Отступаю на шаг, собираясь добить врага следующим выпадом — ошибка! Это дало ему немного времени — пару секунд, но их хватило. Братец бросает шпагу и скрещивает руки, признавая поражение.

— Млять! Чувствую, мне эта победа ещё выйdet боком. Такие, как он, так просто не отстанут. Вон, зыркает! Дыру прожжёт! Эх!

В дедовом замке, вернее уже моём, мы пробыли ещё несколько дней. Объехали территорию графства. Она оказалась достаточно приличной по местным меркам. Помимо столицы, имела несколько небольших городков, больше сотни деревень. Большая часть земли принадлежала рыцарям, в виде наследственных ленов. Честно признаюсь, особо не вникал, вряд ли я сюда вернусь. Посетил замковую библиотеку, побеседовал с хранителем. Просветился насчёт истории рода — это важно. Имена предков выписал на кусок пергамента и тщательно заучил.

Встретившись с тёткой, передал ей всё хозяйство в полное управление. Своего я добился, в моей легитимности уже никто не усомнится. Следующая цель — Париж!

Засаду мы обнаружили легко. Наверно потому, что люди, её устроившие, даже не думали скрываться. Проезжая по лесу, не такому уж густому, но достаточно, чтобы воспрепятствовать повозкам и носильщикам с габаритным грузом, мы услышали громкий треск позади нашей колонны. Парочка массивных деревьев, рухнула перекрывая пути назад. Между веток показались бородатые рожи арбалетчиков. По виду из обычных крестьян, зато много. Будем прорываться положим половину отряда. Особого мастерства от пользователя арбалета не требуется, а рядовые доспехи для него не помеха. Засаду, обычно, устраивают наоборот, значит основные силы ждут впереди.

Выслал разведку, затем, разобрав аркебузы, мои люди осторожно двинулись вперёд. Противник не заставил себя долго ждать.

Навстречу выехал всадник с тряпкой на палке — переговорщик. Нам предложили рандеву трое на трое. На равном расстоянии от наших отрядов.

Ба, знакомые все лица! Барон де Клевиль собственный персоной. Выздоровел что ли? Ан нет, руку бережёт, стараясь лишний раз не потревожить. И что же хочет, неуважаемый братец?

Оказалось, ничего особенного, всего лишь реванша. Сам он, по причине ра-

нения, естественно бесчестным способом, драться не может, поэтому нашёл замену.

Замена стояла рядом, представляя собой дюжего детину с чёрной курчавой бородкой на отмеченном несколькими шрамами лице. Предполагаемое оружие для поединка, этот колосс небрежно положил на правое плечо. Изначально, заподозрил в нём двуручник. Но, это была лишь очень тяжёлая полушпага — полурапира, по сути урезанная версия меча бастарда. Третий спутник этой колоритной парочки, по виду ничего из себя особого не представлял. Видимо, обычный шевалье, взятый для массовки или в качестве свидетеля.

Метрах в ста позади, расположилась основная группа поддержки — два десятка человек с пиками в доспехах и дюжина арбалетчиков за их спинами. Отряд расположился грамотно: пикинёры впереди уверенно держали строй. Идти в лоб на такого ежа — удовольствие сомнительное.

Между тем, барон с важным видом ожидал ответа. Только играть в их благородные игры мне не хотелось. Оно надо? Устраивать поединок Давида с Голиафом с непредсказуемым финалом, ладно убьют, а если покалечат или тяжело ранят? Доживать инвалидом или откладывать на долгий срок свои грандиозные планы совершенно не хотелось. Одно дело в бою, где выбора нет. А так, на пустом месте...

— Вали их ребята, — внезапно крикнул я, выхватывая стилет — и загоняя его под подбородок де Клевиля.

Жан не оплошал: стегнул плёткой по морде коня гиганта с бастардом, он заставил его лошадь подняться на дыбы. Не ожидавший этого всадник, освободив седло рухнул вниз. Оба моих бойца, покинув коней, подскочили к нему и принялись колотить по укрытой металлическим котелком голове. Используя всё, что подвернулось под руку. Наверно, решили взять эту орясину в плен. Третий спутник моего братца, среагировал моментально, уяснив невыгодный расклад, уже скакал на полдороге к своим.

Подтянув оставшиеся силы, оценили обстановку. Враги ждали, напряженно уставившись в нашу сторону. В лоб не подойти. Прицельная дальность аркебуз и арбалетов примерно одинаковая. Какая она на самом деле именно здесь и сейчас, определить затрудняюсь. Значит надо, чтобы враги выстрелили первыми. Затем мои, подойдя ближе сделают залп, чтобы помешать им перезарядиться. Лучше два залпа: шесть выстрелов, потом ещё. Затем перезарядка. Пойдут в атаку, успеем подготовиться, останутся на месте — перебьём, как куропаток. Время идёт. Надо действовать, лучше всё равно ничего не придумаю. Только, как бы их спровоцировать на выстрел.

Подозвал Никиту Гончара, из русских побратимов, шепнул пару слов на ухо. Оскалившись, тот демонстративно развязав завязки на поясе и приспустив портки, пустил на тело барона пенную струю.

Ух, как они загудели! Да, заорали! Рой арбалетных болтов не застал нас расплож. Многие пригнулись, но на излёте железные стрелы почти не причинили вреда. Пара царапин не в счёт.

Раззудись плечо, размахнись рука
Расстегну штаны — плюну на врага!

Родились у меня очередные вирши. Заметил, появилась у меня такая тяга складывать слова в рифму, во время стресса. Художественная ценность сомни-

тельная, но нервы успокаивает. Так, что пусть...

Мои между тем, время не теряли. Двадцать шагов вперёд — залп. Ещё десять — залп. Отход — перезарядка. Всё! Когда дым рассеялся, на месте осталось несколько неподвижных тел, да парочка тяжелораненых. Остальные улепётывали по дороге со скоростью, в зависимости от возраста и физического состояния. Торопиться мы не стали, надо дать людям время спасти свои шкуры. Через час, убрав за собой, двинулись дальше. Так и не очнувшегося амбала, погрузив на повозку, захватили с собой.

Больше нам по пути препятствий не чинили. Было время подумать, пересмотреть свои ресурсы и возможности. С материальным обеспечением всё было просто: Фуггеры помогут с закупками всего необходимого, найдут нужных людей, которые займутся всеми хозяйственными делами конкретно. Корабли и команды тоже в их компетенции. На каком уровне сейчас морское дело, представлял себе довольно смутно. Так помесь из книг и фильмов про пиратов. Значит нужны знающие и компетентные капитаны. Сухопутные силы целиком на мне. Опять же здесь ещё учиться и учиться. Великим спецом по европейским приёмам военного дела тоже не являюсь. Предок был опытный вояка, но на Руси своя специфика. Хорошо, что его память при мне, иначе — финиш. А так, из его опыта кое-что представляю: осада крепостей, особенности войны с кочевниками, организация стоянок, формирование обозов — и многое другое. Есть от чего оттолкнуться. Хотя, моё дело несколько иное: строить стратегические планы, заключать договоры, искать спонсоров и союзников, то есть политика. А воевать должны солдаты. Но, пока без личного геройства не обойтись — на скелет моего дела ещё неросло мясо. Но, главное, что? То о чём говорил Наполеон — деньги. А они у меня есть! Так, что всё путём.

О чём ещё забыл? Верные люди. Так, прикинем...

Возьмём нынешний отряд — практически все они здесь.

Француз Жан, отрядный оружейник. Германец Ганс — из ландскнехтов, пикинёр и арбалетчик. Керим, бывший палач, татарский метис, единственный мусульманин в отряде. Осляблев, мой старый соратник, универсал. В смысле, знаком со всеми видами оружия, имеет опыт командования сотней.

Никита Гончар, бывшая профессия понятно. Один из побратимов, копейщик, знает сабельный бой. Прошлое туманно, наверняка попал на войну, после того, как кого-нибудь пришил или покалечил. Да, у меня все такие.

Никодим Лопухин, Кузьма Толстых и Егор Богданов — из детей боярских, универсальные суровые вояки из числа побратимов предка. Наособицу последний наш брат Прокоп Кучин по прозвищу Жук. Отличается скупостью и наличием торговой жилки. Перед походом в Крым продал на базаре свою жену, вернее сдал в аренду на два года. По ходу — с концами. Случай диким мне не показался, жён продают по всей Европе, включая королевство Англию. Не так, чтобы часто, но хроники данный факт зафиксировали. Что сейчас у народа другой менталитет понимаю, но не одобряю. Получится в Америке создать своё государство, установлю другие порядки.

Ещё шесть человек из русичей — простые воины, особыми талантами не блещут. Побывали и солдатами, и разбойниками, жестокие дети своего времени. Но, положиться на них можно, своих не предадут.

Кто ещё остался? Нотариус и немой художник? Уже почти свои, в Америке про старую жизнь забудут быстро. Парни, кстати, завербовали амбала, моего

несостоявшегося противника — поединщика. Тот, смущённо почёсывая голову, попросился на службу. Из наёмников, мастер меча. Пять лет состоял в спецгруппе молодцев, орудующих двуручниками. Из тех, что идут впереди, ломая строй противника.

Чуть не забыл Марфу Юрьеву. Тут сложно. Оставил её в Аугсбурге у Фуггеров, по просьбе Иоганна. По-моему, он положил на неё глаз. Так-то неплохо, будет свой человек в этом семействе. И вообще, баба с возу, кобыле легче. Не таскать же её с собой, подвергая опасности. Обиделась, кажись, но осталась согласилась. Может и вправду у неё с Гансом сладится. Лет ему ещё немного, вроде, около сорока. Но, всё же, иногда её не хватает, привык уже.

Всё хорошо, но попаданец из меня нетипичный. Это я, по поводу технического прогрессорства. Не хрена по данной теме не знаю. В прошлом не интересовался. Нет, какие-то идеи предоставить смогу, думать надо. Нужны будут толковые помощники. Но, сильного прогресса здесь не ожидаю. Пойдём традиционным путём, опираясь на местные силы.

Так убивая время в размышления о судьбах мира, и не заметил, как мы почти добрались до цели нашего путешествия. На подъезде к предместьям главного города Франции вспомнил известный слоган из будущего: «Увидеть Париж — и умереть!». Через час очень захотелось поменять первое слово: «Понюхать Париж — и умереть!».

Не, начиналось всё красиво и благообразно. Моему взору предстали плодородные равнины с огородными культурами, холмы и пригорки, покрытые виноградниками и прелестными маленькими рощицами. А ветряные мельницы? Им не хватало только Дон-Кихота. Сады, заросшие буйной зеленью; хорошенькие деревеньки и аккуратные хутора. Целая плеяда загородных домиков парижан, окружённых ухоженными садами и струящимися весёлыми ручейками. Далее пейзаж начинает меняться. Обширные пастбища уступают место пригородам, состоящим главным образом из маленьких домиков с палисадниками, множеством кабачков и таверн, где парижане и гости столицы развлекаются, играя в кегли, шары или камешки, попивая кислотоватое местное винцо.

А за ними уже виднеется сам Париж, с его тысячами каменных домов и сотней церквей. Эта красочная картина поневоле вызывает сладостный восторг в груди. Ещё бы, перед тобой легенда. Город мушкетёров и прекрасных женщин, передовой моды и высокого искусства, мечта целых поколений успешных людей и миллионов неудачников, так и не увидевших самый желанный город мира. Это восхищение продолжается недолго. Стоит только приблизиться поближе и тебя начинает всё больше напрягать какой-то отвратительный, тошнотворный запах. Исходит он из рвов, буквально переполненных всякой гнилью, объедками и мусором. От свалок, образующих вокруг городских стен подобие болотной трясины. Герб Парижа: серебряный корабль, плывущий по лазурной волне. Только море под ним, вовсе не из воды...

Сегодня, я ещё раз ощутил то болезненное тягостное чувство, когда рушатся детские мечты...

Глава 16

Притулились в самой большой харчевне предместья, надеюсь не отравят. Нужно было решить, что делать дальше. Всех с собой в город тащить не стоит. Пусть отдыхают на природе, за городской стеной, язык учат. Для ума и здоровья полезнее. Меньше шансов подцепить какую — нибудь заразу. Меньше соблазнов. Только, надо наладить связь, вдруг какой форс-мажор. Теперь, ещё бы выяснить, с чем едят французскую столицу. Что можно, где нельзя. Куда идти, зачем спасаться.

Парни смекнули быстро, угостив пивом двух подвыпивших школяров. Те и рады были развязать языки. Закутавшись в дорожный плащ, я, сняв с пальца перстень передал его Осляблеву, нечего в городе светить, целее будет. План у нас был простой: снять жильё, заселиться. Затем осмотреться в городе, разузнать, чем живёт королевский двор. Получив аудиенцию у короля, заручиться поддержкой короны по моей маленькой экспансии в Новый свет. Материальной помощи не надо, лишние долги и обязательства не нужны. А вот разрешение на набор рекрутов и поселенцев, покупку пушек и мушкетов — не помешает. Всё ведь для блага государства и короны. Это мысль местному корольку нужно внушить обязательно. Чтобы, разного рода фавориты не вставляли палки в колёса, не мешают подмазать придворных шишек. Надеюсь, авторитет Фуггеров поможет.

Подсел к юношам поближе, внимательно прислушиваясь к разговору, изредка задавая уточняющие вопросы.

Пьяные откровения учеников средневекового колледжа принесли нам много нужной информации.

Правовое положение внутри городских стен у различных территориальных образований отличалось. Были отдельные, условно назовём их ленными, владения крупных феодалов, со своими порядками и законами. Присутствовали небольшие кварталы, принадлежащие церкви, жившие своей обособленной жизнью. Но, основная часть была застроена доходными домами, где жили сами горожане и гости столицы. Арендовать дом или квартиру, так просто было нельзя. Нужно было заключить договор у нотариуса, обязательно с участием нескольких свидетелей. Это стоило денег, и вообще парижские бюрократы не бедствовали.

Особое внимание в городе следует обратить на экипировку. Обязательны высокие сапоги, выше колен, иначе весь низ будет испачкан. Парижские улицы были перманентно покрыты несколькими слоями грязи. Никакие королевские указы об очистке не срабатывали. Муниципалитет периодически нанимал целые армии уборщиков, но всё тщетно. Для большого города, это была капля в море.

Грязь и вонь не уменьшались. Грязь быстро вновь покрывала, вымощенные булыжниками мостовые и площади. Чего уж говорить о второстепенных узеньких улицах и переулочках. Ядрёная смесь, в которую входили: навоз, оставленный лошадьми, ослами, мулами, быками и коровами, вываливавшийся из переполненных конюшен. Очистки овощей и фруктов, всевозможные отбросы, ведущие своё происхождение из боен и живодёрен, красильных и кожевенных мастерских. Всё это мерзкое месиво, раздавленное колёсами повозок, разбавленное дождевой водой, шибало в нос не хуже горчицы. Посто-

янно испуская невыносимый, отдающий адовой серой, запах.

«Руанский сифилис и парижская грязь исчезают только вместе с теми, кого они коснутся», — подняв указательный палец, важно заявил один из школяров, представившийся, как Пьер.

Чтобы избежать контакта с грязью, парижане шли на самые разные уловки. Дворяне, чтобы передвигаться по городу, приказывали седлать лошадей. Судейские, врачи, просто богатые горожане использовали ослов и мулов. Те, что победнее нанимали носилки: две жерди, с прикреплённым посередине стулом. Некоторые, не мудрствуя лукаво, просто усаживались грузчику на плечи.

Именно грязь привела к тому, что пошла мода на высокие сапоги: они спасали чулки и штаны от повреждений.

Бедным школярам и студентам, как поведал нам разговорившейся Пьер, было ещё сложнее. Чтобы, попасть на танцы, свидание или в театр, им приходилось выкручиваться самым изощрённым образом. Прийти в грязной обуви на какое-нибудь мероприятие, значит опустить себя в глазах окружающих до самого дна. С грустным видом, школяр рассказал случившуюся с ним печальную историю.

Проблему с чистой обувью, он решил с помощью уличного мальчишки, тот за мелкую монету, нёс за ним чистые туфли. Обычно, для переобувания в таких случаях использовалась конюшня или дровяной сарай, принадлежащих хозяевам.

Случилось так, что в доме, куда юного фата пригласили на бал, не было ни конюшни, ни дровяного сарая, способных дать приют для подобной операции.

Оказавшись в сильном затруднении, Пьер некоторое время крутился по улице. Затем всё же устроился на каменной тумбе у края мостовой, поставив на землю свою нарядную обувь. Пока он стягивал сапог и примерял правую туфлю, мерзавец лакей, крутившийся поблизости, схватил вторую и радостно хочоча побежал к дому. Школяр бросился за ним, но настиг только у дверей парадной залы, куда шутник хотел заманить его, чтобы заставить посмеяться окружающих. Вырвав обувку, юноша переделся под лестницей. Но, было поздно, репутация его была подмочена. Все симпатичные партнёрши для танцев не удостоили его даже взглядом.

Рассказ Пьера, был познавательным, но время поджимало. Решили устроиться в предместьях, а уже утром провести разведку боем, то есть посетить центр города.

Городские ворота представляли собой печальное зрелище. Подъёмный мост уже давно стал стационарным, напоминая о своём былом величии, только обрывками толстых цепей. Проезд загораживали передвижные лавки, то есть примитивные столы-помосты на которых торговцы разложили свой нехитрый товар. Мясники, торговцы зеленью и дичью, продавцы бэушной обуви и поношенной одежды — все стремились продать свой товар раньше, окопавшихся на площадях и городских рынках конкурентов. По обе стороны моста притулились деревянные кабинки, будочки, галерейки, где укрылись акцизные служащие, при поддержке стражников городского ополчения. Так просто в город для иностранцев и торговцев въехать было нельзя. Нужно было предъявить какой-нибудь документ, удостоверяющий личность, а торговцам заплатить пошлину за ввозимый в город товар.

Мой герб и четыре всадника в цветах дома Сен-Пьер, позволили миновать ворота без проверки. Ещё бы, там с краю были пририсованы королевские лилии! Как потомок Бурбонов, я имел на это право. Дальнейший наш путь напоминал пробег мелкого жука по муравейнику. Тесно, шумно, некомфортно. Толпы потных сосредоточенных и растерянных людей сновали туда-сюда по узким улочкам. Толкаясь и препираясь друг с другом. Сквозь них, как ледокол во льдах натужно продвигались всадники, раздвигая грудью лошадей или мулов разгорячённую толпу. Заметил, что даже надменные дворяне не заставляли своих слуг применять плети, разгоняя толпу преимущественно при помощи голоса. Ибо, в такой толчее получить в ногу или задницу тычок ножом было проще простого. Вокруг было полно непонятных вооружённых личностей. В Париж стекались тысячи и тысячи дезертиров, наёмников и просто обедневших до крайности мелких дворянчиков. В надежде продать свои шпаги, они целыми днями фланировали по городу, стараясь любыми способами добыть себе на пропитание.

Улочки и проулки были плохо выровнены по горизонтали, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, они напоминали весёлые горки на аттракционах будущего. Дома, попеременно, то каменные, то деревянные, впадали в другую крайность. Многие были перекошенные, словно в подражание Пизанской башне. Застройщики, ввиду низкой квалификации, честно давали новостройкам гарантию в десять лет, не больше. Может парижане привыкли, но жить в таком падающем доме, лично мне было бы попросту страшно. Некоторый опирались на подпорки из ошкуренных стволов деревьев. Это давало возможность нижним этажам пристраивать к дверям и окнам небольшие мансарды

или балкончики. Такими же неказистыми пристройками грешили крыши, усеянные многочисленными каминными трубами. Типичные парижские дома, высотой, обычно, в четыре этажа, имели в ширину примерно пять метров, а в длину варьировались от шести до двенадцати.

Войти в дом можно было через парадный вход, напоминающий миниатюрные ворота, либо через небольшие калиточки. Часто последние вели в проходные тесные лавчонки, которые, впрочем, могли занимать и весь первый этаж. Многочисленные окна, украшавшие доходные дома с обеих сторон давали мало света, которому просто не удавалось пробиться сквозь соседние здания. Даже в богатых кварталах, где второстепенные улочки достигали полутора метров, они напоминали узкое горное ущелье с маленьким клочком синего неба далеко вверху. Парижу катастрофически не хватало воздуха и света. Нет, площади были, и даже сады для прогулок знати и горожан, но для большого города их явно не хватало. Лёгкие столицы французского королевства задыхались от нехватки кислорода. Тем не менее город рос, население выплеснулось за его стены, утратившие оборонительную функцию, превысив триста тысяч человек. Каждый, пятидесятый француз был парижанином.

Но, всё когда-нибудь заканчивается. Так и мы, наконец-то, добрались до Ратуши, где смогли решить свои проблемы. Деньги ускорили дело. Ушлый стряпчий не только составил договор аренды и нашёл свидетелей. Он лично вызвался показать нам все сдаваемые дома. Мы выбрали один, из трёх этажей, недалеко от особняков Рамбуйе и Шеврезов. Заинтересовало то, что спереди был небольшой дворик, а позади собственный сад. Окна задней стены

смотрели на Сену. Ту ещё помойку, с берегами, заваленными мусором, но простору для циркуляции воздуха больше. Хотя, что жаловаться, в Лувре у самого короля были такие же проблемы.

Удивил уровень бюрократизации французской столицы. Нотариусы здесь были птицы высокого полёта. Без бумажки ты букашка — это точно о средневековом Париже. Жильё без договора аренды не снять, жениться без брачного контракта нельзя, будь ты хоть землекоп или герцог королевской крови. Дарственные расписки, доверенности, завещания — работы для крючкотворов было непочатый край. Юноша, положивший глаз на девицу, заключал договор у нотариуса, где записывалось его обещание сочетаться после ухаживаний законным браком. И если, он не мог исполнить обещанное (родители не одобрили его выбор), то ему грозило судебное разбирательство и крупный денежный штраф. Однажды подрались две торговки на рынке. Не придумав ничего лучшего, они обратились в суд, ища форму для примирения. Тем запретили браниться, прописав в случае рецидива штрафные санкции.

Дом осмотрели ещё раз, к нему прилагался (за отдельную плату) повар, служанка и привратник. Небольшую конюшню, примыкающую к первому этажу, обслуживал старый, весь скрюченный от застарелого радикулита конюх. Последнему, в виду возраста не куда было деваться, он работал за ношенную одежду и еду.

На первом этаже дома размещались кухня и зал, на втором целых четыре спальни, на третьем, непосредственно под чердаком, — маленькая кладовка и чулан. Две спальни были украшены восемью фламандскими гобеленами, с изображениями животных и полей, третья — пятью драпировками из неизвестной ткани, четвертая была просто выбелена клеевой краской. На стенах висело несколько картин на евангельские сюжеты, вряд ли представляющих художественную ценность. Небольшие дешёвые мутные зеркала дополняли обстановку. На полу лежали потрёпанные турецкие ковры, когда-то в молодую пору, бывшие стильными и дорогими. Вся мебель была из приятного на вид, нежного на ощупь, но типично буржуазного дерева — ореха. Шкафчики, сундуки, массивные кровати без малейшего признака резьбы, столы и стулья — мебель была повсюду. Её было с таким избытком, что о свободном перемещении по комнате не было и речи.

Выбирая себе спальню — всё осмотрел внимательно. Достаточно просторное помещение оказалась полностью загромождённым.

Кровать была экипирована внушающими уважение слоями: сначала два тяжёлых соломенных тюфяка, затем нормальный матрас, накрытый пёстрой полосатой тканью. Занавески балдахина из красной материи, обильно украшенной позументом, тесьмой и бахромой из шёлка.

Кроме кровати, в комнате разместились: неуместная здесь кушетка, двенадцать стульев, три кресла, буфет и громадный сундук. Для чего может понадобиться в спальне подобное мебельное столпотворения, мой мозг понимать отказывался.

На нижнем этаже, главным местом являлась обширная кухня, к которой примыкала обеденная зала, прихожая, комнаты для слуг и каморки хозяйственного назначения. Убранство на первом этаже роскошью не отличалось. Голые стены, большой стол на скрепах, кровать для послеобеденного отдыха, дюжина сидячих мест из скамеек и табуретов. Буфет и ёмкость для воды, в ви-

де металлической лохани. Всё, кроме последней, из того же орехового дерева.

На удивление в доме присутствовали книги. Небольшая библиотека из трёх десятков томов, оставшаяся от одного из жильцов. Рачительный хозяин приложил их список к арендному договору, заранее беспокоюсь, чтобы у пицци для разума не выросли ноги. Читатель на старофранцузском из меня был ещё тот, но при беглом просмотре удалось разобрать, что это в основном: классические труды античных авторов и рыцарские романы. Вроде, ещё пара изданий по этикету и стихи Франсуа Вийона. Как, позже выяснилось, книг во Франции печатали много, до двадцати пяти тысяч наименований в год. Стоили они недорого, и были вполне доступны для всех кроме нищих. Появились даже печатные карты Парижа.

Для интереса решили пройтись по магазинам, мне нужно было кое-что прикупить для визита в королевский дворец. Встречают здесь по одежке. Привратник, скользкий молодой паренёк с бегающими глазками, вызвался проводить. Мне он сразу не понравился, так и зыркал завидующими глазами, облизывая алчным взором каждую пуговицу на моём камзоле. Но, выбирать было не из кого, подумаешь рожа слуги не понравилась. Да, плевать.

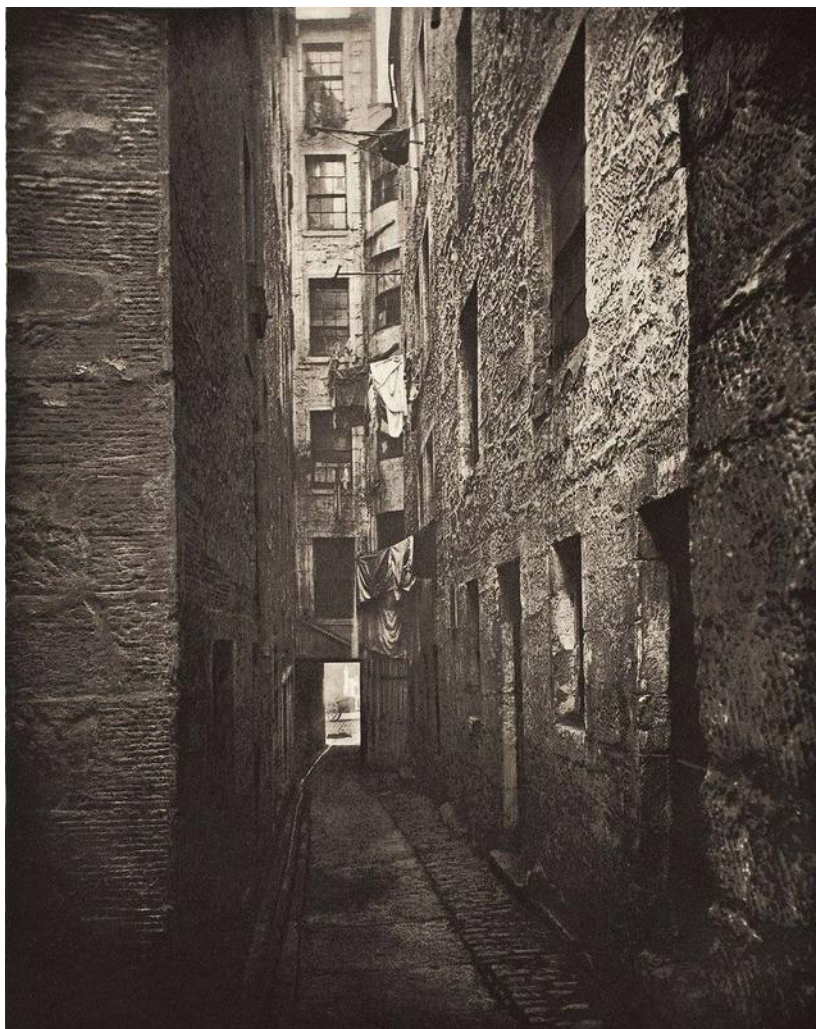
В лавку известного ювелира, пользующегося популярностью у дворцовой знати, я зашёл с важным и величавым видом. Кланяйтесь, барыги! Тренируюсь, а то привык с нижестоящими по панибратски. Здесь это не понимают. Принимают за слабака, самозванца или юродивого. Приобрёл толстую золотую цепь на шею, важный атрибут знатного происхождения. Тут, как у нас в девяностых, чем толще цепь, тем выше статус.

На выходе заметил, что привратник уделяет моей покупке повышенное внимание. Как будто золотая цепь для него недосягаемый и вожделенный фетиш. Да, пусть глазееет, за погляд денег не берут.

Вечером, когда уже готовились ко сну, раздался громкий стук в двери. Оказалось, мои послали гонца — случилась страшная беда. Толком посланец ничего сказать не мог. Только закатывал глаза и трясся. Это потом многое мне показалось подозрительным. А тогда я быстро собрался, и захватив с собой двух немецких наёмников, помчался выручать товарищей. Передвигаться по ночному Парижу было чревато, меня предупреждали, но тогда я об этом не подумал, за что и поплатился.

Когда мы проезжали очередной проулок, сзади послышался свист. По моему знаку, пришпорили коней. Свету от двух факелов было недостаточно, поэтому, когда передо мной возникла натянутая верёвка, я ничего не заметил. Грохнувшись со всего маха с лошади, сильно ударился затылком о мостовую. Перед тем, как наступила темнота, в голове сами собой сформировались строки:

Жизнь виляет, как змея
Плачьте девки — помер я...

Глава 17

Очнулся без золотой цепи, в другой одежде и — главное, через две недели. За это время прожил маленькую жизнь, со своими радостями и потерями, приобрёл особый опыт. Мои нашли меня, когда в голову Ослаблеву пришла идея прижать привратника из снятого дома. Тогда-то всё и прояснилось. Про наводку, причиной которой послужило пресловутое золотое украшение, про подстроенную засаду и ложный вызов. Дальше, найти меня на городском дне, было делом техники. Не хочу об этом, может как-нибудь потом, среди друзей, за рюмкой чая.

* * *

Аудиенцию у Карла IX удалось получить легко. Никаких интриг затевать не пришлось. Раньше думал, придётся крутиться, подкатывать к имевшим влияние при дворе лицам и т. д. Как я ошибался! Это ещё раз показало, что в здешней жизни разбираюсь весьма неважно. Хорошо, что можно списать все проколы на юность и молодость, проведённые в дикой Тартарии. Мне мягко намекнули, что титул графа де Сен-Пьер — это офигенно круто, а дополнение в виде — де Бурбон, открывает практически все двери. После королевской семьи, два самых влиятельных клана во Франции — это Гизы и Бурбоны, причём последние имеют законное право на престол. Лотарингцам Гизам, подобное особо не светит, они пришлые, почти чужаки для французского королевства.

— Дорогой кузен! — Карл IX, расплывшись в любезной улыбке, подойдя ко

мне, изобразил нечто в виде лёгкого родственного объятия.

— Сир! — замер я в почтительном поклоне, не поддавшись на панибратские замашки французского короля. Может он в какой-то мере мне и родственник, но уж очень далёкий. Хотя, в эти времена, даже незначительному родству придавали большое значение.

После представления возникла пауза, король отошёл к другим дворянам, пообещав поговорить позже. Это дало мне время понаблюдать за ним со стороны, составить о французском монархе собственное мнение. Читал я о нём много, только, что в прочитанном правда, а не побасенки анекдотического содержания?

В детстве, Карл обладал слабым болезненным сложением. У него было уродливое родимое пятно между носом и верхней губой, из-за чего он получил прозвище «Сопливый король». Сейчас, когда он отрастил усы — это стало не так заметно. В настоящий момент Карлу двадцать лет, он выглядит высоким и физически сильным, однако мускулистые жилистые руки короля плохо сочетаются с тонкими длинными ногами. Из-за подобного перекаса, он совершенно не может ходить прямо, быстро устаёт. Подлинной страстью Карла является охота, он обожает физические игры, увлекается кузнечным ремеслом. Получивший неплохое образование, сочиняет стихи и пишет книгу об охоте, по словам ценителей, ещё долго не терявшей своего практического значения.

Однако не всё было гладко: король испытывает проблемы с психикой. В любой момент, он может разразиться приступом маниакальной ярости, имеет склонность к безумному, убийственному гневу. Вид крови во время охоты приводит его в возбуждение. Не всегда охота и игра в мяч может утолить его жестокие наклонности. Во время психических приступов, он часто развлекается тем, что мучит и расчленяет домашних животных, избивает провинившихся слуг до крови. Когда выехать на охоту не получается, куёт оружие для своего арсенала, пока не лишается сил от полного изнеможения.

Ему уже нашли невесту, осенью он вступит в брак с Елизаветой Австрийской, дочерью императора Священной Римской империи Максимилиана II. Жена — это почти единственное, с чем ему повезло в жизни. Одна из самых прекрасных принцесс в Европе, шестнадцатилетняя Елизавета искренне любила своего мужа. Набожная, умная и доброжелательная, королева, была примером для молодых женщин и предметом восхищения для мужчин. Жаль

Карл не оценил её по достоинству: сохраняя с женой ровные отношения, он предпочитал проводить время с любовницей. Не поняв своего счастья, он не ценил верность королевы, зато прощал измены своей фаворитки.

— Мой любезный брат, Франсуа, ты уже успел связать себя узами Гименея? — король, словно пушистый белый северный зверёк, подкрался незаметно.

— Да, Ваше Величество, я недавно сочетался браком с одной милой девушкой из Баварии.

— Жаль, а то у нас сестрёнка заневестилась. Никак жениха не можем найти, — подмигнул мне Карл, кося глазом куда-то в сторону.

— Вроде, сговорились уже с сыном португальского короля, но и тот с крючка сорвался, — негромко, только для ближнего окружения хохотнул король.

— Пьяный, что — ли, — неприязненно подумал я. Понятно было, кого он имеет в виду. Свою любимую сестру Маргариту, будущую королеву Марго. Кстати, только он один её Марго и называл — вот с лёгкой руки Дюма имечко и прижилось. Только за что её так принижает братец, в разговоре, хоть и с родственником, но по сути незнакомым человеком?

— Жаль, а то бы поженили тебя на нашей Марго. Как она тебе? — Карл никак не унимался.

Я мельком посмотрел на предмет разговора, нас ещё не познакомили, поэтому долго пялиться на принцессу крови было не прилично. Окружённая фрейлинами её матери. Маргарита не произвела на меня большого впечатления. Пухленькая соломенная блондинка, со своими завитыми в мелкие кудряшки волосами, она напомнила мне продавщицу из советского универмага. Ярко накрашенные губы, химия на голове, увешанная примитивными по форме побрякушками — ну прямо один в один.

— Принцесса прелестна и мила. Она составит счастье любого мужчины самого высокого положения.

— Да, ты льстец братец, — хмыкнул король, мельком скользнув глазом, на стоящего около него молодого мужчину.

Кажется, до меня дошло. Спектакль был устроен для другого человека — Генриха де Гиза. По слухам, у него наметился роман с Марго, и брат с матерью, не желая, чтобы семейка Гизов приблизилась к трону, делали всё возможное, чтобы не допустить их большего сближения. Про принцессу при дворе уже давно ходило множество нелюбезных слухов о её безнравственности, поэтому королевские европейские дома не спешили сватать к ней своих мужчин. Приписывали даже интимные связи с братьями. Однако, историки не нашли им достоверных доказательств. Учитывая, что люди судят по себе, а безнравственное поведение супругов в то время стало чуть ли не нормой — подобные слухи не удивляют. Может, позже Маргарита и зажигала на славу, но сейчас вряд ли её поведение выходило за рамки благоразумного.

Вроде она писала Генриху достаточно откровенные письма, где, походя выбалтывала государственные секреты. Письма попали в руки Карлу, который попросту надавал сестре тумаков. Нравы тогда были достаточно простые. По двору поползли слухи один нелепее другого. По конечной версии получилось, что король избил принцессу вовсе не за болтовню, а за прелюбодеяние.

Сейчас Маргарите семнадцать лет, она нравится мужчинам, ей посвящают стихи. Она неплохо танцует, умеет поддерживать светскую беседу, имеет великолепные манеры. Знает латынь, древнегреческий, итальянский и испанский языки. Изучала философию и литературу, любит математику и физику. Сочиняет стихи и музицирует. Екатерина Медичи называет дочь совершенной принцессой. Возможно, Марго действительно увлечена герцогом де Гизом, тёплые отношения у них сохранятся до конца жизни. Вот, в эти то семейные разборки, я чуть было не и не встрял по милости молодого чересчур бойкого языка Его Величества. Вон, де Гиз уже волком смотрит. Я стал свидетелем подтрунивания над предметом его страсти.

— Если не секрет, какое приданное вы получили за своей невестой, милой девушки из Баварии? — решив сменить тему беседы, ядовитым голосом поинтересовался Генрих. Никак, поприкалываться решил, лотарингский ублюдок. После этого вопроса, Гиз сразу стал мне резко несимпатичен.

— Просил миллион талеров, — ответил я равнодушным голосом. Сделав небольшую паузу, добавил:

— Реально дали триста тысяч.

Вокруг наступила тишина. Незаметно собравшиеся вокруг нас люди были поражены этой заоблачной для окружающих суммой. Было заметно, что многие просто не поверили. Но обвинить во лжи владетельного графа, родственника королевской династии никто не осмеливался. Король же заинтересованно молчал. Тогда слово взял потенциальный недруг, только он один из королевской свиты был равен мне по положению.

— И как вашу жену звали в девичестве? Случайно не.... — с нескрываемым сарказмом, назвал он несколько королевских фамилий.

— Что вы, — замахал я руками, — моя жена всего лишь старшая дочь германского графа Иоганна Фуггера.

Фамилия тестя произвела эффект разорвавшейся бомбы. Нет, гизёнок только досадливо скривился, а вот остальные придворные... Мои акции в их глазах поднялись на недосягаемую высоту — большие деньги здесь уже стали важным мерилем положения в обществе. Миг — и лица окружающих сменили выражение с легкой почтительности на самые любезные и доброжелательные.

— Да ты, сейчас богаче меня, — хохотнул король, но в его голосе мне послышалось лёгкое недовольство. — Вряд ли сейчас в казне найдётся больше тридцати тысяч экю.

— Что вы, Ваше Величество. Все мои деньги будут потрачены на освоение диких земель в Новом Свете, под патронажем французской короны. А это значит, что они формально станут Вашими, как моего верховного сюзерена. В связи с этим, я хотел бы получить от вас позволение на основание за океаном новой колонии.

— Считаю, что моё позволение и одобрение ты уже получил, — видно было, что моя речь Карлу понравилась. А что? Денег не прошу, новые земли для Франции присоединить обещаю. Чем плохо?

— Только не поссорь нас с испанцами, тут я тебе не помощник. Своих проблем хватает. Да, можешь набрать себе гугенотов, чем больше, тем лучше.

— Меньше..., - буркнул король себе под нос, так что последние слова прозвучали неразборчиво.

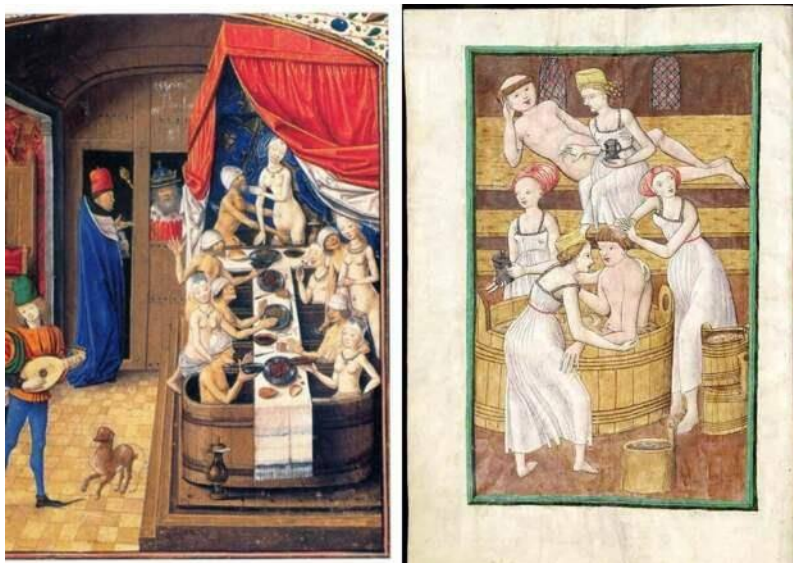
После чего, резко потеряв интерес, он по-королевски, не прощаясь, покинул мою компанию.

Я разочарованно смотрел ему в след. Аудиенцию у французского монарха представлял себе несколько иначе. Нет за разрешение вербовать гугенотов, конечно, спасибо, но я бы и сам догадался. Но, там о многом ещё надо было поговорить. Основание новой колонии само по себе поднимает множество вопросов. Некоторые из них для частного лица, без поддержки верховной власти, создадут массу дополнительных трудностей. Но, королю стало не интересно. Всякое желание помочь этому недалёкому придурку пропало. Но, и ждать тоже не хотелось. Да, через четыре года он умрёт от последствий тубер-

кулёза. Не оставив наследника мужского пола. С его преемником Генрихом III, шансов договориться больше. Но время! Терять его совершенно не хочется. В расстройстве я бродил по дворцу, изучая быт и повадки аборигенов.

На тему средневекового быта в моём будущем ходило много анекдотов, в стародавнем значении этого слова — занимательных историй. Часто, основанные на реальных фактах, эти истории слишком вольно интерпретировались и преувеличивались.

Описание грязи на улицах средневековых городов ещё более-менее соответствовало действительности. А вот утверждения, что европейцы поголовные грязнули, бегущие от мытья, как чёрт от ладана — требовали уточнений. Да, люди в шестнадцатом веке мылись не так часто, но мылись. Редкая помытька следствие не отвращения к процессу, а вынужденное ограничение, зависящее от толщины кошелька. Воды в Париже было мало, стоила она дорого. Селу загадили, летом она наполовину пересыхала. У фонтанов с утра стояли длинные очереди, где слуги из богатых дворцов толкались с простыми горожанами. Бани были, но ... Во-первых, их опасались по причине заразиться чумой. Во-вторых, церковью они не одобрялись. Одной из причин неодобрения служило процветающее в них распутство — баня практически приравнивалась к разновидности борделя. Поэтому, горожанам приходилось как-то выкручиваться. А это было не просто, так как, чтобы просто нагреть воду нужны дрова, которых опять же не хватало. Обогреть дом, сварить пищу, утолить жажду — или помыться? Выбор очевиден.

Материально обеспеченным было проще: бочка с водой, как личная купальня. Опять же не каждый день, но даже раз в неделю или две — не позволяли зарастить грязью. Походил по залу, незаметно приносиваясь к дамам, эксперимента ради. Пахло весьма приятно, иногда даже слишком: благовония просто шибали в нос. От мужчин немного несло потом, но это мужчины... Грязных рук не заметил вообще. Перед приёмом пищи руки мыли в специальных чашах, как в древнем Риме. Сначала это делал король, затем все придворные по очереди. К столу подавали салфетки и полотенца, вытирать руки скатертью считалось неприличным. При сморкании использовались носовые платки.

Много писали про отсутствие туалетов в Лувре и Версале. Что сказать, Людовик XIV был тем ещё грязнулей, мывшийся только в силу крайней необхо-

димости. Сейчас с исполнением естественных надобностей вроде получше. Нет под лестницами и в углах попахивает, слуги ходят и окуривают воздух ветками можжевельника. Кусты вокруг, я не обшаривал, подозреваю можно вляпаться. Но, у тех, кто живёт во дворце, в каждой комнате имеются горшки, ночные вазы или специальные стулья и банкетки с дыркой, драпированные плотными тканями. У короля под таким стулом, индивидуально сделанный для этого случая серебряный таз.

Для гостей имеются подобия уборных — типа небольших комнаток или подобия ниш в коридорах, загороженных ширмами. Там стоят те же ночные вазы или чаще имеются широкие щели, прорубленные в полу. В частных домах у знати уборные располагают на чердаках, чтобы меньше распространялись запахи. Такого, как писали в Интернете, чтобы мужчины с риском для здоровья опорожнялись с дворцовых подоконников, или дама, приседая у стенки, делала свои дела, укрываясь за широкими юбками — я не заметил. Да, и как бы у неё получилось? Знатные дамы сейчас носят панталоны, нижние юбки здесь удел для крестьянок и простых горожанок. Вши плюс разная комнатная живность присутствует, но с нею пытаются бороться присыпками и особыми травами. В общем, проблем хватает, но всё не так фатально.

Каюсь, посетил подобный уголок, природа своё взяла. С интересом осмотрел небольшой закуток по площади на два посадочных места. Бедновато, запашок присутствует. Но, со школьным уличным сортиром моего детства не сравнить, здесь прибирают почаще. В углу небольшой бочонок с водой, нарезанные тряпочки. Какой-никакой, а сервис.

Чуть позже, стоя у окна, увидел занимательную картину. Некий дворянин, решил избавиться от излишков жидкости на свежем воздухе, ладно хоть с другой стороны от фасада. Вытерев беретом разгорячённое лицо, он пристроился прямо у дворцовой стены.

В голове моментально всплыла переделка старого школьного стишка:

Короны преданный вассал,
Он стены Лувра ... «подписал».

Ну, прям как дядя Витя, муж материной сестры. Он, тоже, когда к деду в гости приезжал, то если выпьет, никогда до места не дойдёт. Только так, за угол и ... Городской, к уличному сортиру непривычный... Ничего в мире не меняется...

Ладно, всё это хорошо, но мне то как дальше? И здесь на помощь пришло провидение, ибо за добрые дела всегда воздастся.

Внезапно подошли два подростка, выглядевшие, как натуральные пажы, коими они и оказались.

— Это он, это он! — закричал младший из них, с детской непосредственностью, дёргая меня за одежду.

— Простите горячность моего брата! — старший вежливо поклонился, — И позвольте поблагодарить вас от всей души! Если бы не вы, не знаю, чтобы с нами стало.

Я нахмурился, потом заработала память Захара. Пару лет назад, он с группой конных ратников наткнулся в татарской степи недалеко от польской границы на обоз с молодыми невольниками. Дело житейское, но среди девок затесалась группа мальчиков, причём явно непростого происхождения. При раз-

борке выяснилось, что это специальный заказ одного турецкого паши, любящего нетрадиционные отношения. Мальчишек проводили до ближайшего селения — и отправили домой под присмотром местных, нам далеко заходить на территорию враждебного государства было опасно. А с татарами, сопровождающими невольников, предок поступил сурово — всех, кто выжил посадили на кол.

И вот видно, эти пострелята, вытащенные им из передраги, оказались французами.

Через пару минут, ко мне подошёл увенчанный благородной сединой морщинистый дворянин. Учтиво представившись, он горячо поблагодарил за спасения внуков. Было видно, что старый вояка, на самом деле испытывает ко мне тёплые чувства. В конце своей короткой речи, он пообещал оказать мне любую помощь. Если только это в его силах. Сначала хотел отказаться, но подумав, попросил совета. Быстро описав ему ситуацию со своими планами, пожаловался на отсутствие к ним интереса со стороны короля.

— Кроме короля, во Франции правит ещё королева — мать, — шепнул мне этот старик, тонко улыбнувшись на прощание.

Ба! И как я раньше не допёр! Читал же, кто реально рулит королевством под прикрытием своих сыновей. Екатерина Медичи — итальянка и «торговка», как прозвали её парижане. Вот к кому нужно обратиться по моему делу. Правду говорят: «На каждого мудреца — довольно простоты!»

Екатерина Медичи с мужем

Глава 18

Попасть на личный приём к королеве-матери оказалось не так просто. По какой-то причине назначение аудиенции затягивалось. Позже, я понял: мою личность просто изучали. Вдовой королеве нужно было понять: чего от меня ожидать, и как это можно использовать.

Конечно, досужий наблюдатель может сказать: для чего мне нужна встреча и поддержка царствующих особ французского королевского дома? Ну, так эта эпоха не приемлет выскочек и самозванцев. Феодалная система, построенная на вассальном суверенитете, давит одиночек автоматически. Вот, ты имеешь деньги: набираешь наёмников и захватываешь земли за океаном. Сколько продержишься, создавая нехороший прецедент для власть имущих? Чтобы вести себя подобным образом, нужно иметь приличную родословную и поддержку крупного государства. Иначе, долго не протянешь — придут и раздавят. Кто такой был Генри Морган изначально? Удачливый пират, бабочка однодневка? А получив покровительство Англии стал уважаемым человеком, основателем клана мультимиллионеров. Его потомки сейчас одни из тех, кто в теньевую правит миром.

Я, возможно, замахнулся на большее: создание собственного государства. Но! Полную независимость такое политическое образование может получить только при далёких потомках, когда мир станет другим, меняя правила игры. А пока, просто по праву рождения, я легко могу претендовать на герцогство, под патронажем одного из европейских королей. Если смогу его создать и удержать власть. Отметим, что чужака никто поддерживать не будет. Значит надо засветиться перед французским двором, убедить короля в своей лояльности и личной преданности. Стать своим среди придворной знати, наладить связи, завести друзей и приятелей. Куда спешить? Без прочного тыла и поддержки крупной страны, в Новом Свете ты станешь только мишенью для всех тамошних авантюристов. Каперский патент? Для кого? Для графа де Сен-Пьер де Бурбон? Чей дед командовал армиями свыше двадцати пяти тысяч человек? А прадед почти на равных бодался с королями? Не слишком ли мелко? Каперские патенты он сможет, наверное, выдавать и сам, от имени французской короны, конечно. А самому участвовать в подобных делах лучше только инкогнито, под вымышленным именем. *(От автора: тсс... — спойлер)*. В общем, моё дело командовать флотами, а не участвовать в абордажных схватках. В идеале, в жизни пока всё наоборот.

Деньги? Это хорошо, но пока они не могут решить абсолютно все вопросы. Якоб Фугерр нанял целую армию наёмников — и треть Германии осталась католической. (Возможно, он так «отрабатывал» перед церковью еврейское происхождение). Но, стать независимым монархом он не смог бы ни за что на свете. Родословной не вышел. Времена варваров прошли, его бы стёрли в порошок, не считаясь с усилиями. Поэтому, надо иметь за спиной развитую страну (свою), сильную армию и «правильную» родословную — и вот тогда... Если тебя признают другие монархи, то тогда ты вольёшься в их семью на равных.

Воодушевлённый? или слегка подавленный? подобными рассуждениями, я начал своё вхождение во французское общество. Каким образом? Элементарным! Просто стал посещать светские мероприятия при дворе французского короля. Балы, лакеи, юнкера! Последние отсутствовали, зато первые были в до-

статке. Правда, больше стоял у стеночки. Ну, не танцор, я не танцор! Хотя с причиндалами всё в порядке, позже, парочка дам смогли в этом удостовериться весьма детально. Мадам и мамзели лихо отплясывали замысловатые фигуры, изредка демонстрируя восторженным зрителям затянутые в шёлковые чулки лодыжки. Это волнующее зрелище позволяли увидеть специальные укороченные платья для танцев. Я фланировал по залу, вступая в беседу с важными сеньорами, отвечивая изысканные комплименты дамам.

На контакт со мной шли охотно. Богатый и знатный господин, не связанный с придворными партиями, имеющий интересы далеко от метрополии. Никому не мешает, а поймечь с него что-нибудь, да можно. На худой конец — заплатит за совместный ужин. Поэтому, быстро стал популярен, постоянно куда-то приглашали. Но, такое быстро приелось: к вину был равнодушен (сука предок, подкузьмил малёха), разговоры про охоту не поддерживал. После нескольких дней бесцельных блужданий, мне всё-таки удалось найти себе группу по интересам.

Многие из придворных получили хорошее образование — и на приёмах часто читали стихи, пели, музицировали, устраивали балетные и театральные представления. Как профессионалы, так и вчерашние зрители. На маскарадах было весело: то король выйдет в зал с чёрным накрашенным лицом, изображая негра; то его младший брат, герцог Алансонский, натянув женское платье — вихляет по дворцу, пародируя женскую походку.

Решил тоже выделиться, показать, что не совсем твердолобая военщина, а творческая натура, способная на сентиментальные переживания.

Взяв за основу псевдо средневековую балладу фолк певицы Хисимэль из двадцать первого века (https://hisimel.ucoz.ru/index/pesni_po_starinnym_legendam/0-130) с грехом пополам перевёл её на старофранцузский. Подумав обратился к недавнему знакомцу — уличному поэту Годо. Вместе мы сваяли вполне приемлемую версию. Заплатил придворным музыкантам, чтобы отрепетировали и исполнили. Песня умела успех, дамы прослезились, кавалеры сдержанно поздравили.

«Песня о Белой Госпоже»

С тех пор прошло столетья три уже,
Где было озеро — давно поднялись горы...
Отверзнув слух, потупьте ваши взоры:
Я вам спою о Белой Госпоже.

Простите мне смущение мое,
Что имя дамы не припомню уж теперь я,
Но ради взгляда одного ее
Ломались копья и тупились перья.

Она была столь непорочна и нежна...
И Рыцарь Льва хранил ее секреты.
Мы отойдем немножко от сюжета:
Был одинок он, и она была одна.

Но некий рыцарь, подлый — свет каких не видел! —
Давно о Белой Госпоже тайком мечтал.
Банальный случай: он ее похитил
И заточил в своем замке среди скал.

А Рыцарь Льва, прознав про то несчастье,
За даму сердца дрался, словно лев.
Он победил и, все преграды одолев,
Он вырвал деву из драконьей пасти.

Смешались кровь и пот, чуть жив он, но однако
В его ладонь легла ее рука,
А значит, безграничная отвага
Имеет смысл, коль ставка высока.

Конец счастливый у истории моей,
Иначе я не пел бы эту песню.
Но мне порой бывает интересно:
Встречались вам герои наших дней?

Как, вы — один из них? какое совпадение!
Ну, что ж, вперед, мой доблестный герой,

В ближайшее пивное заведение...
И хочется одно сказать: Аой!

После исполнения песни, познакомился с придворным поэтом Пьером де Ронсаром. Он указал на маленькие смысловые неточности, решили вместе их исправить в популярном среди знати питейном заведении. Правда, чтобы мэтр смог оценить моё творчество, грамотный слуга записал песню на бумагу. Увы, поэт почти потерял слух, ещё в молодости. Сейчас ему нет и пятидесяти, но годы уже оставили седой след на его голове.

За бокалом красного, я и познакомился с моими будущими приятелями, с которыми потом мы часто проводили время вместе. Все они были мне известны по книгам из будущего. Честно сказать, меня забавляло, что я вот так коротке, пью вино, дурачусь и болтаю о всякой ерунде с историческими персонажами. Поэтому, особо никуда не торопился. Америка подождёт, а вот такой случай мне, когда ещё подвернётся. Из всех новых знакомых, больше всего выделял троих.

Первым значился Пьер де Бурдей сьер де Брантом, мужчина возрастом чуть больше тридцати, любезный кавалер, любимец дам. В этом году он отказался от военной карьеры — и всё время проводит при дворе. В будущем прославился как писатель, оставивший интересное эротическое произведение, известное нам как: «Галантные дамы». Из его книг черпали знания: Проспер Мериме, Александр Дюма, Томас Манн, Оноре де Бальзак и наш — А.С. Пушкин.

Второй — всем известный поэт и кутила, забияка и хулиган — Луи де Клермон де Бюсси. Возраст — двадцать один год. Отнюдь не граф, простой шевалье.

Третий, их сюзерен и покровитель, младший брат короля — Франсуа Валуа герцог Алансонский, мой тёзка и дальний родственник. Шестнадцать лет, но уже, по праву рождения, имеет политический вес. Из будущего у меня о нём сложилось негативное впечатление. Мутный какой-то, но возможно я не прав. Он ещё слишком молод, но может знакомство и сгодится. Не плюй в колодец...

Короче, сидим в элитном кабаке, лениво дегустируя различные сорта итальянских и французских вин. Рассуждаем на разные умные темы. Ну, по винам и лошадям, я спец небольшой, молчу не отвечаю. По правилам дуэльного кодекса и тонкостям королевской охоты, тоже не эксперт. Античных авторов присутствующие читали больше и вдумчивее, тут мне опять никого не удивить. Речь зашла о вине: приносит пользу или вред? **In vino veritas**. Истина в вине. Наконец, смог вставить пару слов — прозой. Остальные высказались стихами.

Как только входит бог вина,
Душа становится ясна.

Чего желать мне? Пой, пляши —
Вот всё, что нужно для души.

Нальём, друзья, пусть каждый пьёт!
Прогоним скучный рой забот...

(Пьер де Ронсар)

Начали за здравие, а кончили за упокой. Вдоволь поупражнявшись в возвеличивание процесса питания, присутствующие дружно оценили его недостатки. Коих оказалось значительно больше, чем достоинств. Честно сказать, не ожидал, что наши далёкие предки в подобных вопросах могут проявить в этом вопросе, такое завидное для их потомков здравомыслие. Даже сама латинская поговорка в полном виде выглядела совсем иначе:

In vino veritas, in aqua sanitas (Истина — в вине, здоровье — в воде). А сам смысл первой части означал не некую сакральную мудрость, проступающую в изменённом состоянии сознания, а простой факт: вино развязывает языки. Или, если по-русски: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Я аж закрутил. Слава богу, после охоты и войны, разговор ожидаемо перешёл на баб. Брантом на тему любви высказался красиво:

— Все почести мира не стоят любви и милостей прекрасной и знатной особы, твоей возлюбленной и повелительницы... Подлинная любовь прекрасна, а раз она такова, то её необузданность, её изобретательные приёмы не могут вызвать осуждения...

— Хм...Если следовать твоей логике, то можно оправдать и супружескую неверность? — вставил в разговор свои пять копеек, самый старший, а значит самый рассудительный из нас, Ронсар.

— Увы, мой друг, священные узу брака в нашем обществе давно потеряли свою святость. Ныне гордятся не верностью, а количеством измен, которые многие уже даже не скрывают. В Париже среди женщин ходит популярная песенка на эту тему:

Как минется зима, в леса вернутся птицы,
Рогатые мужья собьются в вереницы.
Мой встанет впереди, он знамя понесет,
Твой в арьергарде пузом затрясет.
А мы с тобой придем со стороны
Воззреть на шествие невиданной длины.

— Тема! — радостно закричал юный герцог Алансонский, — Предлагаю тему: парижские жёны и супружеская неверность.

Как я понял, сейчас начнётся популярная в свете забава: каждый из присутствующих должен рассказать историю на заданную тему, желательно приправленную толикой житейской мудрости или назидательным концом.

Первым начал Брантом:

— Надо сказать, друзья мои, что не всегда в измене первый шаг делает супруга, иногда поведение мужа просто подталкивает её к этому.

— Кстати, к сему: знавал я одного чужеземного принца, женатого на красивой и добросердечной даме, которую он покинул ради другой — то ли известной куртизанки, то ли соблазненной им фрейлины; этого ему показалось мало, он стал спать с любовницей своею в комнате, расположенной прямо под спальнею жены, и всякий раз, водружаясь на свою красотку, со злой радостью стучал два-три раза короткой пикою в потолок с криком «Эй, жена, я поехал!». Таковое измывательство продолжалось много дней подряд и смертельно уязвило бедную женщину, которая наконец с отчаяния решила отомстить и отдалась одному весьма досточтимому дворянину, сказавши ему однажды в беседе с глазу на глаз: «Я хочу, чтобы вы спали со мною, иначе разорю и опозорю вас». Тот обрадовался столь редкой удаче и согласился не раздумывая. С тех

пор, стоило принцу заключить в объятия свою наложницу и крикнуть: «Я поехал!» — как жена, милуясь с любовником, отвечала ему сверху: «И я тоже!» — либо: «А я вас обогнала!» Все эти словесные перепалки и скачки наперегонки тянулись до тех пор, пока принц наконец не заподозрил правды и, приказав последить за супругою, узнал, что та наградила его ветвистыми рогами и скакала так же резво, как муж, платя ему тем самым за глумление. Уверившись в ее измене, принц понял, что комедия обратилась в трагедию; когда он в последний раз возгласил ей свой «отъезд», а она ответила тем же, то взбежал по лестнице и внезапно распахнул двери ее спальни, застав любовников за делом. Дама сказала: «Я знаю, что погибла; можешь убить меня на месте, я не боюсь смерти, более того, желаю ее, ибо успела отомстить тебе, сделав рогносцем; однако ты сам виноват в своем позоре, который я никогда не навлекла бы на тебя в ином случае; я была верна и предана тебе и не изменила бы ни за какие соколовища, но ты оказался недостойн такой честной и порядочной женщины, как я. Итак, убей меня хоть сейчас, но, умоляю, если у тебя в сердце осталась хоть искра милосердия, пощади этого беднягу, который попал сюда не по своей воле, но по моему настоянию и как орудие моей мести». Принц, однако, жестоко и безжалостно убил обоих. Посудите сами, что же иное могла сделать сия принцесса в ответ на мужнее презрение и недостойное отношение к ней со стороны супруга?

Проникшись сей печальной историей, слушатели немного помолчали. Следующую историю поведал нам Франсуа Валуа:

— Бывает и так, что дама может изменять не только мужу, но и любовнику, а иногда, им всем одновременно.

— Мой прадед, король Франциск I, однажды решил посетить свою любовницу в неурочный час. Имея с ней давнюю связь, он, не откладывая дела в долгий ящик, стал грубо стучать в её дверь, как настоящий повелитель. Дама же в это время пребывала в компании господина Б. Застигнутая врасплох, она принялась срочно решать задачу, куда спрятать кавалера. На счастье, дело было летом и камин был забит свежими ветками, как это было принято у нас во Франции. Вот она и посоветовала ему спрятаться в камине, за ветками, прямо в рубахе — тем более что в доме было тепло. Король же, совершив то, что ему надо было от дамы, вдруг захотел облегчиться и, не найдя подходящей посуды, направился к очагу и пустил струю прямо туда, сильно покропив бедного влюбленного; тот вымок, словно на него вылили ведро воды, ибо она, как из садовой лейки, потекла ему на лицо, в глаза, в нос и рот. Можете представить, как не повезло незадачливому кавалеру, каковой не посмел и пальцем пошевелить, проявив чудеса терпения и выдержки. Сделав дело, король попрощался с дамой и вышел. Та затворила за ним дверь и позвала своего любезника продолжить прерванную забаву. Она помогла ему умыться и дала другую рубаху. Все это они проделали, изрядно посмеявшись после того, как сильно перетрусили...

— Позже узнав об этом король долго смеялся, простил незадачливую любовницу, но Б. пришлось покинуть двор, удалившись в провинцию.

Народ поулыбался над бедолагой придворным, но сам процесс нецелевого использования каминного огня парижане часто опорожняли ночные горшки, так что...

Де Ронсар был короток, но затронул весьма щепетильный вопрос:

— Рассказывали мне об одном высокородном чужеземце, что выдал замуж свою красавицу дочь за другого знатного вельможу, который долго искал ее руки, да вполне и заслуживал ее; однако же перед тем, как выпустить дочь из дому, отец решил самолично снять пробу, говоря, что уж коли он так усердно воспитывал и возвращал сию породистую кобылку, то должен первым вскочить на нее, дабы проверить, на многое ли она годится. Не знаю, правда ли это, только говорили, что познал ее не один отец, но и другой красивый и благородный дворянин; муж тем не менее не увидел в этом поступке ничего для себя обидного — напротив, почел за честь. Да и решишь он ее осудить, его бы не поняли: она была красотка не из последних, а красоте к чему же пропадать зря?!

К инициативе заботливого папаши слушатели отнеслись негативно: красоте, конечно, пропадать не стоит, но родитель палку явно перегнул. Но, все признали, что о подобном уже слышали: подобные шалости отцов со своими дочерьми, были случаями далеко не единичными.

Очередь дошла до меня, пришлось вносить свою лепту:

— Знаю случай. Когда муж и жена отнеслись к взаимной измене без взаимной неприязни. Рассказывали мне, некие знатные супруги сочетались браком по взаимному расчёту, не испытывая телесной привязанности друг к другу. Молодая жена не любила мужчин, состоя в греховной связи с своей служанкой. Позже, муж тоже удостоил служанку своим вниманием. Таким образом, изменив друг другу с одним и тем же объектом, супруги не испытали взаимного недовольства. Ибо, жена не ревновала к мужчинам, а муж к женщинам.

Историю встретили доброжелательно, а Брантом слушал очень внимательно. Полагаю, одним сюжетом в его будущей книге стало больше.

Последний рассказчик внезапно заартачился, отказавшись от своей очереди продолжить беседу. Возмущённые таким пренебрежением его товарищи постановили сменить тему, решив сделать её героем непосредственно проштрафившегося Бюсси.

— Присутствовал я, — начал ухмыляющийся Пьер де Бурдей, — при одной занятной сцене: наш дорогой господин де Бюсси, который всем известен своим остроумием и язвительностью, однажды, заметив при дворе одну вдову весьма мощного вида, известную своими любовными похождениями, спросил: «Как, эту кобылу все еще водят крыть к добрым жеребцам?» Его слова были переданы даме — и та стала его смертельной врагиней, о чем он не преминул узнать. «Что ж, — заметил он тогда, — я знаю, чем помочь горю. Передайте ей, что я выразился иначе, сказав: „Как, эта норовистая кобылка еще не перебесилась?“ Ибо мне известно, что ее обозлило не то, что я сравнил ее с женщиной легкого поведения, а то, что я назвал ее старухой; когда же она узнает, что я обозвал ее молодой кобылкой, ей покажется, будто я еще уважаю в ней пыл ее вечной молодости». И вправду, когда той донесли исправленные слова, она получила полное удовлетворение, успокоилась и вернула де Бюсси свое расположение, что нас преотменно повеселило. Хотя что бы она ни делала, ее все равно почитали старой заезженной клячей, которая, несмотря на свои древние года, все еще ржет и взыгрывает, завидев вдали табун.

Далее, было рассказано ещё немало интересного из походов, будущего героя романа А. Дюма, но меня волновало совсем другое. Под конец разговора,

я всё же спросил у сьерра Брантома совета: что мне сделать, чтобы добиться аудиенции у королевы-матери. На что, Пьер внезапно разразился хохотом. Отсмеявшись, он отговорился загадочной фразой:

— Скоро сам узнаешь! А пока, готовься, милый друг: кушай больше сельдерея и не напивайся допьяна с красивыми девицами. Главное помни: осторожнее с языком!

Не понял: это он в каком смысле?

(От автора: Не знаю перебор или нет, но хотелось показать нравы французского двора того времени, глазами очевидцев, а не романистов девятнадцатого века).

Глава 19

Розали была хороша. Да, что там! Она была божественно прекрасна. Именно такими в своих юношеских мечтах, я и представлял настоящих французенок. Большие глаза, чувственные губы, маленькие изящные ножки! Темперамент, как у гремучей змеи, только без зубов и яда. Не знаю, осмелюсь ли я когда-нибудь повторить то, что мы с ней вытворяли этой ночью. Оказалось, что мы с предком люди довольно консервативные. Нет, теоретическая подготовка у меня была на уровне: фильмы определённой тематики в будущем иногда посматривал. А вот в реале всё было гораздо спокойней.

Нисколько не стесняясь наготы, Розали принимала такие сногшибательные, сбивающие дыхания позы, что я трижды пожалел об отсутствии в этом времени фотоаппарата. Пропали такие кадры! При тусклом свете восковых свечей, на чёрных, под эбеновое дерево, простынях её белоснежное тело как будто парило в воздухе — даря восторженному зрителю ощущение полёта. Чувственность этой юной женщины поражала. Казалось, чтобы её «завести» не нужны изощрённые ласки, достаточно простого прикосновения. С понятным любопытством хронопутешественника, я осмотрел её всю. Благо, никаких препятствий Розали не чинила, поворачиваясь любым заинтересовавшим меня местом. Вопреки представлениям многих моих современников, зона бикини у неё была аккуратно подстрижена. На мой нескромный вопрос насколько это распространено среди парижских дам, девушка ответила просто: у кого как, но обычно оставляют так, как есть. Некоторые вообще заплетают в небольшие косички и прикрепляют к ним ленточки. Полностью не бреют, по-

тому что отсутствие волос считается признаком болезни. Представил себе такую картину с ленточками — и ужаснулся. На вкус и цвет... мда. Отметил, что у Розали необычно вытянутые...э... нижние губы, слышал, что подобное считают признаком повышенной чувственности. Ночью имел возможность удостовериться в этом на практике.

Спросите, как докатился до такой жизни? Всё просто. Пришёл в очередной раз на местные танцульки, гордо именуемые королевским балом, как всегда заняв незаметное место у стеночки. Приготовился наблюдать за процессом — и тут меня банально «сняли». Причём сделали это интригующе красиво — я так не умею.

Само начало знакомства уже было нестандартным: стою, никого не трогаю. Как вдруг в грудь мне прилетает короткая стрела. Поднимаю глаза: передо мной одетая в охотничий костюм девушка в чёрной полумаске. В руках у этого прелестного создания маленький игрушечный лук.

— Я попала! Теперь ты моя добыча!

— Милый Купидон, вы ловите в сети любви? — не растерялся я с обратным посылом.

Ответом мне стала только загадочная улыбка. Затем, неизвестная дама схватила меня за руку и увлекла за собой, в хитросплетенье дворцовых коридоров.

Ясное дело, что дальше у нас всё сладилось. Тем более, я уже давно ожидал нечто подобное. Друзья заранее намекнули мне, что скоро подвергнусь любовной атаке. Увы, не за красивые глаза, а дабы в интимной обстановке вывести мою подноготную. В связи с этим и был дан совет: следить за языком, не болтать лишнего. Всё просто — королева-мать держала при себе целый «летучий отряд» из своих фрейлин. Эти дамы, набранные из числа самых красивых и раскованных французских девиц достаточно знатного происхождения, были её глазами и ушами. Пользуясь своей привлекательностью, не стесняясь опуститься до альковных дел, юные плутовки малыми усилиями добивались больших результатов. Выведать тайный секрет, завербовать сторонника или окрутить опасного противника — в этом им не было равных. Вот, одна из фрейлин Екатерины Медичи обработала и меня. Ничего против не имею, поэтому решил совместить полезное с приятным. Отвечая на ненавязчивые вопросы, которая Розали задавала между приступами неистовой страсти, постарался развеять все подозрения. Образ безбашенного вояки-авантюриста, помешанного на идеи колонизации новых земель, верного слугу короля и Франции, надеюсь, удался мне на славу. Тонко намекнул, что кроме лавров основателя и покорителя, имею хотелку стать герцогом на освоенных территориях. Тем самым, добавив чуточку меркантильности, для большего правдоподобия. Хотя, на деле не сильно согрешив от истины.

Розали осталась довольна, я тоже. Видно было, что девушка хотя и на работе, а телесным забавам отдаётся искренне, без напряжения. Расстались полностью довольные друг другом.

Дело сразу сдвинулось с мёртвой точки — уже через день мне была назначена долгожданная аудиенция. Королева-мать бы весьма любезна и обходительна. Досконально расспросив меня о первоначальных планах, она выдала рекомендательные письма к нескольким парижским чиновникам. Тем, кто непосредственно ведал военными, а также нужными мне гражданскими по-

ставками и производствами. Мне разрешили набрать добровольцев среди королевской армии. Оплачивать содержание людей и имущество, я буду из собственного кармана. Взамен, на достаточный срок новообразованная колония будет освобождена от налоговой нагрузки. То, что я и хотел. Иначе, мастеров и некоторые промышленные технологии, получить было гораздо труднее. Остальное — детали.

По окончании аудиенции долго искал глазами среди придворных Розали, хотел подарить ей на прощанье маленький подарок, красивую безделушку на память. Не добившись успеха, нагло подошёл к фрейлинам королевы — и поинтересовался в лоб. Ответом стали только смущённые гримасы и неуверенное переглядывание. Немного расстроенного, тем что не получил от «летучек» внятного ответа, на выходе меня остановила невысокая блондинка. Приложив палец к губам, она завела меня в тихий уголок одного из коридоров Лувра. Там, я узнал, что с Розали случилась неприятная, более того, крайне мерзкая история, которую уже всюю обсуждают придворные сплетники.

Вчера вечером несколько «продвинутых» придворных, добрых приятелей, в число которых вошли де Немур, де Живри, граф де Ларошфуко, де Жанлис, де Рандан и некоторые другие неустановленные общественностью лица, от нечего делать прокрались в отхожее место и принялись снизу подглядывать за девицами, справляющими нужду. Розали, коей не посчастливилось посетить данный храм задумчивости и усидчивости, для исполнения своих потребностей, уселась прямо на деревянное основание. А так как, диски были пригнаны неплотно, её нижние губы свесились в щель на длину более толщины пальца. Господин де Рандан, разжившийся на сей случай у своего лакея толстой иглою с суровой ниткой, ухитрился ловко пришпилить губы к дощечке; девица, почувствовав укол, вскочила столь резко, что разорвала их, и вот вместо двух половинок образовалось у неё четыре четверти, свисавшие лоскутами, точно медузы; нечего и говорить, какую боль причинила ей сия шалость и сколь разгневалась их хозяйка. Господин де Рандан и вся его компания доложили о своем подвиге королю ..., также большому весельчаку, и он всласть посмеялся над происшествием.

И теперь, бедная девочка безвылазно сидит у себя в комнате, страдая от боли и унижения.

Честно сказать, пострадавшая мне никто, вряд ли мы ещё увидимся, но потрянуло меня не по-детски. Скотский поступок этих уродов по-любому достоин наказания, а тут у меня ещё выиграло личное. Вот не хотел идти на поводу у Бюсси, а придётся. Наш молодой бретер прямо посоветовал мне провести пару-тройку дуэлей, отделав своих противников, как бог черепахе. Это нужно, важно сказал он, для того, чтобы при дворе тебя уважали и побаивались. Короче, для имиджа и репутации.

— А повод? — удивился я.

— Главное желание. Повод всегда найдётся.

Ну, да, у Бюсси всегда так: почти все поводы из пальца высосаны. Не так сказал, ни так смотрел. Последний раз с оппонентом, они разошлись во взглядах на кусок узора на обычной ткани. Образно говоря, Луи углядел крестики вместо ноликов, а так как оппонент был не слепой, то он в этом законно усомнился. После чего повод для дуэли был найден. Современники говорили, что у Бюсси «повод для дуэли едва мог уместиться на мушиной лапке». Во время

Варфоломеевской ночи он не постеснялся убить семерых своих родственников — чтобы получить их наследство. Такие выкрутасы бесследно не проходят: говорили, что после гибели Бюсси, во всем Париже не нашлось ни одного человека, кто сказал бы о нем хоть одно хорошее слово. Предку бы Луи понравился — два сапога пара. Сам же я пока толком, по отношению к нему не определился.

В общем, раньше не хотел, а теперь просто горю желанием поставить мерзавцев на место. Убивать не хочу, так поучу немного куртуазным манерам. И де Клермон мне поможет.

Естественно, Бюсси не отказался. Не откладывая дело в долгий ящик, мы пошли искать обидчика.

Искомое нашлось во дворе в компании таких же молодых людей, чуть старше двадцати лет. По виду сразу можно было определить мажорного мальчика из богатой, хотя и не очень знатной семьи. Конечно, недооценивать его не стоит, в это время дворяне учатся владению оружием с детства.

— Дорогой друг! — громко обратился я к Луи, — вы не знаете почему здесь так плохо пахнет?

— Точно не знаю, но догадываюсь! — ещё не поняв в чём суть, подыграл мне Бюсси.

Подойдя к группе интересующих нас личностей, я указал на неё пальцем:

— По-моему, это здесь!

— Полагаю вы правы, — де Клермон показательно наморщил нос.

Я обвёл рукой остолбеневших молодых дворян:

— Господа, неужели вы ничего не чувствуете? Среди вас несёт дерьмом! Вот вы, как вас там: Засерыш, Бздун, Обосранец? Вы, почему, когда гадите по-большому, не снимаете штаны? Не уважаете окружающих? Заставляя терпеть вашу вонь? Значит, вы и меня не уважаете?

Круглые глаза кавалера де Рандана, казалось ещё немного — и вылезут из орбит. Его раскрытый рот жадно хватал воздух, не способный вымолвить не слова. Бюсси украдкой показал мне интернациональный жест — поднятый вверх большой палец.

— Да они, похоже, все тут такие, — забил я последний гвоздь в крышку виртуального гроба, — Коллективно воздух портят.

— Может просто принюхались? — Луи тоже захотел урвать кусочек пирога от будущей дуэли.

И тут народ прорвало, де Рандан было кинулся на меня с кулаками, но товарищи его удержали. Затем меня вызвали на поединок, целых четыре раза. Ещё двое присутствующих в группе тихо слиняли, сделав вид, что не при делах. Бюсси не вызвал никто, этого симпатягу все давно знали, как облупленного и связываться не хотели. Я же был ещё тёмной лошадкой — и со мной теоретически оставался шанс на победу. Но, Луи не унывал — случаи, когда в драку вовлекались секунданты, были не редки.

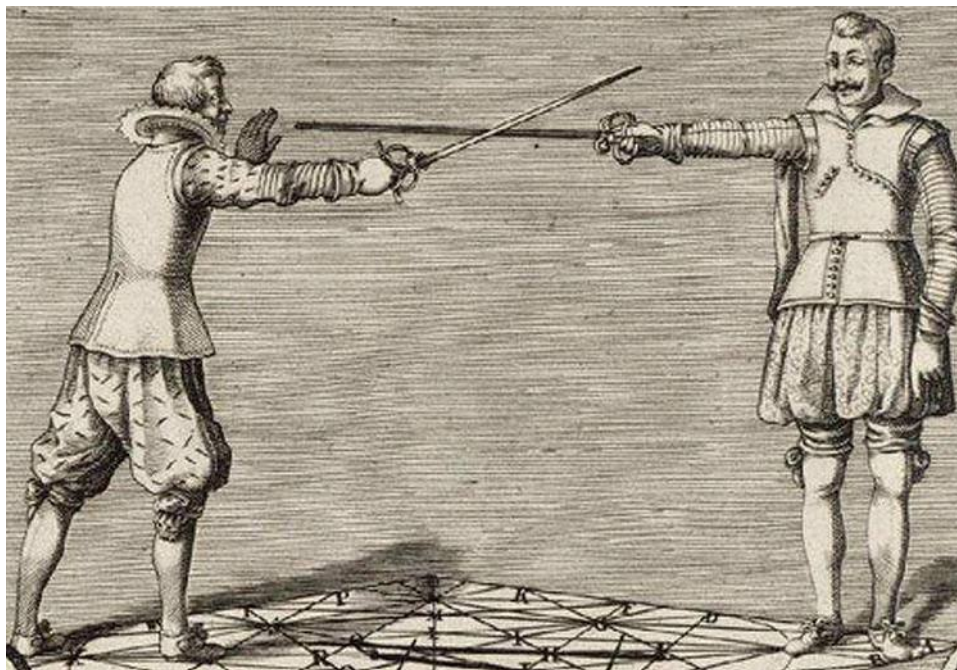
Противники готовы были драться здесь и сейчас, но их обломил королевский церемониймейстер. Он напомнил, что сегодня при дворе уже назначены три дуэли, к которым и добавили нашу. Обещает присутствовать король. Традиция, согласно которой на дуэли должен быть монарх, была похерена ещё отцом нынешнего местоблюстителя престола. Только, Карл IX мечтал превзойти Генриха II, посему часто возвращал старинные обычаи.

Первая дуэль между провинциальным дворянином и расфранчённым придворным закончилась обоюдными ранениями. Причём провинциал не стал добивать поверженного противника, изобразив упадок сил от проникающей раны в плечо.

Бюсси понимающе усмехнулся:

— Опасается мести от друзей и родни противника.

Я сделал заинтересованное лицо и де Клермон охотно выдал мне полный расклад про особенности современного дуэльного кодекса. Который по большому счёту ещё толком не сложился, дуэлянты руководствовались достаточно размытыми практическими правилами и понятиями.

Прежде всего, запланированная провокация, с целью вынудить противника драться на дуэли, предосудительным проступком не считалось. Добиться дуэли, кроме прямого оскорбления можно было и вызывающей манерой поведения. Приблизиться вплотную, положить руку на эфес, повернуть шляпу вперёд или назад, демонстративно намотать плащ на левую руку. Бывало поводом для вызова служил жест, имитирующий извлечение шпаги из ножен и резкое движение в сторону оппонента. Самое же частое — простое обвинение во лжи. Так как вызываемый имел право выбора оружия, то дворяне шестнадцатого века разыгрывали настоящие спектакли, стремясь вынудить противника сделать вызов первым.

Щадить противника на дуэли считалось крайне неосмотрительным поступком, вполне допускалось добить упавшего и безоружного. Мало того, некоторые считали, что выжить в поединке, получив от противника пощадку — это позор и новое изощрённое оскорбление. Если же ты всё-таки не стал добивать своего оппонента, то рекомендовалось забрать или сломать оружие побеждённого — прежде всего затем, чтобы не получить от него удара в спину. Так в 1559 году, из-за ссоры на охоте, Ашан Муран, племянник маршала Сент Андре, вызвал на дуэль капитана Матасса. Опытный вояка, капитан не стал убивать молокососа. Выбив у него шпагу, он посоветовал обезоруженному более предусмотрительно выбирать себе противников. Когда Матасс отвернулся, чтобы сесть на лошадь, Муран подобрал шпагу и вонзил клинок ему в спину. Дело замаяли, но в свете больше осуждали не предательский бесчест-

ный удар Ашана, а неосмотрительное поведение капитана.

Конечно, часто дуэли не доводили до смертельного исхода. Причины могли быть совершенно разные: кто-то боялся мести родственников поверженного противника, кто-то просто не мог заставить себя окончательно хладнокровно убить человека, ввиду отсутствия подобного опыта. Некоторые опасались Бога или неудовольствия короля. Часто практиковалось намеренное нанесение увечий не совместимых с дальнейшей дуэльной практикой — отсечение или тяжёлое повреждение конечностей. Оставляя сопернику жизнь, ему могли изуродовали лицо, чтобы в будущем он не смог отрицать, что жизнь ему была милосердно подарена победителем.

Высшим шиком среди знатоков дуэльного кодекса, считалось не добивать противника, уже получившего смертельную рану. Прочему бы не проявить благородство, если тот всё равно покинет земную юдоль в ближайшее время. Вызывать человека, который на предыдущем поединке победил тебя и оставил жизнь, было все равно что затевать дуэль с благодетелем, практически вторым отцом. Это позволялось лишь в том случае, если победитель кичился победой, унижал побежденного, обзывая его трусом, который вымолил у него жизнь. Если же противника пощадили в первом поединке, то во втором, согласно общепринятым правилам дуэли, рекомендовалось его прикончить, даже если он лежал на земле без оружия с тяжёлым ранением и молил о пощаде, ибо не стоит искушать Судьбу и Бога, отказываясь от дарованной ими победы.

Отказ от дуэли был невозможен. Сохранив честь от неё могли отказаться, только люди старше шестидесяти лет. Официально минимальный возраст для участия в поединках установили в двадцать пять лет, но об этом условии сразу же забыли. Реально сражались уже с пятнадцати — шестнадцати. Если надел шпагу, будь обязан с её помощью защищать свою честь и достоинство. Болезнь и увечье могли засчитать за уважительную причину отказа от поединка. Хотя некоторые теоретики утверждали: если у одного из дуэлянтов нет глаза, второй пусть завяжет глаз себе. Если нет верхней конечности — пусть прибинтует свою руку к телу. Лиц королевской крови вызывать на поединок запрещалось — их жизнь принадлежит стране. Порицались дуэли между родственниками, сеньором и вассалом. Если конфликт перешёл в суд, то решать его на дуэли запрещалось. Требовать дуэли от простолюдина, в глазах света считалось унижением.

На дуэлях всё больше использовались рапиры, с возможностью только колоть. Рубленые и резанные раны, оставленные боевыми шпагами, навсегда могли испортить внешность поединщика. Другое дело — небольшое входящее отверстие от рапиры. Дрались без кольчуг и доспехов, часто в одних рубашках или обнажённые по пояс. По двоякой причине. Во-первых, доспехи стоили дорого — не каждому дуэлянту по карману. Во-вторых, этим показывали решимость биться до конца, бравируя своей храбростью и презрением к смерти.

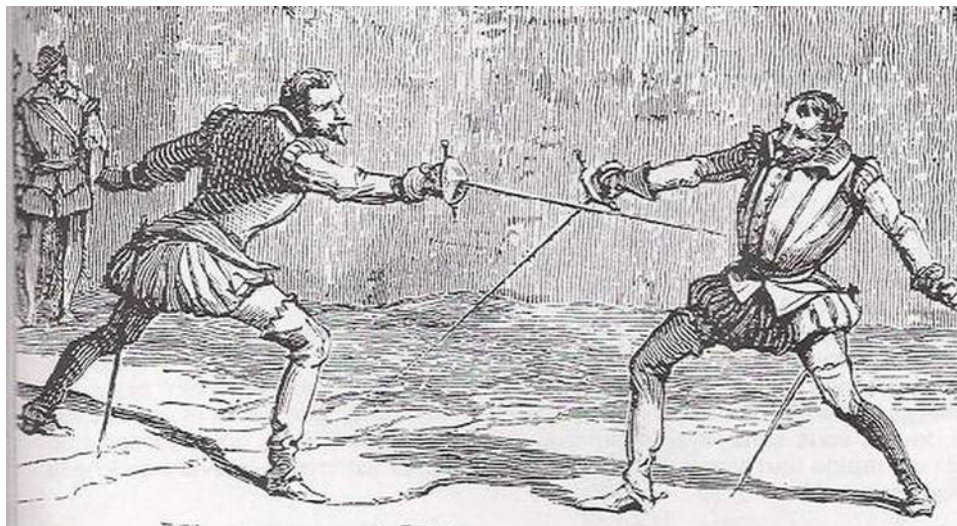
Минусом являлось то, что новая техника фехтования была практически непригодна в реальном бою. Прививая неправильные навыки, она привела к увеличению смертности дворян на поле боя. Многие авторы тех времён считали, что рапирное фехтование бесполезно, так как к нему почти не прибегают на войне. Однако, все сходились во мнение, что оно развивает ловкость и от-

вагу, позволяет защитить свою честь и отбиться от уличных грабителей. А по причине широкой распространённости дуэлей, каждый дворянин просто обязан научиться фехтовать. Оружием для дуэлей чаще всего служили шпага (рапира) и кинжал, которые в шестнадцатом веке военные и дворяне носили в обязательном порядке.

Вторая дуэль прошла более зрелищно: противники, показав неплохой уровень фехтовального искусства, так и не смогли нанести друг другу тяжёлых ранений. Король, заметив, что они, обоюдно пустив первую кровь, больше не горят желанием продолжить смертельное состязание, уронил скипетр. Это означало, что он воспользовался своим правом прервать поединок.

Третью дуэль можно было бы назвать смешной, если бы не её печальные последствия. Франсуа де Гиш и виконт Тюренин затеяли стреляться из аркебуз. Правилами это не возбранялось. Точность выстрелов из этого оружия была невысокой. Поэтому сами дуэлянты не пострадали. Не повезло двум лошадям — они получили лёгкие ранения, а также одному из дворцовых слуг — его сразило наповал. Гиш и Тюренин же благополучно помирились, пошли отмечать свой оригинальный поединок.

Вот, наконец, подошла и моя очередь.

Глава 20

Как и предполагал, остаться в стороне от поединка Бюсси не захотел. Не часто, но секундантам ещё разрешалось принимать участие в дуэли. Это в 1578 году, после знаменитой битвы миньонов, Генрих II запретил им вступать в поединки под страхом смертной казни. Каждому из нас досталось по два противника. Схватку два на четыре распорядитель не разрешил, к вящему неудовольствию де Клермона. Я не такой отмороженный, мне нормально. К чему лишний риск и дешёвые понты? Попросил партнёра никого не убивать. Бюсси поморщился, но согласно кивнул. Понятно, ему не привыкать плюс репутация, а мне зачем при дворе лишние недоброжелатели?

Первым вышел самый главный мудила де Рандам — виновник происшествия. Молодчик так и пылал праведной яростью, что сыграло с ним злую шутку. Во время боя нужно контролировать свою злость. Французик кинулся на меня без всякой подготовки, сразу разразившись серией мощных проникающих ударов. Осталось только немного помочь ему своей шпагой — и он провалился вперёд, потеряв точку опоры. Оказавшись у него за спиной, кончиком клинка двумя перекрестными ударами нарисовал ему крест на правой ягодице. Сразу же в голове сформировалась идея: крестики — нолики? Детская игра? Почему бы и нет?

Рандама словно укусила бешенная собака. Роняя капли крови, он разъярённым зверем прыгал и скакал вокруг меня по всей площадке. Уловив момент, когда он начал выдыхаться, я снова переместился ему за спину. Раз — два — вот тебе новый крестик на левом полупопии. Как он заверещал! Зрители же едва сдерживали смех. Король отвернул голову, скрывая улыбку. Симпатии публики на моей стороне! Пора заканчивать. Отбив, финт — и вот он «нолик» — лёгкий укол в естественное отверстие самой мягкой части тела. Под шаг и анестезия — удар эфесом в затылок. Противник падает, друзья зовут врача. Ничего, жить будет, но пару — тройку недель процесс дефекации будет весьма болезненным. Надеюсь, урок пойдёт ему на пользу.

Следующим был некий мессир Жанлис. Было видно, что моя первая дуэль, которую я провёл в жанре низкопробного фарса, произвела на него сильное впечатление. Особого желание биться у товарища явно не наблюдалось. Пару минут поотбивав вялые выпады оппонента, успел изрядно поцарапать его лицо. Ничего, потом спасибо скажет. Шрамы же только украшают мужчину? Значит, успех у дам ему обеспечен. После третьей царапины, Женлис окончательно пал духом. Решив не доводить до крайности — ловким ударом уколол его в правое плечо. Аут!

Резвый Бюсси уже давно закончил — его противников унесли на носилках. На мой укоризненный взгляд негодник пожал плечами. Чего? Живые — и ладно.

На этом «дуэльный день» при французском дворе ещё не закончился, предстоял ещё один поединок. Он был немного нетрадиционным: человеку должна была противостоять собака. Это уже второй поединок между животным и человеком во Франции. Первый состоялся ещё в 1371 году при дворе Карла V. Как уже упоминалось, нынешний король уже не раз пытался возродить старые традиции, имея подспудное желание откусить свой кусок славы подражая деяниям предков. Историк и писатель Оливье де ля Марш рассказал эту

историю в своей «Книге дуэлей», изданной в Париже в 1568 году. Карл IX прочитал и впечатлился. Поэтому, не удивительно, что он воспользовался малейшим поводом, чтобы попытаться повторить героическое действие, случившееся при его коронованном предке.

Предыстория второй во французской истории дуэли «собаки против человека» состояла в следующем: Жиль Гобелен, основатель семейства известных французских предпринимателей, подал в королевский суд на дворянина Густава Штайна, обвинив его в смерти своей племянницы. Случай был явно неординарный, узнав о результатах расследования, им заинтересовался сам король.

Жиль Гобелен прибыл во Францию из Реймса. У речки Беввр чуть больше двадцати лет назад он основал красильную мастерскую, в короткие сроки заработав хорошие деньги. Его старший сын расширил дело, добавив к нему в 1562 году ткацкую мануфактуру, где изготавливали шпалера — ковры без ворса, сотканые вручную из цветных шелковых и шерстяных нитей. Младшие дети купили должности при штатах городского самоуправления и пошли по судейской стезе. Позже, корона выкупит у наследников Жилия его предприятие, которое станет выпускать элитные ковры для знати. Шпалеры станут называться гобеленами, по фамилии старых хозяев мануфактуры.

Учитывая сына — помощника прокурора и звание королевского поставщика у самого отца, делу дали ход, не взирая на сословные различия истца и ответчика. Дочь любимой сестры Жилия, Женевьева, с ранних лет считалась окружающими не от мира сего. От рождения немного скорбная разумом, девушка с детства подбирала бездомных собак и кошек, ухаживая за ними с энтузиазмом заботливой матери. Повзрослев, она на деньги семьи основала небольшой приют, куда отчаявшиеся женщины из беднейших слоёв города могли поместить своих детей для последующего усыновления в более обеспе-

ченные или вовсе бездетные семьи. Женевьеву знали все жители своего района, где она давно числилась блаженной. Даже самый последний грабитель в этой части Парижа не поднял бы на неё руку.

Но, однажды, пришедшие утром кормилицы, нашли двери приюта распахнутыми настежь: Женевьева пропала. Вместе с ней исчезло несколько недавно принятых новорождённых детей. Не оказалось на месте и недавно нанятого слуги-охранника. Дело по-любому зашло в тупик, если бы не любимая собака девушки. Не известно откуда в центре Парижа взялся щенок пиренейской горной собаки, но ему повезло встретить юную мадмуазель Гобелен, когда в грязной холодной канаве, он умирал от голода. Собаки этой породы, выведенной для защиты домашнего скота от диких зверей, всегда отличались верностью и храбростью. Тюльпан вырос в красивого пса, его шкура, покрытая белоснежной мохнатой шерстью, придавала ему величественный аристократический вид, выделяя среди других городских собак. Надо ли говорить об его отношении к своей любимой хозяйке?

Не найдя её на месте, пёс пропал в неизвестном направлении. Через два дня, грязный и голодный, он вернулся домой, разбудив всех домочадцев громким натруженным лаем. Всем своим поведением пёс показывал, что он хочет их куда-то отвести. Тело Женевьевы было обнаружено под одним из парижских мостов, куда его вынесла запруженная мусором Сена. Девушке перерезали горло, все её украшения отсутствовали. Брат прокурор задействовал все свои связи среди стражи и представителей криминального мира. Слугу из приюта обнаружили вдребезги пьяным в одном из кабаков на окраине. В кармане охранника нашли бусы и кольцо, принадлежащие жертве. Подозреваемого подвергли полной процедуре полицейского дознания, что означало обязательную пытку.

В гражданских делах пытки не применялись, но в уголовных использовались практически в обязательном порядке. Даже если подозреваемый сознался в преступление, его всё равно подвергали допросу с пристрастием. А как же? Вдруг, он оговорил себя, а так сам выложит все доказательства своей ви-

ны плюс назовёт сообщников. При допросе присутствовали королевский судья, ещё один судья и судебный секретарь, который скрупулёзно записывал все откровения допрашиваемого. Спрашивали три раза: до пытки, в процессе и после. Затем все показания сравнивали. По закону пытали не больше часа, на деле — как получится.

Приютский слуга выдержал клещи, испанский сапог и скамью с гвоздями, но сломался на дыбе. Недаром выражение «повиснуть на дыбе» во французском языке до сих пор означает «предстать перед судом». Подследственный дал интересные показания. По его словам, он специально устроился на место приютского охранника, чтобы некий баварский дворянин Густав Штайн мог спокойно обделывать свои тёмные делишки. Не понятно зачем в деле оказались замешаны подставные родители, забирающие детей для каких-то непонятных целей. Когда Женестьева что-то заподозрила и отказалась отдать ребёнка очередным протеже Густава, он пришёл ночью с тремя сообщниками. Девушку убили, скинув тело в реку, а детей увезли в неизвестном направлении.

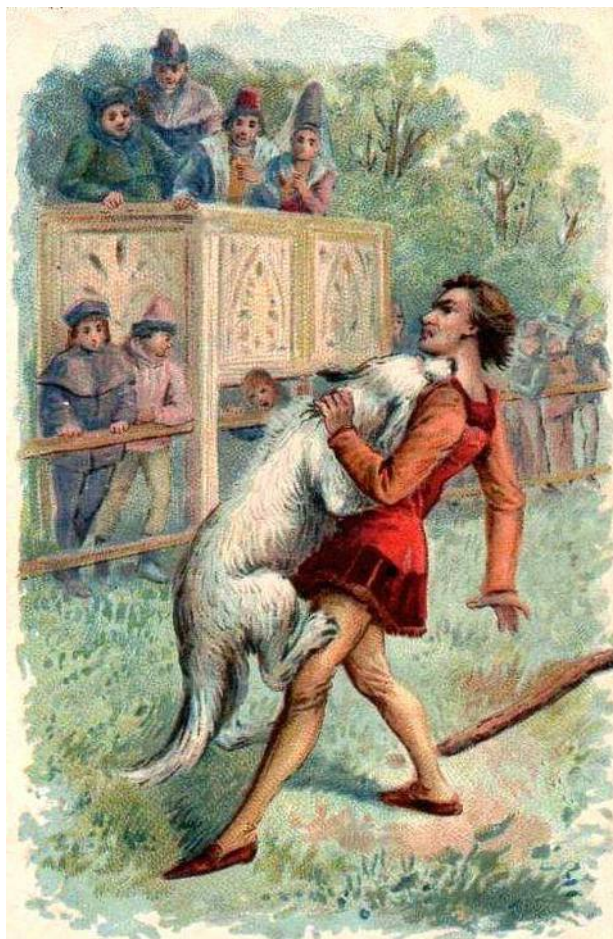
Полицейские стражники доставили Штайна в суд, в вину ему предъявили не только показания охранника, но и нашли свидетелей, что пару раз видели его около здания приюта. Германец всё отрицал: слуга врёт, а приют посещал, чтобы сделать пожертвование на содержание детей. Следствие зашло в тупик. Пытать дворянина можно было только с санкции короля, а его слово весило гораздо больше, чем признания какого-то вороватого привратника.

И тут в дело вмешалась собака: случайно повстречав баварца, она кинулась на него, рыча от безумной ярости. Когда это повторилось в третий раз, пошли слухи. Книга, которая напомнила о собаке Монтаржи, вышла недавно, и ещё была на слуху у грамотных людей. Кто-то рассказал об непонятном случае Карлу IX, и тот взял дело в свои руки. После детального обсуждения, решено было повторить судебное решение столетней давности, назначив «Божий суд» — поединок между человеком и собакой. Молодой король нуждался в необычных развлечениях, поэтому всё организовали быстро.

Штайну дали деревянный щит и сучковатую палку, а Тюльпану предоставили длинную бочку для укрытия, с вырезанным посередине отверстием.

Хотя порода «больших пиренеев» достигает в холке высоты до восьмидесяти сантиметров, Тюльпан был по виду значительно меньше. Подозреваю, он только недавно перерос щенячий возраст и ещё не вошёл в тело. Его противник, высокий крупный мужчина с резкими чертами лица, мне сразу не понравился. Подозревая, что был не одинок в своих симпатиях. Почти все зрители этого поединка, не скрываясь «болели» за собаку.

Вот только боевого опыта у последней было маловато, а, возможно, его было слишком много у её противника. Тюльпан яростно напрыгивал на врага, но тот грамотно прикрываясь щитом, наглухо перекрыл доступ к естественной цели любого хищного животного — к своему горлу. Получив несколько увесистых палочных ударов, пёс резко сменил тактику, удачно полоснув клыками по бедру человека, он умудрился вцепиться ему в правую щиколотку. Изрыгая ругательства, баварец стал лихорадочно отбиваться от повисшей на нём собаки, стремясь попасть по конечностям. Это ему удалось: передняя лапа Тюльпана оказалась сломана, досталось и одной из задних. Наконец, вырвавшись из собачьей хватки, человек отковылял к краю импровизированной аре-

ны. Несмотря на хлещущую кровь, сил и злости у него ещё оставалось достаточно. Псу досталось больше, он мог только ползти. На дуэльной площадке наступила оглушающая тишина, казалось собаку уже не спасти. Собравшись с силами, выкрикивая угрозы, Штайн захромал по направлению к Тюльпану.

Но тот доказал, что его породу не зря считают одной из самых умных в Европе, он успел заползти в своё убежище — огромную тяжёлую дубовую бочку для вина. Мало того, бочка, покачавшись в разные стороны, умудрилась перевернуться набок, отверстием в сторону земли. Достать собаку напрямую оказалось невозможно, повернуть деревянную ёмкость не хватало сил. Густав стал бить своей дубиной по бочке сверху. Я поморщился: псу внутри придётся не сладко. К счастью, надолго его не хватило, дала себя знать вытекающая из него кровь. Кое — как перевязав ногу рукавом от рубахи, Штайн без сил свалился рядом. Распорядитель объявил победителем собаку, Логика понятна: со сломанной лапой жить можно, а без врачебной помощи человек просто умрёт от потери крови. Через пару минут Штайна забрали стражники под руководством мрачного человека в рясе. Неужели, он заинтересовал инквизицию? Хотя, учитывая похищение детей, странно, что его не взяли раньше. О Тюльпане, как будто все забыли. Бочка с собакой, так и осталась одиноко лежать на площадке. Выждав, когда народ разойдётся, я подошел и легонько постучал в деревянную стенку:

— Ну, как ты там? Живой ещё?

Услышав тихий скулёж в ответ, осторожно вернув собачье убежище в прежнее положение, немного отошёл назад. Спустя пару секунд из неё медленно вылез Тюльпан.

— Пойдёшь со мной? — спросил я, заглянув в слезящиеся собачьи глаза.

Пёс молчал, не мигая, смотря мне прямо в лицо.

— Молчание — знак согласия, — не думая о возможных последствиях, я подошёл к Тюльпану, и взяв его на руки — понёс к выходу.

Дополнение:

«Дуэль собаки Монтаржи».

Монтаржи — название замка, на стенах которого нарисованы картины, иллюстрирующие эту грустную историю.

Народная молва переросла в поверье,
И так из уст в уста дошла до наших дней,
О духе тех времен и мрачной атмосфере,
О благородстве пса и подлости людей.

<https://stihi.ru/2013/07/26/7004>

В начале семидесятых годов четырнадцатого века при дворе французского короля Карла V Валуа (по прозвищу *Мудрый*) служил молодой рыцарь Обри де Монтидье. Среди окружающих о нём бытовало мнение, как о храбром и честном человеке. Обри обожали дамы, к нему благоволил король. Являясь искусным стрелком из лука де Монтидье не раз выигрывал турниры. Его соперником был некий Андре Машер, ранее считавшийся лучшим лучником французского королевства, который каждый раз терпел от Обри поражение за поражением. Злые языки за спиной подвергли его язвительным насмешкам. Однажды его терпение лопнуло, и он задумал подлое убийство соперника. Дело осложнялось тем, что Монтидье всюду сопровождал верный друг — большой пёс по кличке Геркулес. Слепым щенком пса хотели утопить в реке, но будущий хозяин спас его и вырастил в преданную и умную собаку.

Однажды рыцарь послал Геркулеса из Парижа в Фонтенбло к своей невесте, чтобы уведомить её о своём приезде. Хорошо зная дорогу, пёс выполнил поручение и стал ждать приезда хозяина. Но того всё не было и не было., и он помчался обратно в Париж. Никто не знает, как Геркулес нашёл тело Мондидье в лесу, спрятанное под огромным ворохом листьев. Машер подло убил Обри ударом меча в спину. Откопав мёртвого хозяина собака три дня просидела возле мёртвого рыцаря, страдая от голода и жажды. Затем она вернулась в город, добравшись до его друга де Нарсака. Тот хотел накормить сильно исхудавшего пса, но последний, отказываясь от еды, тянул его за собой, схватив зубами за куртку. Зная смыслённость собаки, Нарсак захватив двух вооружённых слуг, последовал за ней. Так был найден Обри де Мондидье.

Завыла,
Плащ из листьев разбросала,
Лицо лизала,
Лаяла «люблю!»
И, труп неся,
Достойные вассалы
С собакою явились к королю.

После похорон Геркулес остался жить у нового хозяина. Он не отходил от него не на шаг, словно боялся, что с ним может что-то случиться. Через несколько дней, пёс случайно увидел Машера. Ни с того ни с сего, как показалось окружающим, он бросился на этого человека, стараясь вцепиться ему в горло. Собаку еле-еле успели оттащить, но с тех пор при встрече с Машером, она яростно бросалась на него. Это вызвало подозрения, так как раньше Геркулес относился ко всем гвардейцам короля очень дружелюбно. О необычном поведении пса быстро узнали при дворе. Король решил лично провести расследование. Он приказал выстроиться перед дворцом двумстам воинам-арбалетчикам благородного происхождения. Затем во двор ввели собаку убитого юноши. Геркулес сразу же снова с лаем бросился на рыцаря Машера. Король учинил допрос подозреваемому, на котором тот все отрицал, но уже стало известно о возникшей ранее ссоре между ним и Обри. После совета «мудрейших» было решено прибегнуть к божьему суду. Машеру, как главному подозреваемому в убийстве, предстояло сразиться с собакой, которая выступала в роли обвинителя. Местом для поединка назначили остров Нотр-Дам посреди Сены. Ранним утром восьмого октября 1371 года состоялся Суд Божий. Машер

был вооружён щитом и дубиной, Геркулесу для защиты и отступления предоставили бочку с отверстием. После знака о начале поединка де Нарсак отпустил собаку. Искусно уворачиваясь от ударов, она умудрилась повалить соперника, схватив его за горло. Умоляя освободить его от собачий хватки, убийца признался во всём. Он умолял о пощаде, но король велел его повесить. Так верный пёс отомстил за хозяина. После его смерти, Геркулесу поставили памятник. Его верность люди оценили долгой памятью. Даже сейчас, в том числе в России, о нём пишут в соцсетях и сочиняют стихи.

Владимир КОСТРОВ

БОРЗАЯ МОНДИДЬЕ
(По рисункам на стене замка Монтаржи)

Гиёнской сталью — рыцарским железом,
Что равнодушно в злобе и беде,
Мессёр Машёр в лесу Бонди зарезал
Мессира Оберй де Мондидье.

Как только зависть верх взяла без бою
И гордый дух покинул естество,
Под красною осеннею листвою
Зарыл предатель друга своего.

Глухая ночь укрыла лицемера,
Но были ноги коротки у лжи.
И день начался песней шантаклёра
У родового замка Монтаржи.

Сорвавшаяся у псаря со створа,
Наверно чуя, что, когда и где,
Примчалась к телу своего сеньора
Любимая борзая Мондидье.

Завыла,
Плащ из листьев разбросала,
Лицо лизала,
Лаяла «люблю!».
И, труп неся,
Достойные вассалы
С собакою явились к королю.

На мощный двор, копытами прибитый,
Из башни, как из-под небесных сфер,
Спустился к ним король Филипп со свитой,
Где между прочих был мессёр Машёр.

Борзая заскулила с подголоском,
В её клыках родился дикий свист,
Как-будто перед ней был волк булонский
Иль курокрад, жирондский рыжий лис.

И отвести не мог убийца взгляда,
Не спрятал посеревшего лица.
И был язык борзой, как пламя ада,
Как красный лист с могилы мертвеца...

Был полон двор, и некуда податься,
И усмехнуться не хватало сил.
Король сказал: «Вам надо оправдаться,
сразитесь-ка с собакою, мессёр!»

Машёр едва ответил: «Нет... Не надо».
К нему рвалась борзая, клопоча.
Филипп со свитой обменялся взглядом
И ласково кивнул на палача.

Смерть рыцаря записана курсивом,
Судьбу его продлив на сотни лет.
Он был красив, король Филипп Красивый,
И справедлив, когда убытку нет.

Когда удобно было — верил в Бога.
Мы неподвластны высшему судье.
А то б для многих выла у порога
Безумная борзая Мондидье.

(В своей балладе поэт Владимир Костров перенёс время этой истории на столетие раньше, во времена короля Филиппа IV Красивого).

Иллюстрации: гравюра XIV века, Франция.

Памятник «Бой собаки и человека» Фонтенбло, Франция.

(Для души) Владимир Захаров (Рок Острова) «На кольцевой» (песня про верного пса).

<https://www.youtube.com/watch?v=a7uUVM3HMjU&t=7s>

Глава 21

Ветер рвал одежду, стремясь скинуть шляпу и распахнуть полы камзола, пронизывая тело до самых костей. Зато паруса, надутые как половинки воздушных шаров, радовались его силе. Первое время океанская качка доставила мне массу неудобств, но потом, ничего, притерпелся. Повезло, некоторые не могут привыкнуть к ней никогда. Холодно. Постояв немного, я вернулся в каюту. Прошёл месяц, как моя эскадра отчалила от берегов благословенной Франции. Пять больших галеонов и шесть каррак, плюс небольшая каравелла представляли собой значительную силу. Не считая команды, они вместили почти три тысячи человек. Из них восемьсот вооружённых до зубов солдат и наёмников. Большая сила в этих далёких от цивилизации местах. Остальные — это ремесленники, строители и крестьяне. Две сотни женщин и детей, в основном члены семей набранных поселенцев. Первым делом на новых землях нужно построить жильё и посадить урожай. Женский пол можно довести и потом, когда всё немного устаканится. Нехватка девок — обычная проблема заморских колоний. Хорошо, что мне доступен опыт последующих поколений. Людовик XIV, например, решал проблему по-своему. Всем желающим французским девушкам и женщинам от шестнадцати до сорока лет было предложено переселиться в Канаду, с обязательством найти там себе мужа. Супруга выбирали по согласию. Восемьсот «королевских дочерей» возили по всем поселениям, где они могли познакомиться и стовориться с возможным наречённым. Многим предоставляли небольшое приданное, в которое входили дефицитные для колоний вещи: шнурки для обуви, иглы и перчатки. Тем, кто родит десять детей, обещали денежную награду. Продовольствия в заморских землях хватало, поэтому процент выживших детей был гораздо выше, чем в Европе.

Также, я очень надеялся на местное население. Породниться с индейцами было бы совсем не плохо. Так как, переселенцам будет нужно всё больше и больше земли, аборигенам придётся потесниться. И у них останется только два выбора: частичная ассимиляция и переход на новые способы хозяйственной деятельности или война на уничтожение. Увы, иного история нам не поведала.

Кроме людей корабли несли в своих трюмах различные инструменты и оборудование — всё для организации собственного производства. От кузни до пороховой мельницы. Не сразу, но мы её запустим. В планах наладить уровень производства не хуже, чем в метрополии. Не только для своих нужд, но и для продажи. В том числе в испанские колонии. Подобное пока под запретом, но думаю с испанцами удастся договориться. Вода камень точит, а учитывая обоюдную выгоду...

Испания нам не враг, тем более сейчас у неё с Францией заключён мир. Вообще, история пиратства на Карибах делится на несколько этапов. Первыми начали пиратские действия против испанцев французы. С 1530-х до 1559 года они пили горячую кастильскую кровь. Потом, после мирного договора, каперские свидетельства были отозваны. Все, кто не послушался стали обычными пиратами. Начался так называемый английский период (1560–1620 гг.). Не имея ещё достаточно сил, чтобы на равных тягаться с испанским флотом, Англия сделала ставку на корсаров. Из них особо отличились Джон Хоукинс и

Френсис Дрейк. Малая война, включающая не только морской разбой, но и контрабандную торговлю успешно оправдала ожидания британской короны. Предприимчивый Хоукинс, первым из английских судовладельцев наладил доставку чёрных невольников из Африки. Эпидемии, принесённые белыми переселенцами, выкосили до девяносто процентов коренного населения Карибского бассейна, поэтому испанские плантаторы очень нуждались в рабочей силе. Меняя негров на сахар, табак и жемчуг, Джон с большой выгодой продавал обменный товар в метрополии. Королева Елизавета возвела его в рыцари и даровала герб, украшенный фигурой связанного африканского невольника.

Но, наибольшую славу заслужил Френсис Дрейк. Родом из разорившейся аристократической семьи, опустившийся до простого фермерства, он с ранних лет испытал все трудности морского ремесла. Среди его предков был даже знаменитый английский литератор четырнадцатого века Джеффри Чосер, автор «Кентерберийских рассказов». К двадцати годам он уже стал капитаном и владельцем собственного корабля. Попав под покровительство кузена Джона Хоукинса, он быстро выучил все альфы и омеги пиратского ремесла. Однажды, они вместе с Хоукинсом чуть не погибли у стен небольшого испанского городка на побережье Мексики. Ослеплённый мстью, Дрейк совершает два самостоятельных похода на Карибы в 1570 и 1571 годах. В последнем он весьма преуспел, а вот о первом историки умалчивают, так как не нашли достоверных сведений об этом событии. Мне повезло больше: его корабль попался на встречу нашей эскадре.

Всё произошло неожиданно, сбежать он не успел, да, похоже и не стремился. Мы шли под флагом с королевскими лилиями, это давало определённые гарантии — хитрец загодя тоже поднял французский флаг. Решив переговорить с незнакомым капитаном, я пригласил его на свой корабль. И там, тет-а-тет в моей каюте, предварительно прощупав почву, он сделал мне своё предложение. Что ж, этому авантюристу в смелости не откажешь. Впрочем, Дрейк нашёл единственный аргумент, из-за которого я не приказал его выбросить за борт — обоюдную выгоду. Иначе, он бы умер — слишком много пользы принес этот человек для своей английской родины.

В своих последних вылазках на Карибы пират не только гнался за добычей, но и занимался анализом особенностей испанской оборонной стратегии. Больше всего, как работает механизм доставки золота и серебра от колоний до Старого Света. И если о морском пути в общих чертах было известно, да и большинству пиратов он был не по зубам, то о сухопутном не задумывался никто. Испанцы же расслабились, уверовав в своё неодолимое превосходство в глущи континента. Слабым звеном в доставке финансов был Панамский перешеек. Желая сэкономить кастильцы работали по очень простой и примитивной схеме: драгоценный металл накапливали в Панаме, затем переправляли в порт Номбре-де-Диос, где грузили на корабли и отправляли в Испанию. Мало того, что этот порт был довольно слабо укреплен, так ещё из Панамы до него все ценности ехали на спинах мулов, причём с весьма слабой охраной! Дрейк сразу понял, что ухватил удачу за хвост.

Не знаю, что заставило его поделиться этой идеей со мной: может сработала чуйка (кому охота умирать в тридцать лет?), а может просто реально оценил свои силы. Так то, в будущем он неплохо поднялся, но упустил основные ценности. Даже не смог полностью унести награбленное — банально не хватило людей.

Конечно, никакой конкретики он не сказал, отделался намёками и общими фразами. Но, я-то сразу допёр — подробно читал про сию историю в студенческие годы. Естественно, пират перестраховался: наши отряды должны быть равны по численности, прибыль пополам. Ну-ну, подозреваю, что у нас обоих здесь имелось своё мнение. Посмотрим, кто кого переиграет. Кто въедет в город на белом коне, а кто ляжет в матушку сыру-землю. Лично я Дрейка в живых оставлять не собираюсь. Дело решили провернуть в следующем году. Как раз должны успеть до Варфоломеевской ночи, когда ко мне пойдет поток новых подданных из спасшихся гугенотов.

Разумеется, захватить ценный груз я мог бы самостоятельно, только что потом? Во-первых, как официальное лицо могу спровоцировать новую войну между самыми могущественными державами Европы. Во-вторых, о добрососедских отношениях с Испанией можно будет забыть. А так, под чужой личной, чужими руками... Даже, если что-то заподозрят, доказать будет непросто. Особенно, если, качественно запутав следы, переключить внимание на другого. Мысли на эту тему есть. В общем, проводил гостя я в отличном настроении. Появилась новая тема, как говорили некоторые личности в российские девяностые: и бабок подниму, и приключения себе найду на одно место... Последнее, уже я добавил — шоб сильно не увлечься.

Чтобы переключить мысли прошёлся по палубе, оглядел величественную цепочку из белоснежных парусов, следующих за моим кораблём. Впечатляет!

Галеон в испанском стиле представлял собой двухпалубный корабль с высокой кормой. Длина больше сорока метров, ширина — шестнадцать. Вооружение пятьдесят — восемьдесят орудий. Экипаж (матросы плюс солдаты) до шестисот человек.

Каррака типового размера: длина до пятидесяти метров, ширина до двенадцати, высота до девяти метров. Большая каррака могла принять на борт от пятисот до тысячи двести человек. Карраки имели интересную особенность: большие марсовые корзины на мачтах. Обычно, в них размещались вперёдсмотрящие, но во время боя сидели лучники и арбалетчики. Высшим шиком

считалось поместить туда мушкетёров — один стрелял, а ещё четверо заряжали оружие. Таким образом, можно было контролировать вражескую палубу сверху, особенно полезная штука, если корабли были одинаковой высоты. Вооружение каракки варьировалось от двадцати до сорока пушек плюс десятков-второй лёгких поворотных орудий — фальконетов и судовых бомбарделей.

Мои три тысячи колонистов разместились легко, но свободного места не осталось: кроме промышленного оборудования везли не меньшую ценность — домашнюю птицу и скот.

В бедро кто-то ткнулся мокрым носом. Опустившись на корточки ласково потрепал Тюльпана за уши. Собак почти оправился — недаром лечил его каждый день, накладывая руки на повреждённые места утром и вечером. Пёс уныло смотрел на окружающую корабль водную пучину — понимаю, самому надоело...

Скучно плыть — до места месяц ещё. Делать нечего: только планы строить,

да прошлое вспоминать. После «собачей» дуэли много чего ещё случилось.

* * *

Вечером, после дуэли ко мне пришёл отец Себастьян. Он был краток:

— Сын мой, церковь нуждается в вашей помощи.

По его решительному виду было видно, что отказ не предусмотрен. Мои игры с инквизиторами в Германии никто за просто так прикрывать не будет. Коротко вздохнув, только спросил:

— Сколько людей брать с собой?

— Всех!

— Ого! Дело серьёзное?

Мой вопрос остался без ответа.

Будьте готовы завтра на заходе солнца.

И вот сидим ждём неизвестно чего, чтобы пойти неизвестно куда. Как меня уже задолбала эта Европа, где оказывается, что я всем должен и везде виноват. Хочу в Америку, надеюсь хоть там буду сам себе хозяин.

Выдвинулись, когда стемнело. Нестройной толпой, при свете десятка чадящих факелов молча шли по тёмным узким улочкам. Добравшись до большого дома, больше похожего на маленький дворец, остановились возле высоких кованых ворот, загораживающих поворот в прилегающий к зданию проулок. Суровый монах в чёрном, скрывающем лицо капюшоне, что-то шепнул нашему сопровождающему.

— Ваше сиятельство, нужно войти в дом и убить всех, кто там находится.

Я нахмурился: использования моего отряда в качестве хладнокровных убийц не показалось мне хорошей идеей.

Отец Себастьян вздохнул. Понял, что без объяснений хорошей работы от меня не дождаться.

— Братья допросили Густава Штайна. Он поставлял младенцев для чёрных месс. Дьяволопоклонники. В центре Парижа. Замешано ближнее окружение королевы-матери. Некоторых людей мы не можем подвергнуть публичному суду. Огласка очень сильно ударит по репутации королевской семьи. Лицам, замешанным на таком уровне, лучше просто бесследно исчезнуть.

— Слуг? Они тоже пойдут под нож?

— Поверьте, друг мой, там нет невинных. Оказавшись внутри, вы всё поймёте сами, — иезуит, не мигая, смотрел в глаза.

Что мне оставалось делать? Незаметно вздохнув, я дал своим людям знак, начать операцию.

Через некоторое время раздались крики, послышался звон оружия, на втором этаже с треском разбилось оконное стекло. Затем наступила тишина. Всё закончилось быстро — нападения явно не ждали. Поигрывая обнажённым стилетом, ко мне подошёл Ганс:

— Вам надо это увидеть, Ваше сиятельство.

Мы спустились в подвал, наёмник шёл впереди, внимательно смотря по сторонам. Просторное мрачное помещение с полукруглыми сводами наведало не самые приятные ассоциации. В одном из углов лежала пара мешков. Неприятный запах, исходивший от них, чувствовался уже за несколько метров. Ганс развернув мешковину, позволил мне взглянуть на содержимое. Почувствовав, что обеденная пища просится наружу, я поспешно отвернулся от неприглядного зрелища. Тела младенцев, бледные от отсутствия выкаченной

крови, совсем не то зрелище, которое необходимо для сохранения душевного спокойствия. Пока приходил в себя, не заметил, как вездесущий иезуит присоединился к нашему обществу.

— В саду нашли большое захоронение. Останки просто сбрасывали в глубокую яму, слоями, присыпая землёй и поливая известью.

— Зачем всё это?

— Зачем? — зловещая улыбка падре могла сейчас напугать непосвящённого человека.

— Ванны, наполненные кровью младенцев, принимали знатные дамы, чтобы улучшить качество кожи. Некоторые части тел использовались для приготовления колдовских снадобий и эликсиров. Говорят, это омолаживает.

— Чёрная месса! Эта зараза свела свои корни в самом сердце Парижа, добравшись до больших вельмож среди королевского двора. Сегодня мы выжгли один из её очагов.

Отец Себастьян ненадолго замолчал.

— Хочешь знать, как проводится ритуал?

Я не ответил. Вопрос был явно риторический.

— Женщину, которая заказала чёрную мессу, клали обнажённой на специальный алтарь. Затем нечестивый священник читал над ней молитву, обращённую к дьяволу. После чего на тело женщины ставили чашу, наполненную кровью невинных младенцев. Иногда, приносили живого грудного младенца, прямо над алтарём перерезая ему горло. Затем держали над чашей, пока кровь не наполнит сосуд. После чего кровь добавляли в тесто, смешанное с навозом, из которого пекли облатки, съедавшиеся заказчицами этого богопротивного ритуала. Многие высокопоставленные особы, желая посмотреть на чёрную мессу, платили за это огромные деньги.

Детей заранее покупали в предместьях Парижа, населённых нищими и городской беднотой. Родители, не способные прокормить своё чадо, охотно продавали ребёнка за несколько ливров, наивно полагая, что его воспитают в богатом доме в сытости и довольстве. Но ребёнка приносили в жертву дьяволу! Ведь в этом случае последний выполнит любую просьбу заказчицы.

Я молча кивал головой, погружившись в свои мысли. Так вот, где собака зарыта! Если, я правильно понял намёки иезуита, зараза коснулась ближнего окружения королевы. Чтобы, не выносить сор из избы, для внесудебной расправы привлекли меня с личными слугами. Дыма без огня не бывает. После смерти короля Карла, ходили слуги, что его отравили по приказу матери. Бол-

тали ещё про нечестивые обряды в пользу врага рода человеческого. Но, всё это было писано вилами по воде — без свидетелей и доказательств. А вот через сто лет, при Людовике XIV была вскрыта чуть ли не подпольная секта. Под следствием оказалось почти две сотни человек, тридцать четыре взошли на эшафот.

Тогда всё началось с известной знахарки мадам Монвуазен. Задолго до открытия стволовых клеток она узнала о живительных свойствах плаценты. Используя «энергию молодости», извлекаемую из «рубашки», в которой рождается ребёнок, она изготавливала мази и притирания. Работая акушеркой, занималась подпольными абортами. Специально выискивая забеременевших проституток и простолюдинок, знахарка на последних сроках помогала им избавиться от плода. После ареста в её саду нашли больше двух тысяч детских могил.

Заказать чёрную мессу у госпожи Монвуазен стоило от сотни тысяч ливров, восковую куклу, чтобы наслать порчу около двадцати, а порция качественного яда — 50 000. Её услугами пользовалась сама маркиза де Монтеспан, фаворитка короля-солнца. Людовик XIV, чуть не отбросил коньки, только чудом не став жертвой своей ревнивой любовницы.

Тогда дело наполовину замяли, но, как показали нынешние события, корни у него идут в давние времена. Жаль, что я оказался в этом замешен. Единственный плюс озвучил отец Себастьян: церковь за помощь в данном щекотливом деле воздаст мне сторицей. Значит, мои разборки с зарвавшимися баварскими инквизиторами можно окончательно приписать забвению.

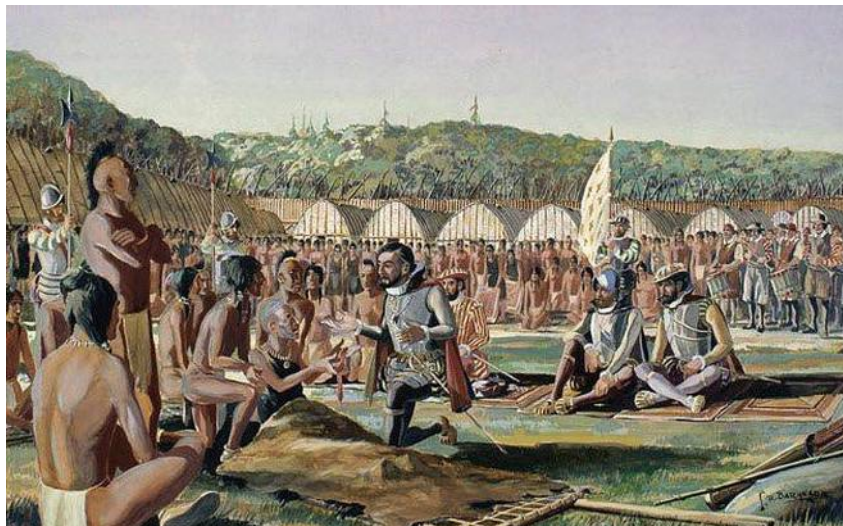
* * *

Пятьдесят пять дней — ровно столько нам понадобилось, чтобы достичь нужного для высадки места в Новом свете. Нельзя сказать, что мы шли в полную неизвестность. Французские мореплаватели уже много лет назад исследовали все эти места. Были даже составлены, пусть примитивные, но карты. Все нужные сведения были любезно предоставлены соответствующими королевскими службами. Высадились мы в том месте, где через пятьдесят лет английские пуритане в старом будущем заложат город Плимут, положивший начало Новой Англии.

Честь первым ступить на американскую землю, я не уступил не кому. Спрыгнув со шлюпки прямо в воду, через небольшую песчаную отмель вышел на поляну перед темнеющим в дали лесом. Деревья уже лишились снежного

покрова. В этом месте весна начинается рано. Глубоко вдохнув воздух, сняв шляпу, изобразил нечто вроде короткого придворного поклона:

— Ну, здравствуй Америка! Нежданный гость приветствует тебя!

Глава 22

Место под первую высадку было выбрано не случайно. Решил «застолбить» все территории на которых в моём будущем были основаны первые поселения в Северной Америке. Кроме нынешней, это ещё три географические точки: остров Манхэттен (будущий Нью-Йорк), побережье Виргинии и устье реки Святого Лаврентия. Надеюсь, название и история новых поселений после нашего вмешательства будут совершенно другие. Но с ними позже, сейчас первоочередная задача закрепиться на данном конкретном месте.

Климат здесь терпимый, осадков выпадает много. Зимой обычно не больше пяти — семи градусов ниже нуля, летом двадцать — двадцать пять. Это на побережье, далее в глубь материка уже холоднее. Большой минус в наличие постоянных ветров. Также, берег подвержен тайфунам и ураганам. Но, ничего, люди тут как-то жили, значит, не всё так печально. В любом случае, сейчас не до рефлексий — надо строить жильё и обустраиваться.

Как временный вариант подойдут шалаши, полуземлянки и подобие индейских вигвамов: каркасы из жердей, покрытые корой или обтянутых шкурами. Лишь бы было где укрыться, пока не построим постоянное жильё. Дома решили строить фахверковым методом. Выдумывать ничего не стал, вспомнив опыт английских поселенцев. К примеру, строительство Филадельфии осуществлялась по инструкции некого Пенна, изданной в 1648 году. Согласно этому документу дом размером 5,5 на 9 метров, состоящий из трёх комнат, должен был быть построен в срок не более сорока шести дней. Единственное следовало заморочиться механизированными лесопилками, приводимыми в движение ветром и водой. Умельцы имелись, но это позже. Пока будем пилить вручную — пилами.

Фахверк — старый способ постройки домов, представляет собой каркасную конструкцию с различным заполнением, дословно «ящичная работа». Основа такого дома — каркас, образованный жёстко связанной системой горизонтальных и вертикальных брусьев и раскосов с заполнением промежутков камнем, кирпичом, глиной и другими подобными материалами.

Самым доступным наполнителем был глиняный саман. Глину предвари-

тельно смешивали с соломой или камышом, чтобы избежать растрескивания и распада на куски. Для удержания самана в стене, под него готовили плетёное основание из тонких веток, которое вставляли в заранее сделанные пазы деревянного каркаса. Щели между заполнением и брусками заделывались шерстью, смешанной с известью. Затем, поверхность самана штукатурили известковым раствором, белили или красили. Можно было использовать кирпич или камень. Но, каменный наполнитель имеет большой вес и хуже держит тепло.

Позже можно будет наладить производство кирпича с упором на строительство строений в несколько этажей. Почему не использовать для домов брёвна? Ведь срубить сруб занимает даже меньше времени. Ответ очевиден — дереву нужно высохнуть, а это время. Бруски же не ствол, высохнут быстро. А там посмотрим.

Дом для меня и ближних, а также здание арсенала построили за три недели. Доски и бруски привезли с собой из Франции. Так что, через месяц я проживал в относительном комфорте. Крыша была сделана из гонта: деревянных дощечек, которые получали, раскалывая тяжёлым колуном сосновые или лиственничные чурки. Затем эти дощечки укладывали на крышу в несколько слоёв, наподобие черепицы. Ещё было быстро возведено несколько бань в русском стиле — гигиена, а также возможность прогреться после рабочего дня, прежде всего. Народ сначала отнёсся к новой забаве недоверчиво. Но потом, распробовав, постепенно начал привыкать. Еду взяли с собой с большим запасом, но сразу стали стараться переходить на местные ресурсы. Для охоты на баркасах уходили дальше по побережью, чтобы не конфликтовать с местными индейцами. Зато рыба — наше всё. Освоили морской ресурс сразу — в полупромышленных масштабах. У индейцев переняли новые сельхоз культуры: маис и кукурузу. Не забыли и про европейские овощи: в начале лета поля вокруг нашего поселения зазеленели.

Земли на тридцать полётов стрелы от прибрежной скалы, были выкуплены у индейцев. Металлические предметы быта и стеклянная бижутерия пошли у них на ура. Пока этого достаточно, дальше же требуется проводить взвешенную политику. В планах было сделать соседние индейские племена частью нашего анклава. Не рассматривать их как людей третьего сорта, а вовлекать в жизнь нового государственного образования в качестве полноправных граждан. Искать и использовать все точки соприкосновения. Поэтому, я не только не препятствовал, а наоборот, всемерно способствовал отцу Себастьяну в его стремлении приобщить аборигенов к истинам новой веры. И иезуит занят, и индейцы будут меньше думать о нас, как о врагах и захватчиках. Также, все поселенцы, кто женится на аборигенке, получают беспроцентный кредит на строительство нового дома, налоговые и торговые льготы. Землю мы и так, собирались всем желающим выдавать бесплатно. Конечно, у меня был прицел на государственные и частные коллективные хозяйства.

Предполагалось развивать плантации, чтобы торговать с Европой. Сахар, хлопок, табак, пушнина, ром — традиционные культуры, на которых многие торговцы с Новым Светом сделали состояние. Но, по одиночке плантации не обрабатываешь. Использовать рабский труд, как в испанских колониях, я не хотел. Потому, идея коллективных собственников, завязанная на общую трудовую деятельность, представлялась мне достаточно привлекательной. Именно,

коллективной — плодить крупную буржуазию с претензией на олигархию, у меня никакого желания не было. Вот создать большую государственную компанию, где меньшая часть паёв будет принадлежать нужным лицам, типа французского короля, дофина и церкви — другое дело. Госмонополия, которая будет рулить крупной торговлей и регулировать цены.

Схема простая: у производителей покупается товар по «правильным» ценам: достойная оплата, но никаких сверхприбылей. Далее государственная компания монопольно продаёт весь товар (доставив его непосредственно в Европу), минуя частных посредников — и снимая все финансовые сливки. Отстегнув долю малую короне и церковникам (плата за протекцию и отсутствие саботажа наших начинаний), остальное полностью переходит в бюджет колонии. Лично мне много не надо, за большими деньгами не гонюсь — интерес в другом. Создать нужно даже не одну компанию, а несколько. В том числе производственные: оружейную, пушечную, суконную, кирпичную и другие мануфактуры. Организовать сеть магазинов, где колонисты могут купить необходимую им продукцию по льготным ценам или оформить в долг. То есть вроде, как и развивать частное предпринимательство, но в то же время искусственно ограничить рост излишне крупного частного капитала.

Все эти планы, я начал строить, заселившись в новый дом, делегировав многие вопросы другим лицам. Первый месяц был сумбурным: пытаюсь вникнуть и лично контролировать все процессы во всех сферах нашего обустройства, я буквально зашивался. Здраво дело, быстро поумнел и переложил конкретные задачи на плечи помощников, оставив за собой только общее планирование.

А сделать предстояло много: адаптация законодательной системы, организация обучения и создание школ для детей, мероприятия в военной сфере, медицинское обеспечение и т. п. В общем, созвал совет и назначил ответственных. По типу: вот ты врач — за тобой больница и карантин; разбираешься в строительстве — занимайся стройкой и заготовкой леса. В остальных сферах хозяйственной и административной деятельности поступил так же. Отличившихся наградим, не справившихся — накажем. С утра собирал небольшие планёрки, где давал наказания и советы, делясь практичной информацией из будущего. Не совсем же я профан, кое какая полезная инфа у меня отложилась. Всё остальное время уделил тому, чем и должен заниматься в это время правитель — военным вопросам и армии. А там ещё и конь не валялся.

Част моего отряда составляли наёмники, часть королевские солдаты. Была ещё сборная солянка «добровольцев», набранная из обедневших дворян, дезертиров, бывших бандитов и разбойников. Хотя, в это время грани между этими категориями были весьма размытыми.

В королевской армии Франции и не только, сейчас торжествовал форменный бардак и неразбериха. Офицерские чины продавались королём, значит особой подготовки от офицеров ждать не следовало. Благо, таких субчиков у меня не водилось, но с нижними чинами дело обстояло не лучше. Как рядовой француз мог попасть в армию? Перед началом военной компании офицеру вручалось предписание, наделяющее его правом набирать солдат для пополнения вверенных им подразделений — рот и полков. На это он получал определённую сумму денег, которое должен был потратить на вербовку, экипировку и выплату жалованья. Контроль за расходованием средств не преду-

смастривался, чем офицеры не стесняясь пользовались. Феномен «мёртвых душ» придумали и апробировали задолго до Чичикова. Во время смотров, а деньги выдавали только по предъявлении рекрутов, капитаны пополняли солдатские ряды «статистами». Дезертирство их не сколько не пугало, а было только на руку, позволяя прикарманивать жалованье. Дезертиров же хватало: капитаны плохо знали своих служивых в лицо, а вместо имён у тех бытовали прозвища. Надо ли говорить, что особо подготовкой солдатской массы особо никто не утруждался.

Интендантской службы и санитарных рот в войсках не было. Для поставки продовольствия и фуража, король нанимал специальных «снабженцев», которые приворовывали и не соблюдали условия сделки. Солдаты голодали, пугая окружающих своими лохмотьями. Военные действия велись полгода, остальные шесть месяцев армия проживала на зимних квартирах. Реально большинство солдат и офицеров на это время распускали, или они разбредались самостоятельно.

Немного получше дела обстояли у наёмников. Последние набирались только во время войны, обычно на полгода. Для ускорения процесса наёмников нанимали уже сложившимися отрядами, с собственными командирами, амуницией и оружием. Наёмник получал от своего командира оговорённую плату, его учили действовать в строю и заряжать своё огнестрельное оружие. Вооружение, экипировка и продовольствие — на счёт этого солдат заморачивался самостоятельно. Сам нанимал себе прислугу и заботился о перевозке своего имущества. В результате за отрядом следовал длиннющий обоз, а нонкомбантов в армии оказывалось больше, чем солдат.

Пушкари и пушки была особая песня. Единообразием здесь и не пахло: применялись калибры всех размеров, начиная от 48-футовых орудий до фальконетов с дулом для полуфунтовых пуль. Малые калибры были более мобильны, но давали недостаточный разрушающий эффект. Крупные калибры обладали значительной силой, но были трудны в перемещении. Поэтому в каждой батарее старались представить весь ассортимент. На поле сражения пушку заряжали рассыпным порохом: его засыпали лопаткой, затем забивали пыж и ядро. В запал также засыпали порох, и на весь процесс тратилось значительное время. Лафеты были неуклюжими, для каждого калибра требовалась особая модель. Угол возвышения ствола регулировали специальным подъёмным клином.

Пушкари себя регулярными солдатами не считали, составляя отдельную гильдию. Пополняясь учениками, они приносили особую присягу о неразглашении тайн своего мастерства. Пушкарь получал под командование одну пушку, ученика, верховую лошадь и несколько профессиональных помощников. Это, не считая придаваемых при потребности людей для передвижения тяжёлых орудий. Платили таким артиллеристам вчетверо больше, чем простым солдатам. Во время битвы орудия размещали в ряд: их снимали с передков, а лошадей отпрягали. Небольшие пушки солдаты перетаскивали на руках. Порох и ядра везли на отдельных повозках. Все процессы: маневрирование, зарядание, затравка, прицеливание и стрельба были весьма небыстрым делом. В результате артиллерия хорошо показывала себя в обороне. В наступление из-за низкой мобильности она была практически бессильна. Каменные ядра были хрупкими и не давали рикошета. Лечить это пытались, оковывая

их железными полосами. Бронзовые ядра были дороги, а чугун ещё не получил должного распространения.

Вспомнив всё, что смог о вооружениях и военной тактике второй половины шестнадцатого века — сделал для себя должные выводы и составил примерный план ближайшего и долгосрочного развития.

Своё поселение придётся оснащать фортом с кирпично-земляными укреплениями. Пока же обойдёмся деревянным частоколом с укреплёнными воротами и башнями по углам. Со стороны набережной установить тяжёлые дальнобойные пушки, на башни поставить лёгкие фальконеты на вертлюгах. Так как глобальных сухопутных сражений у моей карманной армии не предвидится, следует заточить её на тактику лёгких летучих отрядов. Умение грамотно держать оборону и осаду, думаю пойдёт довеском. С кем мне здесь воевать? С индейцами? Возможно ещё пираты, но мы им не по зубам. Испанцы сюда доберутся ещё не скоро, вернее не доберутся никогда. Их интересам, официально мы не угрожаем.

Значит, прежде всего надо превратить тот сброд, что имеется в моём распоряжении в нормальный спаянный жёсткой дисциплиной отряд, стандартизировать вооружение, привить необходимые военные навыки.

Сейчас распространены баталии: компактное построение тридцать на тридцать человек. Способное отразить атаку конницы с любого направления. Алебардчики и стрелки прикрывают пикинёров. В Испании изобрели «терцию»: построение 20 рядов в глубину и 60 — по фронту. Нам такое не пригодится, по причине полного отсутствия конных войск у потенциального противника. В тему будут небольшие отряды, вооружённые как огнестрелом, так и холодным оружием. В лесу сильно не развернёшься, поэтому понадобятся разные умения.

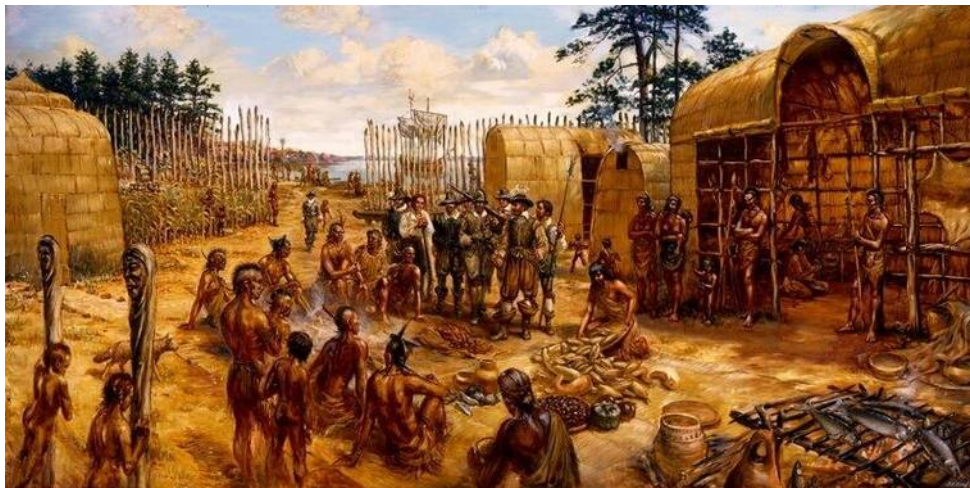
Значит начнём со строевой подготовки, затем стрельба, фехтование и азы рукопашного боя. Придётся лично готовить инструкторов по первой и последней дисциплинам. С остальным разберутся сами. Следует уделить внимание морской пехоте, приёмам абордажной и контрабордажной тактике. Торговые суда нашей колонии нужно будет защищать от пиратов. Сам пиратством заниматься не буду, разве что, разовая акция на панамском перешейке совместно с Дрейком. Деньги нужно зарабатывать производством и торговлей, а не разбойным ремеслом. Позже планирую создать целый флот из небольших су-

дов, вооружённых тяжёлыми пушками. Именно на таких мобильных кораблях пираты ближайшего будущего будут щёлкать испанские галеоны и карраки как жареные орешки. Вот тогда и зададим английским корсарам жару. Поможем испанцам, не бесплатно конечно, а за немалые преференции. Думаю, результат будет в итоге более выгоден, чем от банального разбоя.

Есть тема, как модернизировать аркебузы и мушкетеры. Перед отъездом из Парижа, меня тайно посетила Розали. Поблагодарив меня за заступничество на дуэли, она передала мне адрес оружейной мастерской в Париже, где работает её брат по крови Марен де Бурже, один из бастардов отца девушки. Там делали элитные колесцовые замки для длинного и короткого огнестрела. Выходило дорого, но сильно повышало боевой потенциал. Главное, я вспомнил, что именно этот молодой мастер, по основной профессии считающий себя художником, вскоре изобретёт особый батарейный замок, объединивший скользящую крышку полки с огнивом. Кроме того, Бурже сделал шептало (спусковой крючок) перемещающимся не горизонтально, а вертикально, что существенно облегчило спуск. Этот тип кремневого замка не был идеальным, часто давая осечки, но по этим временам стал большим шагом вперёд. Он просуществовал более двух с половиной веков. Надеюсь, с моими небольшими подсказками (примерно помню, как выглядит оригинал), он справится с задачей гораздо раньше.

На очереди оснащение винтовки штыком и смена тактики применения на поле боя лёгких пушек. Придумывать ничего не надо, достаточно просто повторить военные реформы шведского короля Густава Адольфа. Всего через шестьдесят лет он сделает армию маленькой Швеции самой боеспособной в Европе.

Дел предстояло столько, что поневоле пробирала оторопь. А куда деваться? Собрал волю в кулак и пошёл в сотый раз показывать своим «зольдатен» эргономику строевого уклада двадцатого века. Утешая себя китайской поговоркой, что Путь в тысячу ли начинается с первого шага.

Глава 23

За пять прошедших в неустанных трудах месяцев сделано было немало. Увы, этого было недостаточно. Были решены только основные задачи. И то, далеко не окончательно, и не в полном объёме. Правда, на другой вариант, я и не рассчитывал.

Продовольственная независимость: на полное само обеспечение колония пока ещё не вышла. Овощи, кукуруза, рыба — этого было заготовлено в избытке. С мясом были проблемы: охотой на такую прорву народа не напасёшься, а для создания своего поголовья домашнего скота нужно время. Зерно также придётся заказывать в Европе. Но, в целом ситуация с продовольствием у нас сложилась благоприятная. Первые английские колонисты жили впроголодь, а мы не бедствуем. У многих наших поселенцев пищевой рацион на родине был гораздо хуже.

Ремёсла и «промышленное» производство сделало первый шаг, чтобы крепко встать на ноги. Несколько кузниц делали оружие и орудия труда для обмена с индейцами и собственных нужд. Причём, что особенно важно, используя собственное сырьё. Нужные руды нашли не так далеко (по американским меркам). Качество производимого было похуже чем в метрополии. Но лиха беда начало. Стеклодувы, гончары, портные — все нашли свою нишу. Последние экспериментировали с местным материалом. Конопля там или ещё что: особо в тему не вникал, но пусть грубые, годные только для хозяйственных нужд, но какие-то изделия у них получились. Циновки же здесь умели плести даже индейцы. Столяры гнали мебель потогонным способом. Массовую без особых изысков, вручную, но спрос удовлетворяли. Самых больших высот добились строители: глины, леса и камней на новом месте жительства хватит на несколько поколений.

Дома были построены для всех. Не все каркасные, хватало и полуземлянок, но зиму встретим в тепле. Было заготовлено большое количество брёвен, сложенных на просушку. Создалось товарищество для строительства срубов и блокгаузов. Будут делать для нужд города и на продажу всем желающим. Каркасный дом, конечно, дешевле и быстрее, но дальше вглубь материка гораздо холоднее, нужны стены потолще. Лесорубы трудились не покладая рук, расчищая поля для земледелия и табачных плантаций. На будущей год, решили осваивать Вирджинию, там табак растёт лучше. Сейчас, продавать его в Европе будет очень выгодно, такое положение сохранится ещё около ста лет.

Единственное, на плантации нужны работники. Англичане в своё время использовали дармовой рабский труд сервентов (белых долговых рабов), негров и пленных индейцев. Для меня это неприемлемо, поэтому будем пытаться создать что-то вроде кооперативов. Бедняков в Европе хватает, пусть начинают с работы на плантациях. Создать им приемлемые условия труда, пообещать сладкую морковку в виде стать частичным собственником предприятия — думаю, люди горы свернут, работая на себя, а не на дядю.

Сообща, написали местный свод основных правил и законов. Для вида, опираясь на французское право. Дворян у меня в колонии практически не было, особых частных богатеев тоже. Первым делом запретили рабство и ростовщичество. Ввели табу на дискриминацию по цвету кожи и происхождению. Все равны перед законом. Есть три категории населения: полные граждане,

кандидаты в граждане и не граждане. Права этих трёх категорий несколько отличались. Владеть землёй и недвижимостью, участвовать в местном самоуправлении могли только люди, получившие полное гражданство. Получить гражданство можно было, если будет исполнено несколько условий: прожить в колонии год (без правовых нарушений), выучить государственный (французский) язык, работать или заниматься общественной деятельностью на благо города, быть чиновником, служить в армии или состоять в городской милиции, аналоге местной самообороны. Последний пункт можно было заменить участием в любом другом кипише, если это поможет развитию колонии. Например, морское дело, трапперство, даже просто уборка мусора на общественных началах. Да мало ли. Хочешь жить просто как рантье? Дело твоё, но гражданство не получишь, налоги будешь платить на тридцать процентов больше. Исключение для аристократов, простые дворяне тянут общую лямку. Понятно, кроме женщин, стариков и детей. Права первых существенно расширены, почти приравнены к мужским. Кроме двух пунктов: женщины не могут служить в армии и избираться на чиновничьи должности.

В колонии введено местное самоуправление: выборный мэ́р, городская управа и суд. Смертная казнь без всяких излишеств: повешение для простолюдинов, расстрел для военных и отсечение головы для лиц благородного происхождения. Все эти четвертования себя не оправдывают — не особо снижая уровень преступности.

Официально главной религией осталось католичество, ссориться с иезуитами было преждевременно. Но, исповедовать другие — не возбранялось. Единственное, храмы иноверцев должны были строиться на окраине, не претендуя на центральные городские площади.

Понятно, что сразу новые правила не заработают, требуется время для привыкания. Но, мой авторитет существенно возрос, народу многие нововведения понравились сразу и бесповоротно. Конечно, проблем и правонарушений хватало — контингент среди переселенцев встречался специфический. Но, все преступления возникали или на бытовой почве, по пьяни, или же в силу гнилой человеческой природы у некоторых индивидуумов. С такими, долго не церемонились. Тюрьма, каторжные работы или верёвка. Взятки приравнивали к преступлениям особой тяжести. Не всегда, но помогало.

Верховная власть осталась в моих руках, а также на неё имели право претендовать мои наследники по крови. В рамках военных дел и государственной безопасности граф де Сен-Поль имел неограниченные права. А вот, по экономическим вопросам и гражданскому праву был вынужден советоваться с выборным городским самоуправлением. Такие ограничения собственной власти были мной введены сознательно. Так будет лучше для развития колонии. К тому же верховный правитель обладал правом вето, обеспечить выполнение которого было легко при наличии полного контроля над армией.

Да, и кто здесь будет со мной спорить? Кузена всех ближайших французских королей? Не при этой жизни. А вот, наследников нужно заранее ограничить, чтобы не было возможности пойти вразнос и похерить благое дело. Финансовые доходы делились на три неравных части. Десять процентов шли французской короне, десять на церковные нужды и благотворительность, тридцать мне, остальные пятьдесят в бюджет колонии. Последние верховный правитель не имел права потратить на собственные нужды. Бюджетные рас-

ходы обсуждались гласно и контролировались специальной службой.

Да, номинально все жители новой колонии считались подданными французской короны. Но был маленький нюанс: в рамках архаичной средневековой системы. То есть, являясь прямым вассалом короля, формально, я состоял у него в подчинении. Он мог влиять на жизнь колонии через меня — и только. Напрямую французские чиновники не имели на нашей территории никакой власти, все вопросы решались только через верховного правителя и его административный аппарат. Тут были свои плюсы и минусы. Но, вассальная зависимость и небольшой налог были не слишком большой платой за поддержку сильного европейского государства из первой тройки. А уж, на начальном этапе без этого было просто не обойтись. Время революций ещё не пришло, консервативный шестнадцатый век не терпит выскочек и самозванцев. Все эти пиратские братства на Карибах, табориты в Чехии или гёзы в Нидерландах ничего не смогли противопоставить натиску развитых государств с многочисленным населением, большой армией и мощной (по тем меркам) промышленностью. Так что сидим тихо, качаем мускулы и не высовываемся. Иначе, нас просто прихлопнут или приватизируют — за нарушения правил игры.

Образованию также была уделена толика внимания. Построены две школы. Где отдельно обучались дети разного пола. Половина из них были детьми местных индейцев. Преследовались две цели: ассимиляция и «аманатство», то есть индейские недоросли выполняли функцию заложников, удерживая их отцов от нападения на колонию. Может такие повороты могут показаться не в «тему», но только такова нынешняя реальность. Коренное население Северной Америки вовсе не является белым и пушистым. Тут с какой стороны посмотреть: с одной местных индейцев можно смело обозвать «гордым и свободолюбивым народом». С другой: термин «кровожадные дикари» — вполне себе может сойти за истину.

Вроде, самое ближайшее племя к нашему поселению — это поканокеты из объединения вампаноагов. Чуть дальше, их соседи-враги — наррагансеты. Язык сломаешь. Голову забивать себе местными мудрёными названиями не стал. Смисла особого не вижу. Дни индейских племенных образований на побережье уже практически сочтены. Ход истории не остановить. Они или будут ассимилированы белыми поселенцами или истреблены и рассеяны среди других племён. Этому невозможно помешать, а раз так — нечего и дёргаться. Поэтому, поставил себе задачу пойти по первому пути, сделав процесс ассимиляции как можно менее безболезненным.

В Советском Союзе, во времена моего детства индейцев очень сильно идеализировали. Кроме чувства справедливости: разобщённые и примитивные туземцы против вооружённых огнестрелом белых колонизаторов, тут действовал и политический фактор. Англичане были враги царской империи, а американцы — советской. Понятно, что истребление коренных народов Северной Америки у нас всячески осуждалось. Фильмы с актёром из ГДР Гойко Митичем побивали рекорды посещаемости. Книги Фенимора Купера, Густава Эмара, Сат-Ока, Вельскопф-Генрих зачитывались до дыр. Кто из советских мальчишек 70-х хотя бы раз не играл в индейцев? Заложенные в детстве постулаты очень сильно влияют на мировоззрение. Поэтому, после высадки на американский берег, у меня было только одно подспудное желание насчёт индей-

ского населения: спасти и защитить.

По зрелому размышлению, я решил с ним бороться: всё хорошо в меру, лучше исходить из конкретной ситуации, а не из личных предпочтений, сложившихся под влиянием книг и фильмов.

Надо учитывать менталитет аборигенов: понятия о том, что можно и нельзя, правильно и неправильно — у белых и краснокожих отличаются разительно. Общее только одно: те и другие уважают силу. В этом времени, понятие справедливости весьма размыто. Кто сильный, тот и прав! А когда было иначе? Так что, с моей стороны, можно только попробовать сделать процесс взаимодействия между белыми и краснокожими не таким жестоким и кровавым. Что не просто, в том числе и потому, что индейцы народ весьма воинственный и по-первобытному жестокий.

Снимать скальпы аборигены стали ещё за долго до белых. Не везде: наши соседи, например, в качестве доказательства военной доблести отрезают у врагов головы. Ритуальные пытки пленников, поражали своей бессмысленной жестокостью европейских переселенцев, которые, в свою очередь, вовсе не являлись божьими агнцами. Различные индейские племена резали и истребляли друг друга с завидным энтузиазмом. Война была у них в крови. А как ещё молодые воины смогут проявить доблесть и доказать своё личное мужество? До контакта с европейцами индейцы из наиболее воинственных племён почти не брали пленных, уничтожая врагов до последнего человека. Потом тактика изменилась: пленников можно было выгодно продать бледнолицым.

Взять даже историю отношений русских и аборигенов на Аляске. Служащие РАК (в отличие от американцев) не претендовали на земли, им нужна была пушнина. Последнюю меняли у местных индейцев и алеутов на различные товары, с разной степенью честности, но тем не менее. Только, зачастую, туземцам проще было напасть на торговую факторию, всех убить, получив желаемое даром. Они просто не понимали, что так делать нельзя. По их понятиям, подобное являлось обычным и нормальным. Индейцам понятие частной собственности зачастую было чуждо, и они искренне не понимали зачем что-то выменивать, если можно просто отнять, убив прежнего владельца. Заставить индейцев отказаться от нападений можно было только силой. Поэтому, русские жгли туземные поселения, убивали мужчин и уводили женщин. А уж, малолетние заложники, дети вождей и старейшин, стали братья в обязательном порядке. Даже, у изначально дружественных племён. Конечно, там было всё не так просто и однозначно, но суть рассматриваемого вопроса это не меняет.

Ничего выдумывать не надо: политика «кнута и пряника» работает во всех вселенных. Одной жестокостью и беспощадностью проблему не решить. Да и не хочу, забитые в детстве принципы требуют сделать всё возможное, чтобы сохранить индейских соседей в целостности и сохранности. Нет, само население попробовать можно, а вот образ жизни вряд ли получится. Выжить индейцы смогут только, перейдя на европейский способ ведения хозяйства. Вместо охоты и собирательства: земледелие и скотоводство. Навыки у них присутствуют, а с более совершенным инвентарём у них всё может получиться. Если только, они поменяют мировоззрение. А это не просто. Боюсь, что только через боль и кровь. Но, попытаться стоит. Насилие рождает насилие.

В альтернативном будущем, английские поселенцы, закрепившиеся на нашем месте, вырезали целые индейские деревни, не щадя ни старого, не малого. Местные аборигены были в шоке от такой неоправданной жестокости: именно здесь такое было не принято. Белые добились своего: многие индейские семьи покинули земли у побережья. Однако, индейцы тоже бывают разные. Тактику запугивания и террора можно применять в обе стороны. Читал когда-то, что где-то лет через сто подобное практиковали шауни. Как пример: после разгрома очередного каравана белых переселенцев, несколько мужчин попали в плен. Всех уцелевших, кроме особо невезучего, коего привязали к дереву — заставили смотреть, как истязают их товарища, по несчастью. Неудачника подвергли жестоким пыткам. Нагрели ствол мушкета и прожгли ему дыру в колене. Отрезали уши и заставили разжевать и проглотить. Раскалённый наконечник стрелы засунули в задний проход. Умер несчастный после того, как ему отрезали член и вставили в рот. После чего пленников отпустили. Целью было одно: напугать бледнолицых, чтобы не совались на индейские земли. Хотели напугать и остановить поток поселенцев. Но, это так не работает. Поэтому, чтобы избежать подобных крайностей, будем пытаться договориться, осветив плюшки и преимущества добрососедского сотрудничества.

Поучившись в наших школах, вкусив плоды цивилизации, индейские дети уже никогда не буду прежними. Они смогут поменять образ жизни, унаследованный от предков.

Получив новые железные орудия труда, индейские женщины смогут поднять производительность земледелия, уменьшив тем самым зависимость от удачной и неудачной охоты. Воинам хочу предложить службу на границе, с оплатой товаром и продовольствием. С увеличением численности населения дичь в окрестных лесах скоро исчезнет, охота станет мало результативной. Служба будет для них выходом, хотя бы в качестве союзников. Иначе, война или эмиграция на восток. Но, все земли на востоке уже заняты.

Как-то поражать аборигенов в правах я не планировал. И в этом видел большой плюс. Хотя, изначально даже английские поселенцы отнеслись к местным довольно терпимо. Поэтому, чтобы оправдать их безнаказанное истребление, их пуританским законам пришлось признать индейское население еретиками, врагами Господа.

Впрочем, хочешь мира — готовься к войне. Нашу маленькую армию мне удалось подтянуть до вполне приемлемого уровня. То есть, солдаты уже что-то умели, кроме базовых навыков, а также получили понятия о таких явлениях как дисциплина и порядок. И то хлеб.

Глава 24

Костёр горел мощно, взвиваясь вверх яркими языками пламени. Вот точно такие мы жгли в моём советском детстве, празднуя окончание игры в Зарницу. Он так и назывался тогда — пионерский костёр. Не для обогрева и приготовления пищи, а в качестве некоего символа, ритуального жеста. Так и сейчас, костёр был достаточно большим, чтобы по его окружности разместилось полтора десятка человек, щеголяющих как европейскими камзолами, так и индейскими перьями. На свежем чурбаке лежали наготове примитивные глиняные загогулины: знаковые символы местной культуры — знаменитые трубки мира. Надеюсь, всё-таки они будут раскурены. Пока же ситуация оставалась напряжённой: стороны никак не могли достигнуть консенсуса.

Предыстория нынешнего сабантуя была проста и незатейлива. На земельный участок нашего поселенца, засаженного кукурузой, два молодых индейских мачо выгнали молодого оленя. Подранок подставился прямо под меткий выстрел хозяина поля. Возникла дилемма, как правильно поделить добычу. Вроде как первую кровь пустили аборигены, а окончательную точку поставил наш человек. Последний упирал на то, что это его земля — и он её купил. Вторые, вообще не могли понять, как земля может принадлежать конкретному человеку, ибо она есть территория их племени, а белые здесь как бы только постояльцы. Подошедший патруль решил ситуацию в пользу своего соотечественника. Наши brave вояки, чуть ли не пинками отправили воинов соседнего индейского племени восвояси. Нет, изначально они пытались достичь компромиссного варианта, предложив разделить добычу на равные части. Но, гордые сыны лесов упёрлись, не желая признать свои заблуждения. В результате получилось, так как получилось. Что-то такого, я уже давно ждал, поэтому сценарий возможных разбирательств-переговоров продумал заранее.

Индийская делегация прибыла в количестве двадцати участников. Суровые воины в традиционной одежде смотрелись предельно и довольно эпатажно. Создавалось ощущение присутствия на съёмках вестерна. Не хватало только камер и важного режиссёра. Посмеявшись про себя над подобными ассоциациями, согласно разработанному плану, пригласил гостей на прогулку по нашему посёлку городского типа. Так то, мы вооружённых посторонних за линию частогокола не пускали. Гости не отказались. Держа фасон, они старались сохранить выражение лица невозмутимым, но получалось плохо. Уж очень много непривычного увидели их глаза. Удивление, восхищение, опасение и откровенный страх — все эти чувства можно было легко прочесть на их лицах, словно текст в открытой книге.

Вишенкой на торте были наши тренировки с использованием огнестрельного оружия. Хотя, что скрывать: вся экскурсия была задумана, именно ради этого. Пусть, прежде чем что-то предьявлять, они увидят нашу силу. Если не дураки, то станут сговорчивее, поумерив гонор.

На большой поляне, используемой для тренировок личного состава, разместилась мини баталия в четыре ряда по десять человек в линии. Первый ряд, облачённый в массивные кирасы был вооружён длинными копьями, второй боевыми шпагами-полурапирами, с возможностью колоть и рубить. Следующие два ряда держали на плечах аркебузы, оснащённые приспособлениями для опережающей время придумки: острозаточенного обоюдоострого штыка.

Одетые в одинаковую одежду, строго держащие линию, гладко выбритые, коротко постриженные солдаты смотрелись грозно и молодежато. Напротив, баталии собралась толпа разномастно снаряжённых пехотинцев, вооружённых исключительно холодным оружием. Даже самому тупому был понятен намёк на туземных воинов. Индейцы нахмурились. Но смотрели на разворачивающуюся картину с интересом.

Вот, пропела труба и толпа из пяти десятков человек, громко крича и улюлюкая ринулась в самоубийственную атаку. Первые ряды синхронно расступились, пропуская стрелков. Залп! Четвёртый ряд передал третьему заряженное оружие, тут же приступив к перезарядке. Залп! Нападающие стали падать, изображая убитых и раненных. Добежавшие застопорились наткнувшись на пикинёров. Попробовавших обойти с фланга встретили шпаги второго ряда. Бой! Зазвенели клинки, но время выиграно. Залп! Стрельба в упор и — всё! Примкнув штыки, всю пользуясь численным преимуществом, стрелки легко добились выживших.

Гости были впечатлены. Если те, кто помоложе были больше увлечены зрелищем, разделяя с участниками азарт схватки, то воины постарше сразу уловили мораль сего действия. Представление о превосходстве ноу-хау бледнолицых — огнестрельного оружия, получилось весьма наглядным. Демонстрация стрельбы из пушек вызвала ещё больший восторг у молодых, а вот вождя и старейшин добила окончательно.

И вот сидим: смотрим друг на друга, молчим, держим характер. Нет, проблему с оленем-недоростком решили просто. От имени поселения передал пострадавшим воинам по топору и два ножа. Щедрый дар, включая плату за моральный ущерб. Но, проблема была совсем в другом. Начались старые песни о главном: была земля населена и обильна — пришли белые, леса стало меньше, дичь ушла. Посыл понятен, претензии справедливы. Но, что стоит справедливость на пути прогресса? Поэтому, вину признал, но сказал прямо: сделанного не воротишь. Мало того, пришло время перемен, индейцам придётся приспособливаться. Хотят войны? Они видели силу нашего оружия — плетью обуха не перешибёшь.

Предложил варианты: научиться у нас новым способам ведения хозяйства. Воинам не понравилось: испокон веков занятие мужчины — охота. Намекнул о принятии воинов на пограничную службу. Пообещал платить щедро и своевременно. Главный вождь, с непроизносимым длинным именем на У. (про себя окрестил его Ункасом), скривился:

— Твои воины недостаточно храбры и умелы, чтобы защитить свой дом?

— Нет, у них хватает иных дел. Тем более, твои воины знают окрестные леса лучше. Я сказал.

Сахем кивнул:

— Я услышал.

Краснокожий здоровяк, сидевший по правую руку от вождя, вскочив, что-то яростно закричал. Переводчица внезапно замолчала, испуганно переводя глаза с меня на индейского сахема. Что интересно, переводчица, индианка из местных, пятнадцатилетняя деваха, выучила в нашей школе французский за три месяца. Теперь подвизалась в качестве толмача при городской управе. Мэр, так впечатлился её талантами, что общим голосованием городского совета, ей досрочно предоставили гражданство. Немного переживал, как индейцы

отнесутся к присутствию на встрече женщины, но те и глазом не повели. Точно, вспомнил: у них же вроде сейчас, что-то вроде матриархата — женский пол на коне и в почёте.

— Переводи! — строго сказал я, сделав каменное выражение лица. Опустив глаза, немного дрожащим голосом, девушка передала слова рослого воина с чёрно-красными разводами на лбу.

— Бледнолицые не воины! Они ничто без своих гремящих палок!

— Хочешь проверить? Поединок? — усмехнувшись, я посмотрел в глаза дерзкого индейца. Тот кивнул, поняв мои слова без перевода.

Краснокожие немного пошептались, затем сахем встал и торжественно изрёк небольшую речь, состоящую из простых коротких предложений.

— Бой здесь и сейчас, в том, что есть, до невозможности продолжать одному из противников.

Ну, в чём есть, в том есть. Сами напросились. Поэтому, о том, что под камзолем на мне кольчуга, я решил умолчать. Тем более, убивать противника я не собирался, а в своей победе был практически уверен. Понятно, от случайностей не защищён никто, но авторитет у индейцев можно заработать только личными качествами. У них он по наследству не передаётся.

В качестве оружия нас снабдили небольшими боевыми топориками с рабочей частью из камня — легендарными томагавками. Покрутил в руке — почувствовал себя первобытным человеком. Провёл большим пальцем по лезвию. Палец закровоточил — острый зараза. Под такое оружие надо и прикид соответствующий: шкура мамонта или, на худой конец, пещерного медведя. Пока, я предавался неуместным иллюзорным фантазиям, мой противник ринулся в атаку. Однако, дури у него не занимать — руками машет словно мельница. Двадцать секунд, а у меня уже два пореза. Если бы не кольчуга, уже могла кровушка закапать. Так дело не пойдёт. Улучив момент делаю вход, фиксирую его руку сбоку. Так, теперь туловище вперёд, нагрузка на вертикальную ось, условно проходящую через вражеское тело, удар коленом. Затем, бью по его зафиксированной кисти выбивая оружие. Вижу растерянность в глазах оппонента — видно понял, что всё, отпрыгался бедняжка. Подумав — отбрасываю свой топорик: шоу продолжается.

Всегда интересовало: было ли у индейцев что-нибудь похожее на рукопашный бой? Похоже не было, воин двинулся ко мне широко разведя руки. Не, всякая «нанайская борьба» меня не привлекает. Пробиваю лоу-кик по его левому бедру три раза подряд. О, ты ещё и хромоножка. Хочешь сказать ногами неспортивно? Пожалуй, парень серьёзно обиделся — выхватив из-за пояса небольшой нож, он набычился, приготовившись к атаке. А вот так, рисковать я не намерен. Максимально ускорившись подсакиваю к супостату, контролирую вооружённую руку бью в горло классическим рука-копье. Аут.

— Забирайте! — делаю широкий жест в сторону туземных зрителей. Индейцы споро подхватывают неудачливого сородича и, не оглядываясь, неторопливо уходят в сторону леса. Сахем упорно отворачивает взгляд. Трубка мира, так и осталась лежать на пеньке. Да, не срослось. Надеюсь, всё же, что дергаться они не будут, сегодняшний урок пойдёт на пользу.

Вечером долго не мог уснуть, выплеск адреналина во время схватки был серьёзный. Поворочавшись с ноги на ногу, достал бутылку французского вина. Одну из трёх припасённых на чёрный день. Выхлебал из горла махом, практи-

чески без закуски. Помогло, не заметил, как вырубился. Ночью снились кошмары. Но, как кошмары? Переводчица-индианка в завлекательных традиционных индейских нарядах. Только во сне она была не той плоской пигалицей, как в реале, а эффектной фотомоделью из модного журнала будущего.

Вот как так? Вроде и жена есть, и любовницы, а я один? Только все они в Европе, да и отношения там сложные. А здесь просто не кого и не с кем. К тому же, я как все мои бойцы, качаю чувство одиночества. Показываю личный пример воздержания, несущий общий крест. Только, может хватит испытывать мужское терпение? У солдат оно не безгранично. Слава богу, не долго осталось. Клич о том, что богатые бледнолицые парни отчаянно нуждаются в спутницах жизни, был кинут ещё пару месяцев назад. Местные не спешили, присматривались. Но, через неделю наступает контрольный срок, кто-нибудь да клюнет. Ярмарка! Не только невест, а, вообще, большой торговый сбор.

Вот у кого всё хорошо, так это у Тюльпана. Основательно подросший собака стал местным любимцем. А индейцы на него чуть не молятся. Не иначе считая некой божественной сущностью, сошедшей на бrenную землю. В чём повезло псу? У индейцев были домашние приученные собаки. Больше похожие на волков, но собаки. У которых имеются сучки. Пользуясь тем, что местные кобели ему не соперники: размер не тот, наш завёл себе целый гарем. Хозяева сучек были совсем не против. Радостно потирая руки, они уже делили будущий приплод своих питомцев. Повезло засранцу!

Ярмарка удалась на славу! Чем и как только не торговали. В смысле, для сельской местности сойдёт. Для метрополии бедновато. Ничего, дай время, развернёмся. Сыграли почти двести свадеб, пока не церковных, типа гражданский брак по местному обычаю. Девочек привезли больше, но пока не срослось. Приглядываются друг к другу, женихаются. Свободных баб у индейцев хватает. Всё-таки межплеменные разборки часто уносят мужские жизни. Тут и девицы, и вдовы с прицепом. За женщинами с детьми даю богатое приданное. Сработало, таких разобрали в лёт. Местные озадачились: появился шанс избавиться от лишних ртов. Думаю, скоро, у данного контингента начнётся целое паломничество. За девочек колонисты должны сделать родичам дорогой подарок. Да ещё, чтобы сама девушка была не против. Здесь сложнее, ну так, всё по

совести, никакого принуждения.

Откровенными дикарями индейцев из племенной группы алгонкинов называть грех. В основном, это полуседлые земледельцы. Хозяйство ведут женщины, мужчины — охотники и рыболовы. Выращивают маис (кукурузу), тыкву, бобы, подсолнечник, фасоль, кабачки, табак. Работают на общем поле, применяют окучивание, землю удобряют рыбьими отходами. Собирают кленовый сок, орехи, каштаны, жёлуди, ягоды, грибы, дикие фрукты и съедобные корни. Соседние племена живут в куполообразных шалашах-вигвамов (до трёх семей), крытых корой или плетёными матами-циновками. Женщины умеют изготавливать орнаментированные керамические сосуды. Шьют одежду из кожи или замши, сшивая её жилами из рога и кости. Раскрашивают и украшают её перьями и самодельными бусами.

Короче, готовая обученная жена-мастерица, заточенная по местные природные условия, неприхотливая в быту и общественной жизни. Так чего ещё надо? Лишь бы новые жители не подхватили какую заразу из метрополии. Но, тут как повезёт. Наши два врача всех жителей периодически осматривают, так же следят за соблюдением гигиены, но...Одна надежда, что за время долгого пути из Европы, все заболевшие себя проявят.

Только перевели дух от большого сабантуя, как вернулся караван из Франции. Людей привезли всего пять сотен, в основном жёны и дети предыдущих переселенцев. Но, так и договаривались, нужно было определиться на месте. А вот продовольствие, товары для обмена, порох, огнестрельное оружие и другие необходимые ништяки завезли с запасом. Включая пару десятков лошадей, тридцать коров и небольшую баранью отару. Животные выжили практически все.

Лично для меня было несколько писем. Самые важные из Аугсбурга. Ого! Оказывается, я счастливый отец. У меня сын и дочь! Типа двойняшки. На деле, подозреваю жёнушка удочерила ребёнка своей служанки, выдав её дочь за свою. Отлично, лучше не придумаешь. Моя землячка Марфа тоже устроила свою личную жизнь, выйдя замуж за младшего Фуггера. Что ж, совет да любовь! Надо съездить, навестить семью. Но, сначала небольшая разминка на панамском перешейке, на пару с Дрейком. Френсис прислал весточку: к операции по изъятию испанских ценностей всё готово.

По договору мы должны были иметь равные силы. Дрейк декларировал один корабль с экипажем под сотню человек. Про пушки не уточнял, но вряд их у него много. Значит с моей стороны отбираем такое же количество. В принципе должно хватить: в том варианте истории у него было всего семьдесят три человека. Набрал самых проверенных людей. Из соотечественников взял только Керима и Ослаблю. Остальные были при деле, осуществляя негласный контроль за ситуацией в колонии. Некоторые успели жениться и осесть на землю. Другие заправляли на вторых ролях в армии и внутренней страже, прообраза полиции. Почему не на первых? Пусть, пока так. Меньше привлекают внимание, да и язык ещё не знают на должном уровне.

Остальных готовил лично не покладая рук. Каждый прошёл проверку на личную верность. Предпочтение отдавали тем, кому нечего терять, но хочется стать полноценным гражданином. Иметь свою семью, деньги и положение в обществе. Денег, я пообещал много, а остальное приложится. Кроме солдат набрал пятьдесят человек команды: энное количество личных слуг плюс матро-

сы. Команда не обговаривалась, ну а как? Нам аристократом положено. Конечно, явно схитрил, но, мыслю, обойдётся. Ещё неизвестно какие сюрпризы приготовил Дрейк. Нужное судно подошло через два дня. Двадцать пушек, свежая постройка, под звучным именем «Альбатрос». Потянет.

Глава 25

Ну, кто бы сомневался! Дрейк нарушил практически все наши договорённости — и не один раз! Самое главное, он попытался сорвать большой куш самостоятельно. Точно жаба заела — решил поднять испанское серебро в одно рыло. Но, видно не Судьба — получилось не очень. Поэтому, встретил он меня с радушной улыбкой и раскрытыми объятиями. В его объяснения произошедшего казуса, я особо не вслушивался. Кому интересны рассказы потенциального покойника? Как там было на самом деле мои агенты доложили уже на следующие утро. Всего то понадобилась половина маленького бочонка рома для команды англичанина — и все расклады были у меня на руках.

Началось всё так же, как в настоящей не альтернативной истории. В мае тысяча пятьсот семьдесят второго года Дрейк вышел в море, но не один, а маленькой эскадрой в составе двух кораблей. Свой собственный скромный «Сван» он доверил своему брату Джону, а сам перебрался на гораздо более внушительный семидесяти тонный фрегат «Паша». Общая численность команды насчитывала семьдесят три человека. Бравые пираты были настроены решительно — испанские сокровища манили и притягивали. В собственных мечтах они уже видели себя индийскими набобами, окружёнными турецкими одалисками. Очевидно, алчные мечты окружили и самого Френсиса. Его первоначальные планы изменились: делиться добычей с каким-то французским графом, он явно передумал.

Всё, что ему было необходимо для проведения экспроприации денежных средств испанской короны Дрейк вызнал заранее. Поставив во главе угла желание сэкономить, испанцы разработали крайне примитивную схему по перевозке полученных сокровищ. Добытое золото и серебро они собирали в Панаме, потом сушей переправляли в порт Номбре-де-Диос, затем кораблями доставляли в Испанию. Причём из Панамы собранные ценности перевозили на спинах мулов без серьёзной охраны. Путь каравана лежал через панамский перешеек. На беду, конечный путь назначения — Номбре-де-Диос, был достаточно слабо укреплён в военном отношении. Нет, основания для подобного головотяпства у испанцев были — на побережье им никто особо не угрожал. Да и в море всё было относительно спокойно. Иногда пошаливали французике корсары и пираты, но то было каплей в море, укладываясь в ничтожные проценты риска. И вот тут на сцену постепенно выползают англичане.

Причём, первоначально, Дрейк действовал на свой страх и риск. Его попытка получить официальный статус королевского корсара, была отклонена британскими властями. Посему, в глазах английской королевы в тот момент он был всего лишь обычным пиратом. Но, Френсис не унывал. Держа нос по ветру, он чутко уловил куда дует ветер истории. Время работало на него!

Двадцать девятого июня десант Дрейка высадился на Панамском побережье, а три недели спустя он уже захватил порт Номбре-де-Диос. Триумф был сильно подпорчен: большую часть ценностей испанцам удалось морем вывезти в другое более безопасное место. Защитники города сопротивлялись до последнего. Дрейк, никогда не празднующий труса, сражался в первых рядах — заработав в результате неприятную рану в бедро.

Подвергнув город повальному разграблению, пираты получили в награду кучу серебра в слитках весьма изрядного веса. Перед удачливым английским

авантюристом встал вопрос — что делать дальше? Возвращаться домой? Но, груз был слишком тяжёл для двух небольших кораблей, изрядно снижая их маневренность. Риск же столкнуться на перегруженных судах с какой-нибудь испанской эскадрой был слишком велик. Дрейк решил озаботиться устройством временной перевалочной базы. В лучших традициях пиратского братства он нашёл неподалёку необитаемый островок и расположился там лагерем. Серебряные слитки были надёжно зарыты в укромном месте, а два пиратских корабля стали курсировать вдоль побережья, беря на абордаж встречные испанские корабли. Казалось бы, жизнь налаживается. Однако, внезапно экипажи пиратских судов поразила странная болезнь. Неизвестная зараза в считанные дни выкосила три четверти англичан. Френсис принимает тяжёлое решение сжечь один из своих кораблей — маленький «Сван». Но, выживших моряков оказалось недостаточно для продолжения какой-нибудь успешной деятельности.

Дрейк идёт на беспрецедентный для английского дворянина шаг — он заключает соглашение с симарронами. Симарроны, беглые африканские рабы, самые бесстрашные и боеспособные из невольников, вели активную партизанскую борьбу с испанцами. Их разведчики были реально хороши: обо всех сколько-то значительных перемещениях испанских военных или перевозки ценных грузов они знали почти всё. Вскоре симарроны сообщили пиратам, когда в Панаму ожидается прибытия кораблей с ценным грузом. Англичане перебрались на побережье устроив засаду на скорую руку. Поспешность сыграла с ними плохую роль — испанцы что-то заподозрили и опять спасли большую часть ценностей.

Ситуация для пиратов сложилась неоднозначная. Не подверглись нажиму непонятного недуга только семнадцать человек, остальные благополучно переместили свои души в загробный мир. Проблему с численностью удалось решить — тридцать симарронских волонтёров научились довольно сносно обращаться с корабельными снастями. Тем более последние не претендовали на долю из добычи, считая своей главной целью — месть испанским рабовладельцам. Вроде всё не так уж плохо, но Дрейк решил не искушать судьбу, вспомнив о предполагавшимся союзе с графом де Сен-Подем. Нарушение условий договора он посчитал обстоятельством малозначительным. На кону такие деньги! Какой разумный человек в этих условиях будет вспоминать разные несущественные мелочи? Единственное, что его смущало — это собственная слабость. Ведь в вооружение, выучке и численности команды у графа будет реальное преимущество!

Случайная встреча решила и эту проблему. В море Дрейк столкнулся с кораблём довольно известного в узких кругах французского авантюриста и пирата Гийома ле Тестю, которого английские корсары знали под прозвищем Тэту. Рыбак рыбака видит издалека — оба пиратских лидера быстро нашли общий язык. Почуввав в друг друге родственные души, они решили объединить силы. Так, что в условленном месте мой «Альбатрос» встретили не один, а два корабля.

Чего-то подобного я ждал. Поэтому, хоть и сделал нахмуренное лицо, но про себя нисколько не удивился. Пока, наглый англичанин вешал мне лапшу на уши, искоса наблюдал за французом. Тот, внешне соблюдал глубочайшую почтительность. Особых каверз со стороны ле Тестю, я не опасался. Тэту пре-

красно понимал, что любые нападки с его стороны на кузена французского короля навсегда лишат его поддержки и убежища на родине. «Партнёрам» удалось провалить решение о дележе возможной добычи на три равные части — по числу кораблей, участвующих в походе. Я сопротивлялся такому несправедливому решению только для вида. Пусть парни пока порадуются, что так легко развели очередного лоха. Всё равно ни с кем, кроме собственной команды, делиться я не собирался.

Добравшись до нужного побережье наша сборная эскадра стала ждать отмашки от разведчиков. Вскоре симарроны принесли приятное известие — караван, нагруженный золотом и серебром, остановился на отдых недалеко от Номбре-де-Диоса. Медлить было нельзя.

Пираты неслись к намеченной цели, словно королевские борзые за оленем. Своим дал команду не спешить, что принесло свои результаты. Испанцы оказали ожесточённое сопротивление, унеся с собой за кромку больше двух десятков врагов. Нам досталась огромная куча серебряных и золотых слитков. В прошлой истории, пираты просто не смогли унести весь этот груз. Прихватив золото, они зарыли серебро, но так и не смогли за ним вернуться. Серебряные слитки позже нашли и выкопали испанцы.

Ле Тестю погиб в самом начале стычки — и французские пираты остались без капитана. Дрейк, соблюдая договорённость, предложил прямо на месте разделить добычу на три части.

В мои планы это не входило — зачем тратить лишнее время? Меня ждёт Франция и Аугсбург. В конце концов, я ещё ни разу не видел сына с дочерью. Вздохнув, дал отмашку вожаку бывших чёрных невольников, откликавшегося на испанское имя Хуан. По-русски, Иван...Ваня. С Хуаном мы уже давно имели обстоятельный разговор, в результате которого симарроны решили связать свою судьбу с нашим анклавом. Но, за это следовало заплатить. Входным билетом были жизни англичан и голова Френсиса Дрейка. Нельзя сказать, чтобы между неграми и английскими пиратами сложились очень уж тёплые отношения. Нет, это был временный союз, европейцы не стеснялись показывать своё чувство расового превосходства над бывшими дикарями. Но, Хуан всё равно долго сомневался — не решаясь предать союзников.

— Ты же ненавидишь рабовладельцев и торговцев людьми, — сказал я, глядя ему прямо в глаза, — А ведь именно англичане занимаются добычей и перевозкой чёрных рабов из Африки.

— Ты, тоже белый. Чем твои люди лучше этих?

— Тем, что на моих землях нет рабства. Все люди там независимо от цвета кожи равны перед законом.

Наверно, Хуан мне не совсем поверил. Но, согласился сделать то, что мне требовалось. А был ли у него выбор?

Чёрный Ваня не подвёл: не ожидавшие коварного нападения англичане были вырезаны за считанные минуты. Дрейк, получивший неожиданный удар копьем в спину, нашёл в себе силы оторвать голову от земли. Если бы взглядом можно было убивать — я был бы уже хладным трупом. Ощерив зубы, пират утробно завыл, прощаясь с жизнью и всеми своими грандиозными на неё планами. Хуан резко взмахнул абордажным тесаком, отделив голову Френсиса Дрейка от тела. Мой приказ он исполнил буквально. Ничего, так надёжнее. Теперь, этот крайне опасный англичанин не воскреснет даже в каче-

стве мифического зомби. Я отвернулся, глумление над останками врагов не является чертой моего характера. Отдав приказ похоронить всех в общей могиле, велел грузить добычу и возвращаться на корабли. Теперь их у меня три. Экипаж французского союзника вошёл в нашу команду. Выбора у соотечественников тоже не было. Или так — или...

Домой добрались без проблем. Надеюсь относительную секретность сохранить удалось. Для всех я исследовал новые территории — для черновой версии сойдёт. На кораблях я был в гриме, чужой не признает. А свои не сдадут. Главное, прямых улик нет, а подозрения к делу не пришьёшь. Думаю, испанцы затевать бучу не будут, я им нужен. Так что, разойдёмся краями. Пусть считают потерянное платой за уничтожение английских пиратов. Тем более, формально, мои люди в боевых действиях против испанцев участия не принимали.

А ведь, правда! Я хлопнул себя по лбу. Ведь, как удачно получилось. Мои с кастильцами не зарубались — всё сделали люди Френсиса и Тэту. Потом негры помножили их на ноль, а я прихватил захваченное. В качестве почти законного трофея. Удачно получилось!

Денег этот поход принёс нам немало, но и расходы в колонии большие. На текущие нужды хватит, а там если доходы не вырастут, то придётся вновь залезть в карманы Фуггерам. А что? Если они воспользовались моими советами, то должны сохранить огромные деньги. Наши запросы там капля в море. Да, немцы ещё приданное не всё выплатили!

Деньги есть — можно заняться придумыванием планов, постройкой замков из песка и строить радужные несбыточные грёзы о будущем, в том числе о счастливой личной жизни. Нда... Может себе гарем завести? Выписать молчаливых арабских одалисок и жить с ними в своё удовольствие? Увы, окружающие не поймут... Ещё то, что со мной вечно случаются разные неприятные казусы. Вот пропаду в очередной раз, что с девками будет. Ведь, по рукам пойдут... Не, фиг вам всем, а не мои девки — не будет гарема. Такими мыслями я терзал свой мозг по дороге в метрополию, мучаясь от безделья. Два с половиной месяца пролетели весьма небыстро, но дорога до французского берега показалась мне очень длинной.

В Париж решил заехать на обратном пути. Варфоломеевская ночь уже произошла, но вряд ли современники придали этому особое значение. Несколько сотен гугенотов, оказавших сопротивление было убито, остальных лишили недвижимого имущества и согнали в специальные лагеря. Видимо, мои советы королева-мать восприняла серьёзно — и мой маленький анклав за океаном ждёт серьёзное пополнение. Только, вся эта дворянская шваль сохранила свои головы, что в будущем может создать серьёзные проблемы. Король заключил с предводителями еретиков договор: они мирно покидают Францию, лишаясь имущества и привилегий, но получают за это неплохую компенсацию. Не все, и не равноценно, но, когда власть предержавших это волновало? Чувствую, наведут они в Америке шороху — не пойдут ко мне под руку, придётся применять силу. Видно, стоит мне поспешать с германскими каникулами. Раз такие дела намечаются.

Аугсбург встретил меня неласково. Отвык я шляться по средневековым помойкам, простите городским улицам. Иоганн и Маркус заметно сдали, а любимая жёнушка улыбалась настолько фальшивой улыбкой, что от подобной

приторности сводило скулы. Старший Фуггер, светя отливающимися синевой мешками под глазами, коротко расспросив о моих успехах, огорошил неожиданным известием: теперь неофициально всеми делами семьи заправляет моя жена. После чего покинул наше общество, сославшись на плохое здоровье. Его младший брат, Маркус, ласково улыбнувшись, последовал за ним, зачем-то перекрестив меня напоследок. Это что? Только хотел его спросить: как там Марфа? Поздравить со свадьбой...

— Они точно муж и жена? — спросил я Юстину, когда мы остались наедине.

— Да... Но, давай об этом потом, — чуть заметно поморщилась супружница.

— Ты разве не хочешь увидеть детей?

Что-то неладно в королевстве датском. Но, потом, так потом... А на детей надо посмотреть обязательно.

Дети... Два милых карапузика со смешными личиками сосали слюнявчики. Потрогал их за щёчки, потетешкал... Короче, настоящим отцом себя не почувствовал. Умилился, да. Но взрыва чувств не испытал. Может рано ещё? Или все мужики такие чёрствые? Пожалуй, дело в том, что мы не такие чувствительные как женщины. Нам на осознание чувств нужно время. Успокоив себя такими выводами, прошёл с Юстиной в её кабинет, чтобы поговорить о делах.

Смена руководства пошла Фуггерам на пользу. В делах моя жёнушка стала настоящей железной леди, куда мне до неё. Поначалу она ещё держалась скованно. Но когда поняла, что напрягать её с исполнением супружеского долга, в ближайшее время я не собираюсь, то быстро пришла в себя. В результате, обломила с основными хотелками. Пожав плечами, я велел Юстине идти готовить опочивальню, так как муж очень соскучился по любимой супруге. Любимая супруга моментально поняла правила игры — и все мои просьбы по финансированию и закупке товаров были приняты без возражений. К тому же многие мои предложения были выгодны для обеих сторон.

— Мы же одна семья, милая, — оскалился я фальшивой улыбкой.

— Верь своему мужу, он знает, как сделать нашу семью богаче!

Заметив, как жена приоткрыла рот, собираясь прокомментировать эту непреложную истину, нежно приобнял её за плечи. Сжавшись, молодая женщина поспешно закивала головой.

Нет, иногда иметь в супругах лесбиянку чрезвычайно выгодно для дела. Вот как в моём случае! — подумал я про себя, разглядывая взъерошенную, потерявшую боевой задор жёнушку.

В общем, стороны пришли к согласию. Тем более, эту ночь в одиночестве я проводить не собирался. Испытывая сильное желание поблагодарить служанку жены, подарившую мне красивую и здоровую дочь. Я даже не предполагал, как посмеётся над моими планами Судьба сегодня вечером.

Глава 26

Ополоснувшись после дороги в почти настоящей ванне, я изволил послать за Сюзанной. Приготовив для её встречи пару комплиментов (всё-таки мать моего ребёнка), в предвкушение уставился на дверь. Дверь вскоре ожидаемо отворилась, но вместо одной молодой женщины зашли две. Изобразив возмущение, я посмотрел на Юстину: типа ничего ты жёнушка не попутала? Вроде все вопросы порешали?

Однако, мне хватило одного взгляда, чтобы понять: ничего мне с Сюзанной не обломится. Юстина выглядела настолько воинственно и решительно, что стало бесповоротно ясно — за свою любовь она будет биться до последнего. Да, фиг с вами! Устроили здесь шекспировские страсти.

— Ты что-то хотела, дорогая?

— Ты спрашивал про свою Марфу... — жена замялась, — Она действительно вступила в супружеский союз с моим дядей, но...

— Да, говори толком, не тяни кота за я... короче, говори прямо в чём дело!

— Ты должен сделать Марфе ребёнка!

— Я ничего никому не долж... Чего?

Честно сказать, степень моего обалдевания достигла наивысшей степени.

Всё же, спустя час и две бутылки бургундского в ситуации удалось немного разобраться. Оказывается, что собравшийся стать счастливым мужем Маркус в ночь перед свадьбой увидел вещий сон. В котором его бывшая любовь, замученная в застенках инквизиции, строго запретила ему жениться, высказав претензии, в стиле — он предал «нашу любовь». Ну, что-то подобное, в подробности я не вникал. Свадьбу отменить было уже нельзя, но участвовать в ритуале брачной ночи молодожён категорически отказался. Более того, заявил о своём желании уйти в монастырь. Возник казус — брак могли признать недействительным. Это ладно, но семейка Фуггеров надеялась на появление прямого наследника. Особенно бесилась моя жёнушка: бразды правления семейным делом уплывали из её рук. Потенциальные наследники из побочных ветвей вряд ли оставят её рулить семейным делом. Короче, страсти разгорелись нешуточные. И тут нарисовался я! Такой «красивый» и главное проверенный кадр, настрогавший кроме наследника, уже кучу левых ребятишек. На общем совете решили в очередной раз сделать меня отцом. Марта и (главное Маркус) — не против.

Сначала, я резко возмутился: нашли, понимаешь, быка-производителя. Типа: я так не могу, мне надо испытывать к женщине влечение и...

И тут вошла Она... Куда девалась та рыхлая конопатая телушка с всклокоченными волосами, из которой было не выдавить даже пару связных предложений? Передо мной стояла сногшибательная рыжеволосая красавица в роскошном платье. Её идеальная белоснежная кожа оттенялась длинными чёрными ресницами, обрамляющими изумительные изумрудные глаза. А когда она заговорила... Её бархатный голос подействовал на меня словно наркотик. Я понял, что попал — окончательно и бесповоротно...

— Так, женщины, — сказал я излишни строгим голосом, скрывая волнение, — Покиньте помещение!

— А вас, товарищ, — трепетно коснулся изящной ручки своей соотечественницы, — Попрошу остаться!

В итоге, все оказались довольны. Особенно я! Под дорогим платьем у Марфы оказалась прекрасно сложенная фигура без малейших намёков на жировые складки. Позже узнал, что она брала уроки гимнастики и фехтования. Чтение умных книг древних греческих и римских авторов также пошло ей на пользу. По крайней мере, знания как очаровать мужчину она использовала весьма эффективно. В перерыве между приступами страсти, Марфа призналась, что полюбила меня ещё в Московии, а замуж вышла с отчаяния, страдая от неразделённой большой любви. Каюсь, слушать такое было приятно. Кто сказал, что мужчины не любят комплименты? Вы просто плохо знаете мужчин!

Утром я заметил за собой непривычные вещи: мне хотелось только одного — заглядывать в рот рыжеволосому чуду, угадывая её малейшие желания. А потом, бегать вокруг на побегушках, стараясь удовлетворить их в самой малейшей степени. Волевым усилием загнал эти нездоровые тенденции глубоко внутрь, вернувшись к привычному облику brutального мачо.

По-быстрому собравшись, мы покинули Аугсбург. Разумеется, Марфу я взял с собой — расстаться с ней у меня бы просто не хватило сил. Мало того, что влюбился, она оказалось ценным и преданным помощником. Общее прошлое сближало — столько прошли вместе на заре моего появления в этом мире. Мы были одной крови — и полностью доверять я мог только ей одной. «Такая королева нужна самому!».

Дальнейшие события протекали блеклыми картинками на фоне нашей разгорающийся страсти: Лувр, аудиенция у королевы-матери... титул герцога и всеобъемлющие полномочия за океаном от французского королевского дома. Угрюмые толпы гугенотов, под присмотром королевских солдат, грузившихся на корабли. Заносчивые дворяне из верхушки еретиков, кидающие на меня мрачные взгляды. Как будто именно я виноват в том, что их заключили в тюрьму, лишив недвижимого имущества и привилегий. Но, кто просветит недоумков благодаря чьим советам они остались живы? Вряд ли эти спесивцы в такое поверят. Надо было утопить их по дороге, но мне было не до того: мы с Марфой любовались безбрежным океаном и строили радужные планы.

Король ещё взял с меня обязательство доставить моих новых подданных в Новый свет за свой счёт. Правда, любезно предоставил солдат для контроля и охраны. Про утопить гугенотских главарей было сказано не просто так. Выживший адмирал Колиньи арендовал для себя и своих приверженцев корабль за свой счёт. Позже, мне это аукнулось. В Америке они высадились ближе к югу. Создав там практически независимое поселение. Которое со временем набрало немалую силу, постоянно подпитываясь новыми переселенцами из метрополии. Конечно, за ними присматривали королевские офицеры и солдаты. Увы, этим офицерам не понравились «простонародные» порядки, установленные в моих поселениях — и они постоянно вставляли мне палки в колёса. Всё это можно было предотвратить ещё на ранней стадии, но тогда мне было не до этого. Скажут, что такая беспечность не к лицу государственному деятелю, поставившему перед собой глобальные цели построения собственного государства... Но... все мы люди... все мы человеки. И ошибки, страсти, увлечения, потери — это часть накопленного в течение всей жизни опыта, проблемы, на которых мы учимся преодолевать препятствия и невзгоды. Вот, доживу до шестидесяти — умнее буду. А пока имеем то, что имеем. Мне даже нравит-

ся...

По прибытию нашли в колонии почти абсолютный порядок. Никаких чрезвычайных происшествий не случилось — всё работало как часы. В немалой степени благодаря моим землякам-соратникам, которые трудились не за страх, а за совесть. Благо, свои обещания я выполнил: из полуразбойников они стали уважаемыми и обеспеченными людьми.

* * *

Прошло два года. За это время было сделано немало, а ещё больше нам предстояло сделать впереди. Даже если перечислить коротко все произошедшие события, то это займёт немало времени.

Начну с главного: у нас с Марфой родился сын. Крепенький такой парнишка с недавно проявившимися чёрными волосами — весь в отца. Из плюсов — чистокровный русак, в смысле, русский. Из минусов — носит немецкую фамилию, имеет официально другого отца. Вот так — в каждой бочке мёда есть ложка дёгтя. Имеются и смягчающие обстоятельства — он потенциально самый богатый человек в мире. Фуггеры благодаря моим советам сумели сохранить две трети своего состояния. А моя жёнушка — этот не огранённый финансовый бриллиант, уверен его ещё неоднократно приумножит. Так что никто состояние моего отпрыска до его совершеннолетия не разворует — мы же все родственники! Испанский король отдал Фуггерам за свои долги, то есть реально мне, все земли в Северной Америке вплоть до Мексики. Правда не навсегда, а в аренду на девяносто девять лет. Но, кто их потом отдаст?

Торговля в моём герцогстве процветает. Инструментами и разным промышленным оборудованием снабжаем всю испанскую Америку. У нас дешевле, да и доставка быстрее. А денег у испанцев много. В Европу в массовых количествах гоним древесину. Англичане расхватывают на ура. Основали восемь новых крупных поселений. Общее количество населения перевалило за сорок тысяч. Ещё двадцать с чем-то тысяч индейцев перешли под мою руку. Теперь западная граница под присмотром. Самоуправление народу пришлось по вкусу. Буйным цветом расцвели различные кооперативы и товарищества, в том числе по обработки земли. Надеюсь, олигархи у нас теперь появятся не скоро. Дворяне здесь гость редкий и нежелательный. Не нравится им тут. Больше оседают в гугенотских поселениях. А вот с ними проблема. Формально подчиняются мне, а на деле... Пользуясь тем же правом на самоуправление все ключевые посты в их поселениях заняли верные Колиньи люди. Религия очень сильно спланирует людей. Инакомыслящие в их городках не задерживаются. Некомфортно. По числу солдат в армии и ополчении мы лидируем. Но их поселения расположены более компактно. Проблема, которую так просто не решить.

Вытерев пот со лба, я любовно оглядел плод своего труда, над которым не гнушался поработать своими руками. Воздушный шар выглядел впечатляюще. Может и уступал по размеру более поздним аналогам, так и шёлк на оболочку нам встал в немалую копеечку. Поэтому гондола была небольшой вместимости: максимум трое человек плюс необходимые припасы. На сим пепелаце я рассчитывал совершить путешествие вглубь материка, потешить разыгравшийся дух исследователя. Даже просто развеять скуку, ежедневная рутина меня достала. Чтобы не смущать народ раньше времени, воздушный шар мы собирали в маленьком военном посёлке на юге, вдалеке от основных

торговых путей и поселений. Кроме небольшого сборного отряда, занимающегося патрулированием и контролем границы, в посёлке расположились только наша творческая группа (три мастера и ваш покорный слуга) плюс моя личная охрана из десятка симарронов. Да, симарроны подошли на эту роль идеально. Не имея родственных и имущественных связей среди окружающих, они всем оказались обязанными лично мне. Поэтому, чернокожие на службе отличались воистину собачьей верностью.

Тренировочный подъём решили совершить следующим утром. Для наполнения оболочки шара из специально обработанного шёлка, была изобретена особая железная печка. Топливом служила сложная смесь, состоящая из подручных горючих материалов. Добиться необходимых качеств у подобного топлива было непросто, но путём долгих экспериментов мы достигли приемлемого результата. Джон, один из мастеров на все руки, который и являлся изобретателем чуда-топлива, твёрдо гарантировал несколько часов полёта.

Утром меня разбудил непонятный шум. Сначала хотел отмахнуться, но раздавшиеся подряд несколько выстрелов заставили быстро подняться и натянуть на себя первую попавшуюся одежду.

— Беда! — дверь в комнату резко распахнулась. Хуан с обнажённой шпагой в руке был серьёзно встревоженным.

— Нападение! — коротко обрисовал он ситуацию, — Форт окружён. Многие из наших были убиты сонными.

— Отходим к шару! — решил я. Мастера уже должны наполнить оболочку нагретым воздухом.

— Тюльпан, рядом!

Сопровождаемые настороженным псом, мы с Хуаном короткими перебежками побежали к лесной опушке. По дороге к нам присоединились остальные африканцы из моей охраны. Мы почти успели.

Неожиданно появившийся из кустов отряд стрелков, почти в упор разрядил в нас свои аркебузы. Несколько человек вокруг упали. Хуан умер мгновенно, успев в последний момент перехватить своей широкой грудью направленный на меня рой свинца. Но краем меня всё же зацепило. Правое бедро и бок окрасились кровавыми разводами.

— Бегите хозяин! — огромный негр из числа охранников решительно подтолкнул меня к корзине, уже рвущегося вверх воздушного шара.

— Мы их задержим!

Морщась от ноющей боли в боку, я заковывал к этому последнему шансу на спасение. Из последних сил затащив в корзину собаку, тяжело перевалился сам. Рванув узел, удерживающий шар на земле, подарил ему свободу полёта. Вскоре звуки ожесточённой схватки внизу, где последние симарроны мужественно гибли за мою жизнь, отдавая последний долг своему сюзеру, затихли вдали. Поспешно наложив руки на раны, я попытался излечить повреждения. Кровь остановить удалось, но пришлось потратить много сил. Откинувшись на стенку гондолы, я не заметил, как потерял сознание. Следующие несколько часов прошли в каком-то сумбуре. Кажется, я подползал на негнущихся ногах к горелке, периодически подкидывая топливо. Мне снились странные сны-полукошмары: я подетально перебирал почти забытый период своей жизни на криминальном дне Парижа, когда потеряв память после ограбления, очнулся на загаженном берегу Сены. Я снова вспомнил Жизель, её

большие глаза, с такой любовью смотревшие на меня. Беззащитное безжизненное тело девушки на мокрой мостовой и её кровь на моих ладонях... Картины Москвы начала двадцатого века сменялись видами жестоких схваток под стенами Полоцка и Казани — воспоминания предка хаотично смешались с моими...

Последнее, что задержалось в памяти был жесткий удар и рвущие кожу ветки деревьев — воздушный шар достиг последнего приюта.

Что-то тёрлось об моё лицо, послужив причиной окончательного пробуждения. Ну да, шершавый собачий язык и мёртвого поднимет.

— Фу, Тюльпан! Заканчивай с поцелуями!

Осторожно опираясь на правую руку, приняв сидячее положение, огляделся вокруг.

Что ж, всё не так и плохо. Корзина развалилась, но содержимое на месте — груз разбросало недалеко. Рана на боку затянулась, а вот бедро подлечить не успел — до сих пор кровоточит. Значит, в ближайшее время, я не хожок. Но, ничего, в наличие верный собакин. Есть кому донести весточку и привести помощь.

— Тюльпан, домой! — взявши пса за голову, я строго посмотрел ему в глаза, — На тебя вся надежда, друг. Не подведи!

Словно всё поняв, пёс согласно мотнул головой. Лизнув меня в нос, он, не оглядываясь большими скачками исчез среди деревьев.

Вздохнув, я осмотрел окружающую меня небольшую полянку — дел предстояло много. К вечеру удалось соорудить вполне удобное временное жилище, которому пара найденных в остатках корзины одеял, придали некоторый уют. Разведя костёр, набрал в походный котелок воды из небольшого родника, по счастливой случайности найденного по близости. Заварив чай из сушёных трав, расслабленно откинулся на спину — жить можно. Запаса провизии при экономном использовании хватит на неделю. А там или помощь подоспее, или нога заживёт. Самое время подумать о будущем. Лицо перекосило: в нападавших только слепой не узнал бы проклятых гугенотов. Ничего, дайте только выбраться — и им конец. Больше миндальничать не буду.

В неспешных размышлениях прошло шесть дней. Много передумал, пришёл к выводу, что в общем итоге здешняя жизнь удалась. Нынешнее приключение не в счёт — злее буду. Хотя, симарронов жалко. Скрипнув зубами, дал себе зарок, что найду и вытащу из рабства их соплеменников. Долг — платежом красен. А в остальном: детей завёл, любимую женщину получил. Денег куры не клюют, сам себе хозяин — почти король... Чего ещё надо? Пусть, тот кто не недоволен — сделает больше. Вздохнув, закрыл глаза, погрузившись в лёгкую дрему. Собачьи лапы, неожиданно рухнувшие на грудь, стали приятной неожиданностью. Недалеко послышались радостные голоса. А вот, и кавалерия подоспела!

Эпилог

Лес. В Америке он почти такой же как дома. «Над Канадой небо синее, только всё же не Россия...». Вспомнились слова старой эмигрантской песни советского времени. Только какая «Россия» моя настоящая Родина? Образца 1984 или 2020? А может 1910 или 1570? Наверно, теперь моя новая Родина здесь в 1575 году на территории Северной Америки. Именно здесь, куётся будущее для моих детей и множества доверившихся мне людей, вместе с которыми пытаюсь построить новое государство. Не знаю, каким оно станет через пару сотен лет. По крайней мере, здесь не будет США, этой всемирной страны-пиявки, наследницы ещё одного государства-урода «великой британии». Уже этим я помогу моей старой Родине, пусть в будущем ей дышится легче и спокойней.

Лес, слегка шевеля ветками деревьев, дышал вечерней прохладой. Тюльпан весело мотая хвостом носился по поляне, ловко уворачиваясь от ручек трёх детских фигурок, старающихся ухватить его за хвост. К нам в гости приехала Юстина, привезя детей. В колонии всё хорошо, но мы готовы ко всему. Что будет дальше? К чему загадывать? Я поднял глаза к небу: облака неспешно плыли по бескрайнему синему океану. Жизнь продолжается.